

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 4/2021

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛЬКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); ЛЕОНОВ Н.С. (Москва); MARTINES PERES X. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2021.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2021.

Latinskaya Amerika N 4/2021 (Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. HEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKY Z.V. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); LEONOV N.S. (Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN,
A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2021.

В НОМЕРЕ:

- 6 В.Л.Хейфец. **Обращение к авторам и читателям**

ЭКОНОМИКА

- 7 Э.Г.Ермольева. **Влияние информационно-коммуникационных технологий на латиноамериканский рынок труда. Текущие изменения в формах занятости**
- 23 А.М.Чуйкова. **Венесуэльская криптовалюта *Petro* как элемент денежно-кредитной политики**

ПОЛИТИКА

- 40 С.В.Смаль. **Государственная политика цифровизации в странах Латинской Америки. Опыт применения многомерных интегральных индексов на примере Бразилии**
- 56 К.А.Неверов. **Интероперабельность как рекурсивный процесс: цифровая платформа Уругвая**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

- 69 И.Т.Стадник, Н.А.Цветкова. **Место и роль стран Латинской Америки в системе международной и региональной кибербезопасности**

КУЛЬТУРА

- 85 Е.А.Виноградова, Н.А.Вагнер. **Цифровизация Латинской Америки в культурной сфере**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 95 Е.Б.Павлова, С.В.Мазаник. **Постколониальный взгляд на локальное знание: *Buen Vivir* vs стрессоустойчивость**

SUMARIO

- 6 Víctor Jeifets. **Mansaje a los autores y lectores**

ECONOMIA

- 7 Eleonora Ermólieva. **El impacto de las tecnologías de información y comunicación en el mercado laboral latinoamericano. Los cambios recientes en las formas del empleo**
- 23 Anastasia Chuykova. **La criptomoneda venezolana *Petro* como elemento de la política monetaria**

POLITICA

- 40 Svetlana Smal. **La política estatal de digitalización en los países de América Latina. La experiencia del uso de los índices integrales multidimensionales en el ejemplo del Brasil**
- 56 Kirill Nevérov. **La interoperabilidad en tanto que proceso recursivo: la plataforma digital de Uruguay**

VINCULOS INTERNACIONALES

- 69 Ilona Stádnik, Natalia Tsvetkova. **El papel y el rol de los países de América Latina en el sistema de la ciberseguridad internacional y regional**

CULTURA

- 85 Ekaterina Vinográdova, Natalia Vágner. **La digitalización en la cultura de los países de América Latina**

PUNTO DE VISTA

- 95 Elena Pávlova, Sergey Mazánik. **El parecer postcolonial en el conocimiento local: *Buen Vivir* vs resiliencia**

CONTENTS

- 6 Victor Jeifets. **Message to authors and readers**

ECONOMY

- 7 Eleonora Ermolieva. **The impact of ICTs on labour market in Latin America. Recent trends and changes in the forms of employment**
- 23 Anastasia Chuykova. **Venezuelan cryptocurrency *Petro* as an element of monetary policy**

POLICY

- 40 Svetlana Smal. **State policy of digitalization in Latin America. Experience of using multidimensional integral indices on the example of Brazil**
- 56 Kirill Neverov. **Interoperability as a recursive process: Uruguay's digital platform**

INTERNATIONAL TIES

- 69 Ilona Stadnik, Natalia Tsvetkova. **The place and role of Latin American countries in the system of international and regional cybersecurity**

CULTURE

- 85 Ekaterina Vinogradova, Natalia Vagner. **Digitalization in the culture of Latin American countries**

POINT OF VIEW

- 95 Elena Pavlova, Sergey Mazanik. **The postcolonial perspective on the local knowledge: *Buen Vivir* vs resilience**

Уважаемые авторы и читатели!

Перед Вами четвертый номер «Латинской Америки» за 2021 год. В нем, как и прежде, редакция старается показать лучшие достижения отечественной латиноамериканистики (следуя обещанию первого главреда журнала Серго Микояна — «давать право и возможность высказываться каждому, кого волнуют судьбы народов, живущих за океаном южнее Рио-Гранде-дель-Норте») в самых разных аспектах исследования географически далекого от нас, но во многом близкого россиянам по духу континента.

Одновременно мы решили вернуться к традиции **тематических досье**. Большая часть номера посвящена месту и роли Латинской Америки в цифровом мире, страны которой стремятся догнать лидеров в этой сфере.

Номер открывает статья сотрудницы ИЛА РАН Элеоноры Ермольевой, в которой автор осмысляет противоречивое влияние цифровизации на социально-трудовые отношения в ЛКА. Динамика происходящих сдвигов оценивается в увязке с Глобальной Повесткой 2030, чтобы показать, как латиноамериканские страны пытаются обеспечить достойную работу всем своим гражданам при помощи цифровых и информационных новшеств.

Редактор АНО-ТВ «Новости» Анастасия Чуйкова показала роль венесуэльской криптовалюты Petro в правительственной стратегии по выходу южноамериканской страны из системного кризиса и противодействию масштабным американским санкциям. Впрочем, прогноз автора по поводу будущей роли Petro далек от оптимистического.

Бразильскую стратегию цифровой трансформации «Повестка дня для цифрового общества будущего» анализирует исследовательница из РГПУ им. А.И.Герцена Светлана Смаль в качестве наиболее удачного примера реализации государственной политики в сфере цифровизации. Этот текст успешно дополняется другим кейсом — исследованием электронной платформы государственного управления и цифрового правительства в Уругвае, ставшим предметом внимания сотрудника СПбГУ Кирилла Неверова.

Петербургские исследователи Илона Стадник и Наталья Цветкова, оценив деятельность стран ЛКА в структурах ООН и ОАГ в деле формирования региональной системы кибербезопасности, опровергают существующий стереотип об общих латиноамериканских подходах и демонстрируют различия ведущих государств региона в этом вопросе. Читателю окажутся интересными соображения авторов о том, как Россия может задействовать латиноамериканский опыт для реализации собственной политики в области информационной безопасности.

Исследовательница из Института театра, кино и телевидения Екатерина Виноградова и ее французская коллега из ЮНЕСКО Наталья Вагнер сконцентрировались на анализе влияния цифровизации на трансформацию культурной сферы Латинской Америки. Статья не стала очередным теоретическим «кирпичиком» по изучению включения региона в процесс глобализации — авторы дали ряд практических рекомендаций по поводу способов внедрения в культурное медиапространство цифрового контента.

Завершает номер статья, совсем не относящаяся к теме цифровизации. Ученые из СПбГУ Елена Павлова и Сергей Мазаник показывают, каким образом концепция *Vieir Vivir* используется в формировании новых взглядов на международные отношения и мировую политику, альтернативных современным евроцентризму и неолиберальному консенсусу. Этот текст, надеемся, станет началом научных дискуссий, которые уже не раз инициировал журнал «Латинская Америка».

Главный редактор

В.Л.ХЕЙФЕЦ

Э.Г.Ермольева

Влияние информационно-коммуникационных технологий на латиноамериканский рынок труда

Текущие изменения в формах занятости

Вопрос, связанный с влиянием цифровых технологий на сферу занятости, все чаще рассматривается в обзорах международных организаций и консалтинговых агентств. Диапазон мнений довольно широк — от позитивных, оценивающих те новые возможности для бизнеса и экономики, которые предоставляют информационно-коммуникационные технологии, до пессимистичных, указывающих на сопутствующие технологическим трансформациям негативные последствия для рынка труда, в частности, сокращение рабочих мест, появление новых форм нестандартной занятости и пр. Пандемия добавила еще большей активности дебатам и затронула большее число стран, включая Латинскую Америку, где противоречивое влияние цифровизации на социально-трудовые отношения прослеживается довольно наглядно. И статья имеет целью осмыслить данный латиноамериканский тренд, проследить системные изменения на основе имеющихся статистических данных и международно признанных показателей. Предпринята также попытка оценить динамику происходящих сдвигов в увязке с глобальной Повесткой 2030, в которой решение задачи, нацеленной на обеспечение «производительной занятости и достойной работы для всех», связано с активным использованием информационных новаций.

Ключевые слова: Латинская Америка, рынок труда, цифровизация занятости, корона-кризис, удаленная работа.

DOI: 10.31857/S0044748X0014085-2

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

Процесс цифровой трансформации, связанной с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), стал активно менять жизнь народов, стран и регионов. Диапазон цифровых сдвигов огромен, их влияние распространяется широко и захватывает почти все сегменты современной человеческой деятельности. На этом пути сфера занятости оказалась одним из главных плацдармов. Латинская Америка, естественно, не осталась в стороне от глобального тренда. Для анализа явления автором были

Элеонора Георгиевна Ермольева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, Б. Ордынка, 21, ermolieva@gmail.com).

проанализированы эмпирические данные, касающиеся нынешнего состояния цифровой экономики в различных регионах мира с акцентом на статистику по странам Латинской Америки, предпринята попытка найти аналогии с процессами, происходящими в латиноамериканском регионе, с тенденциями, развивающимися в других частях света. Метод сравнительного анализа позволил прийти к заключению о том, что вызовы цифровизации, влияющие на сферу занятости в латиноамериканских странах, имеют свою специфику.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Включение латиноамериканских государств в информационную революцию началось в результате запуска еще в 1990-е годы национальных инициатив по переходу к информационному обществу (в Бразилии, Коста-Рике, Мексике, Чили). Позже важным стимулом стали объединение страновых программ в общую стратегию и реализация первого общерегионального проекта — eLAC-2007. (В апреле 2018 г. была принята его новая версия — eLAC-2020 [1].) Как отмечали российские латиноамериканисты, «на протяжении почти двух десятилетий страны Латинской Америки опережали другие регионы развивающегося мира и нарождающихся рынков по плотности использования ИКТ» [2, с.146]. Доля домохозяйств, подключенных к сети Интернет, выросла с 9,5% (в 2005 г.) до 45,5% (2014—2015 гг.). И даже несмотря на ухудшение ситуации в регионе в 2010-е годы, связанное со стагнацией мировой экономики, оказавшее значительное влияние на страны Латинской Америки, «правительства большинства латиноамериканских государств не отказались от реализации программ развития ИКТ нового поколения»*. Освоение новых коммуникационных технологий продолжалось. Так, охват широкополосным (фиксированным) Интернетом в 2018 г. в среднем по региону составлял 15 абонентов на 100 человек населения и был близок к среднемировому уровню (14 на 100) [3].

Согласно данным *Internet Worlds Stats* (на конец 2020 г.), усредненный по региону показатель проникновения Интернета составляет 75%: столько латиноамериканцев пользуются Сетью (в среднем по миру — 63,2%). Несколько иные цифры (73,5%) дает «Обсерватория по цифровой экосистеме», размещенная на сайте Андской корпорации развития (*Corporación Andina de Fomento, CAF*); опубликованные там сведения вместе с показателями из других источников дают общее представление о внутрирегиональных различиях (см. таблицу 1). По проникновению Интернета разброс варьируется от 82% в Чили, 77% в Коста-Рике, 71-73% в андских странах до (самый низкий охват) 42%, который зафиксирован в Гватемале и Никарагуа [4].

* В дополнение к действовавшим программам были приняты: «Национальная цифровая стратегия» в Мексике (2013 г.), «Умная Бразилия» (*Brasil Inteligente*, 2015—2018 гг.), «Цифровое Чили для всех» (*Chile Digital para Todos*, 2015 г.), «Цифровая жизнь Колумбии» (*Vive Digital Colombia*, 2014—2018), «Цифровая повестка дня» (*Agenda Digital*) в Уругвае (2011 г.) и Доминиканской Республике (2016 г.).

**ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ
(по некоторым странам Латинской Америки)**

Страны	Процент населения, пользующегося Интернетом	Число абонентов широкополосного доступа в Интернет (на 100 человек)		Доля семей, имеющих компьютер дома (%)
		Мобильный	Фиксированный	
Аргентина	78	80,7	19,6	69,0
Бразилия	71	88,1	15,4	46,3
Колумбия	69	60,4	14,2	44,3
Коста-Рика	77	92,3	17,9	51,0
Мексика	69	77,5	15,4	45,4
Парагвай	65	57,7	4,6	30,0
Перу	73	65,7	7,3	32,9
Эквадор	69	54,7	12,0	40,7
Уругвай	78	99,0	29,2	71,1
Чили	82	94,6	18,1	60,2

Составлено по: CEPALstat. Estadísticas e indicadores, 2017/2018; Latin American Economic Outlook 2020. Digital Transformation for Building Back Better. Country notes. OECD Publishing, Paris, 2020; Observatorio CAF del Ecosistema Digital, abril de 2020; OECD. Broad-band portal. December, 2019. Digital in 2020: Global Overview. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2020>

Характерно, что в мире в целом — в том числе и в Латинской Америке — наблюдается некий парадокс: при том, что около 93% населения планеты живет в пределах досягаемости Сети стандарта 3G, Интернетом пользуются лишь 54% [5, р. 43]. Как сообщают латиноамериканские представители Ассоциации GSM, выражающей интересы операторов мобильной связи по всему миру, в 2019—2020 гг. в латиноамериканском регионе 38% населения (около 240 млн человек) проживало в пределах досягаемости мобильной связи, однако не пользовалось ею, еще 7% (45 млн) не имело к ней доступа [6].

Одним из барьеров, ограничивающих возможности выхода в Сеть, становится ценовая доступность подключения. Комиссия ООН по широкополосной связи* определяет в качестве порогового уровня для стран с низким и средним уровнем дохода стоимость 1 Гб широкополосного доступа в размере 2% от среднемесячного дохода (ВНП на душу населения). Из данных доклада организации «Альянс за доступный интернет» (*Alliance for Affordable Internet*), работа которой сосредоточена как раз на этой катего-

* Комиссия по широкополосной связи в интересах устойчивого развития была учреждена в 2010 г. Международным союзом электросвязи (МСЭ) и ЮНЕСКО с целью расширения высокоскоростного доступа во всех странах как ключа к ускорению прогресса в достижении целей в области развития. Ее возглавляют президент Руанды Поль Кагаме и Карлос Слим Элу из Мексики, сопредседателями являются Генеральный секретарь МСЭ Хоулинь Чжао и Генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле.

рии государств, следует, что в 2020 г. страны Центральной Америки (за исключением Коста-Рики) сильно отставали от указанного порога доступности; например, в Гондурасе 1-2 ГБ стоят 9,66% месячного среднедушевого дохода, в Никарагуа — 5,39%. (Для сравнения: в Коста-Рике — 0,70%, в Аргентине — 0,66%, в Бразилии — 1,29% [7].) Более наглядные цифры приводит сайт *Statista* со ссылкой на независимую коалицию — Всемирную лигу широкополосной связи (*Worldwide broadband speed league*). По данным на декабрь 2020 г., в Латинской Америке фиксированный широкополосный Интернет более доступен по цене жителям Аргентины и/или Бразилии, чем Никарагуа и/или Гондураса: средняя стоимость месячного пакета колеблется от 20 долл. (в Южной Америке) до 60 долл. — в Центральной Америке [8]. Комментируя сложную ситуацию, Аллан Руис — директор акционерной субрегиональной кампании в области телекоммуникаций *Comtelca* — указывает, что из шести стран — участниц Центральноамериканского договора по телекоммуникациям, только у Коста-Рики существует Национальный план развития электросвязи. По его мнению, «отсутствие политической воли к принятию подобных планов сдерживает прогресс, которого можно было достичь за счет целевых государственных инвестиций и более тесного сотрудничества на местном рынке» [9].

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ СТРАНЫ С ДЕФИЦИТОМ ПОДКЛЮЧЕНИЯ К МОБИЛЬНОМУ ИНТЕРНЕТУ

Источник: The Mobile Economy. Latin América 2020. GSMA Intelligence, London, 2020.

В Латинской Америке все более активно распространяется и мобильный доступ к Интернету, для которого, как и для проводного, важна скорость скачивания. Во всем мире самым точным способом измерения производи-

тельности мобильных операторов признается разработанное международным агентством *Ookla* приложение *SpeedTest*, на основе которого ежемесячно составляется общемировой рейтинг. При этом, как стало видно в период пандемии, классификация очень подвижна, потому что перемещения внутри иерархии как среди лидеров, так и среди стран, занимающих низкие позиции, происходит довольно быстро.

Рейтинг стран по скорости приема данных через оптоволоконный (проводной) Интернет в декабре 2020 г. возглавил Таиланд (308,4 Мбит/сек). Латиноамериканские государства сильно отстают: в возглавляющей региональный рейтинг Чили средняя скорость скачивания равна 162 Мбит/сек (17-я позиция из 178 обследованных стран). Иерархия по скорости мобильного Интернета несколько иная; первое место занимает Катар (скорость скачивания 178 Мбит/с). В латиноамериканском регионе самый быстрый беспроводной интернет — в Уругвае (см. таблицу 2), где не зарегистрирован даже среднемировой уровень для этой связи — 47,2 Мбит/сек.

Т а б л и ц а 2

ПОКАЗАТЕЛИ СКОРОСТИ ИНТЕРНЕТА (декабрь 2020 г.)

Страны (в иерархическом порядке, согласно <i>Speedtest</i>)	Скорость проводного Интернета (скачивание, декабрь 2020 г.)		Страны (в иерархическом порядке, согласно <i>Speedtest</i>)	Скорость мобильного Интернета (скачивание, декабрь 2020 г.)	
	Место в рейтинге	Мбит/с (Mbps)		Место в рейтинге	Мбит/с (Mbps)
Чили	17	162,4	Уругвай	58	36,9
Бразилия	50	78,1	Мексика	69	32,1
Уругвай	64	54,6	Бразилия	75	29,3
Парагвай	67	50,8	Коста-Рика	77	29,0
Перу	72	47,5	Перу	93	23,2
Колумбия	78	44,8	Эквадор	100	20,9
Мексика	79	44,8	Чили	106	19,9
Коста-Рика	80	43,8	Боливия	112	19,2
Эквадор	103	28,6	Колумбия	119	17,4
Боливия	114	23,3	Парагвай	120	17,3
Сальвадор	128	19,7	Венесуэла	138	7,5

Источник: Speedtest Global index. Ranking from around the world on a monthly basis. December, 2020. Available at: <https://www.speedtest.net/global-index>

Приведенные данные иллюстрируют не просто качественные характеристики коммуникаций в латиноамериканских странах, но и их возможности в нынешних условиях, когда Интернет приобрел в период самоизоляции особую значимость для общения, удаленной работы и дистанционного обучения. Стабильная и высокая скорость связи повышает и успешность учебы, и результативность трудовой деятельности в режиме онлайн. Однако, как подчеркивают латиноамериканские специалисты, пандемия выяви-

ла новые факты существования так называемой цифровой брешы, существующей между развитыми странами (Европой и Северной Америкой) и менее благополучными регионами (включая латиноамериканский).

Концепция цифровой брешы (или цифрового разрыва) отражает наличие глубокого межстранового неравенства в доступе к ИКТ, в овладении ими и их использовании. Явление начало активно изучаться с начала 2000-х годов, исследования продолжаются в настоящее время, и в Латинской Америке просматривается явный отголосок новых подходов. Так, колумбийский профессор Габриэль Леви (Университет Антиокии), консультант по мультимедиа в экспертной группе *ARTICA (Alianza Regional de TIC)* подчеркивает не только экономический, но и социальный аспект цифрового неравенства, «остро проявившегося в период пандемии». При этом он считает, что масштабы цифровой брешы не стоит измерять лишь абсолютным (или процентным) числом пользователей Интернета, гораздо важнее скорость подключения и передачи данных. От этой характеристики «в огромной степени зависят возможности для элементарного общения в период карантина, для удаленной работы, для услуг здравоохранения и для обучения», — утверждает аналитик из Колумбии [10]. Опираясь на данные отчета *Digital 2020*, представленного креативным агентством *We Are Social* и платформой *Hootsuite** (сведения пользуются доверием аналитиков), Г.Леви иллюстрирует ранг цифрового разрыва на примере Уругвая, с одной стороны, и Испании — с другой. Так, средняя скорость широкополосного подключения к Сети в иберийской стране составляет 127 Мбит/сек, в южноамериканской — 54 Мбит/с, по мобильной связи различие меньше: в Испании — 48,9, Уругвае — 36,9 Мбит/сек. (Испанские авторы сетуют на низкое качество данного вида связи, по которому страна опустилась в декабре 2020 г. на 50-е место [11].) Вывод латиноамериканских и испанских исследователей однозначен: результатом цифрового разлома/барьера (есть и такая трактовка дефиниции *digital divide*) «становится углубление технологической бедности и социальной исключенности значительных групп граждан» [12].

Для краткой иллюстрации цифровой брешы, существующей между странами глобального «Севера» и глобального «Юга», довольно показательными представляются некоторые параметры так называемого международного индекса цифровой экономики и общества (*International Digital Economy and Society Index, I-DESI*), разработанного Еврокомиссией и «суммирующего соответствующие индикаторы цифровизации в европейских странах... и их конкурентные позиции» [13, с. 108]. Индекс позволяет проводить сопоставления как внутри Евросоюза, так и за пределами Старого Света: в список включены, в частности, Бразилия, Канада, Китай, Япония, Южная Корея, Мексика, Чили, Россия и США. Из 24 статистических данных (сгруппированных в пять областей) остановимся на двух, в наибольшей мере касающихся сферы труда — показателе интегрированности цифровых технологий в предпринимательскую среду и качества человеческого капитала («цифровой компетенции»).

* *We Are Social* — креативное агентство с интернациональной командой, состоящей более чем из 700 человек; *Hootsuite* — платформа с 16 млн клиентов для управления социальными сетями.

Данные рейтинга по *I-DESI-2018* показывают, что по степени дигитализации бизнеса среднестатистическая европейская страна отстает от США, однако такие государства как Нидерланды и Финляндия опережают заокеанского контрагента. На этом фоне внушительное отставание по показателю «технологического проникновения» в бизнес-практику представителей Латинской Америки — во главе с Бразилией — особенно заметно (см. таблицу 3).

Т а б л и ц а 3

УСЛОВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ВНЕДРЕНИЯ ИКТ В БИЗНЕС-СРЕДУ
(компонент *I-DESI*)

Страны *	Значение субиндекса интеграции бизнес-технологий (<i>Integration of digital technology dimension</i>)		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Нидерланды	60	86	83
Финляндия	54	66	80
Канада	54	64	56
США	50	70	73
Бразилия	24	14	10
Мексика	37	32	19
Чили	46	45	29
Россия	30	36	28

* Примечание: среди ЕС-28 даны страны с наиболее высокими показателями субиндекса для иллюстрации разрыва с государствами, расположенными за пределами Европы.

Источник: International Digital Economy and Society Index, 2020.

Один из главных выводов, полученных на основе индекса цифровой экономики и общества (*I-DESI*), показывает, насколько насущным становится фактор дигитальных навыков в цифровой экономике, приход которой оказался из-за пандемии более близким, чем прогнозировалось. Примечателен и лейтмотив обзоров Международного союза электросвязи (*International Telecommunication Union, ITU*): низкий уровень ИКТ-навыков не только остается барьером на пути к полноценному участию людей в информационном обществе в каждой отдельно взятой стране, но и увеличивает межрегиональную цифровую брешь.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИКТ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ РЫНОК ТРУДА

Детальных исследований о происходящем влиянии ИКТ на занятость в латиноамериканских странах еще не так много, но предварительные результаты показывают: это воздействие противоречиво, поскольку имеет как плюсы, так и минусы, а также отличается по ряду характеристик от ситуации, которая складывается в других регионах. Факты подтверждают, что пандемия послужила катализатором распространения *цифры* в сфере

занятости. В то же время, если рассмотреть глобальную панораму через призму цифровой брешы, то становится понятно, что разрыв явно увеличивается, о чем с тревогой сообщают результаты мониторингов и международных обзоров.

В 2003 г. *ITU* разработал специальный показатель — *Digital Access Index (DAI)*, который в 2018 г. при содействии консалтинговой кампании *Accenture* был обновлен с учетом «Целей устойчивого развития», где в рамках ЦУР-9 предусмотрена задача «расширять доступ к информационно-коммуникационным технологиям и стремиться к обеспечению всеобщего и недорогого доступа к Интернету в наименее развитых странах». Инициатива призвана содействовать «глобальному устойчивому развитию за счет ИКТ-трансформаций», что и зафиксировано в наименовании индикатора — *Global Enabling Sustainability Initiative (GeSI)*. Комментируя данный международный проект, специальный советник ООН по устойчивому развитию Джеффри Сакс подчеркивал: «Разработанный индикатор призван доказать, насколько цифровая составляющая существенна для достижения ЦУР как единого целого, так и каждой цели в отдельности — будь то задача по искоренению бедности или улучшению качества образования и здравоохранения» [14].

В публикациях международных организаций все чаще уделяется внимание цифровым навыкам экономически активного населения (ЭАН), что в условиях удаленной работы добавило актуальность теме. «При значительной доле населения, вынужденного оставаться дома, потребность в надежных интернет-инструментах, а также цифровых навыках людей, способных этими инструментами пользоваться, проявилась с впечатляющей очевидностью». По статистике *ITU* (2020 г.) даже в передовых странах от 40 до 60% граждан не обладают необходимыми так называемыми стандартными цифровыми навыками [15, p. 14]. Согласно принятой *ITU* и ЮНЕСКО классификации, этот уровень (*standard skills*) является промежуточным между базовым, пользовательским (*basic skills*) и профессиональным (*advanced skills*).

В конце 2019 — начале 2020 г. аналитическая команда Всемирного экономического форума провела обследование, охватившее 14 тыс. предпринимателей в 126 странах мира, поставив такой вопрос: «Насколько хорошо, по вашему мнению, работники владеют базовыми цифровыми навыками?». В опубликованных Всемирным банком результатах самый высокий в Латинской Америке балл — 4,9 — дали представители Коста-Рики, за ними — чилийские и уругвайские бизнесмены — 4,3, большую неудовлетворенность выразили представители Аргентины (4,0), Мексики (3,7) и особенно Бразилии (3,1; см. таблицу 4). По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в среднем по Латинской Америке до 75% фирм испытывают трудности в наборе профессионалов в ИКТ [16].

Любопытные, на наш взгляд, результаты были получены в ходе исследования, проведенного образовательной онлайн-платформой *Udemy**, которую такие издания, как *New York Times* и *BBC* называют одной из лучших среди существующих массовых открытых онлайн-курсов. Для изучения темы дефицита профессиональных навыков, вернее, разрыва между

* *Udemy* работает с 2009 г. и предлагает более 130 000 видеокурсов. В проекте зарегистрировано более 40 млн студентов, обучение ведут 50 тыс. преподавателей на 60 языках.

спросом со стороны предпринимателей и предложением со стороны претендентов на трудоустройство, были выбраны Испания, Франция, Бразилия, Мексика и Индия. Принималось во внимание не только мнение работодателей, но и самооощущения персонала. В данной группе стран на нехватку нужных способностей больше всего сетовали бразильские и индийские трудящиеся (75-76%), в меньшей степени (68%) — мексиканские и испанские (60%) [17].

Т а б л и ц а 4

**УРОВЕНЬ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ СРЕДИ
ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ (ЭАН)**

Страны	Процент лиц со средним уровнем цифровых навыков среди ЭАН	Оценка цифровых навыков работников предпринимателями*	
		2017 г.	2019 г.
Аргентина	50,2	3,9	4,0
Бразилия	36,9	3,4	3,1
Мексика	42,9	3,8	3,7
Коста-Рика	64,8	5,0	4,9
Чили	54,4	4,2	4,3
Испания	55,2	4,1	4,3
США	69,4	5,9	5,3
Канада	67,9	5,3	5,1
Сингапур	77,0	5,7	5,6
Россия	66,0	4,6	4,9

* Результаты варьируются по шкале от 1 (худшая оценка) до 7 (лучшая).

Составлено по: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2019; World Bank. Digital skills among population. [tdata360.worldbank.org](https://data360.worldbank.org); World Economic Forum. Future of Jobs Report, 2020. Country Profiles.

Уровень наполненности латиноамериканского рынка труда кадрами, которые бы устраивали нанимателей по уровню профессиональной подготовки и личностным качествам, весьма низкий. По данным на 2020 г. наибольшую нехватку в квалифицированных кадрах испытывают 55% колумбийских и перуанских предпринимателей, чуть меньше — от 41 до 52% — владельцы компаний в Аргентине, Бразилии, Мексике, Коста-Рике и Панаме [18].

Во всем мире в ближайшие годы прогнозируется появление миллионов рабочих мест, которые смогут занять только сотрудники, обладающие серьезными цифровыми навыками, которые, как правило, приобретаются в рамках формальных форм высшего образования. Однако, как показывает опрос *Udemy*, до 2/3 молодых предпринимателей в Бразилии и Мексике считают, что студентов в вузах слабо обучают как базовым трудовым навыкам, так и владением ИКТ, что ограничивает активное развитие цифрового предпринимательства, а этот сегмент будет крайне важен для развития латиноамериканских стран в постпандемический период. Одним из залогов успеха является улучшение дигитальных навыков работников. По данным доклада «Будущее занятости» (Всемирный экономический форум, 2020 г.), не менее 50-52% компаний в Арген-

тине, Бразилии, Мексике будут вынуждены перейти на стратегию цифрового профусовершенствования кадров.

На сегодняшний день в регионе на производстве используется далеко не весь потенциал цифровых инструментов. Согласно имеющимся данным, процент фирм, подключенных к Сети, достигает 90%, однако доля тех, которые используют Интернет в производственных целях, намного ниже: в Бразилии — 66%, в Аргентине и Уругвае — около 40%, а это — самые высокие показатели [19].

Особенностью латиноамериканской ситуации в сфере занятости является ограниченная возможность для многих категорий трудящихся работать дистанционно. Одна из причин — высокий (более 50%) уровень неформальной занятости, которая, как подчеркивают эксперты Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), «требуется физического присутствия на рабочих местах». Переход на удаленный режим занятости затруднен и по некоторым другим причинам, связанным с особенностями хозяйственной структуры региона. «Если в Европе и США почти 40% людей могут работать из дома, то в ЛКА — только 21,3%» [20]. (Данные совпадают с оценками ЭКЛАК [21, pp. 12-13]. Эффективно работать дистанционно могут занятые в финансовой, страховой, научно-исследовательской сферах, учителя и преподаватели вузов; эти категории трудящихся составляют всего 20% рынка труда в латиноамериканских странах [22].)

Следует принять во внимание, что 60-61% занятости в латиноамериканских странах обеспечивается за счет мелких и средних предприятий, часто не располагающих ни финансовыми средствами, ни стимулами для внедрения инновационных технологий, необходимых для трудовой деятельности онлайн. Согласно данным некоторых исследований, многие хозяева не проявляют интерес к модернизации на базе ИКТ, поскольку слабо понимают, насколько рентабельны для их бизнеса могут быть такие усовершенствования.

Для преодоления экономических и социально-психологических барьеров Фонд *Capital* * (со штаб-квартирой в Боготе) при поддержке финансовой корпорации *Mastercard* в апреле 2020 г. приступил к реализации проекта *DigitAll*, с участием нескольких сотен *SME* в Колумбии, Мексике и Перу с целью показать выгоду от использования дистанционных коммуникационных средств для повышения производительности и «укрепления финансового здоровья» этой категории фирм. Чуть позже на 600 предприятиях розничной торговли в странах-участницах был проведен опрос, который показал их владельцам более позитивные результаты для торговых и небольших финансовых операций при условии использования Интернета. Руководство фонда намерено продлить действие *DigitAll* и охватить до 57 тыс. микро- и мелких предприятий не только в андских странах и Мексике,

* *Fundación Capital* — международная некоммерческая организация, базирующаяся в Колумбии; через свои инновационные программы облегчает беднякам доступ к финансовым ресурсам и образованию, инвестирует в малые предприятия, помогает небольшим растущим компаниям находить потенциальных инвесторов. Имея уже около 3 млн клиентов в Латинской Америке, фонд планирует в ближайшие годы довести их число до 8 млн.

но и в Бразилии при содействии *Aliança Empreendedora* [23]. По оценкам специалистов Глобального института *McKinsey*, при условии осуществления цифровой революции в сегменте латиноамериканских *SME* экономическое восстановление в пост-пандемический период может быть более динамичным [24].

Важные результаты по оценке последствий трудовой деятельности в онлайн-режиме в различных регионах, включая латиноамериканский, были получены международной исследовательской компанией *Ipsos Group*. Исследование, выполненное к декабрю 2020 г. по заказу Всемирного экономического форума в 28 странах, имело своей задачей определить, как дистанционная работа влияет на сотрудников в возрасте от 16 (18) до 74 лет* [25].

Согласно опросу, охватившему почти 13 тыс. человек, в среднем каждый второй активный работник перешел на дистанционный формат, при этом самый высокий процент «удаленки» был зафиксирован в Колумбии (74%), Индии (73%); в США из дома работали 1/2 опрошенных, в Аргентине и Бразилии — чуть больше. Примечательно, что около 1/3 опрошенных «не рассматривали ранее возможность работы на дому»; в странах Латинской Америки таковых намного меньше, чем, например, в Испании (44%) или государствах Северной Америки (см. таблицу 5).

Исследование *Ipsos Group* также показало, что режим трудовой деятельности (названный «новой нормой») повлек за собой явные проблемы, вызванные необходимостью резко изменить устоявшиеся условия труда и быта, нередко — трудности, связанные с оборудованием «домашнего офиса», или семейные неурядицы. Так, в группе латиноамериканских стран наибольшую неудовлетворенность рабочим местом проявили перуанские участники опроса, они же имели более серьезные проблемы в семьях, чем, например, мексиканские работники. Чаще всего о негативных последствиях пандемии, влияющих на семейное благополучие, сообщали респонденты до 35 лет, владельцы фирм, низкооплачиваемые работники, женщины.

Самым большим источником тревоги для всех категорий опрошенных стали опасения потерять работу. В латиноамериканском регионе их обнаружилось больше, чем в среднем по миру: в Аргентине доля обеспокоенных возможной безработицей составила 70%, в Перу и Чили — 69%, в Колумбии — 62%. Только в Мексике показатель был близким к усредненному (57%) среди всех респондентов (см. таблицу 5). Для некоторой части работников переход на удаленный режим оказался затруднительным, и они были вынуждены уволиться; в среднем это оказались 15% респондентов, в Перу, Мексике и Бразилии — около 20%. Чаще всего главной причиной ухода с работы становилась недостаточная компьютерная грамотность. Таким образом, новое социологическое исследование вновь показало, что цифровые навыки являются обязательным условием значимого участия граждан в цифровой экономике.

* Выборка по таким странам, как Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Чили, Китай, Индия и Россия была смещена в сторону высокообразованных людей, проживающих в городах (<https://www.ipsos.com/en/covid-19-pandemics-impact-workers-lives>).

Таблица 5

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ОПРОСА
О ВЛИЯНИИ НА РАБОТНИКОВ РЕЖИМА УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ (в %)**

	Переход на удаленную работу		Трудности, возникшие в связи с переходом на работу из дома		Рост опасений потерять работу из-за пандемии
	Насколько был вынужденным	Не рассматрива- лась такая необходимость	Неудовлетворенность домашним оборудова- нием и рабочим местом	Стресс из-за семейных неурядиц в связи с работой на дому	Недовольство снижением производительности
В среднем по итогу	52	31	46	45	46
Аргентина	56	21	51	59	50
Бразилия	54	26	50	45	49
Колумбия	74	13	46	54	47
Мексика	57	18	53	52	47
Перу	69	12	57	62	59
Чили	59	19	41	56	54
Испания	39	44	50	51	40
Канада	47	39	39	41	41
США	49	39	37	40	36
Россия	44	35	46	39	46
					53

Составлено по: The COVID-19 pandemic's impact on workers' lives. (28-country Ipsos survey for the World Economic Forum, December 2020).

Согласно прогнозам, появляющимся в блоге Всемирного экономического форума, сочетание удаленной и офисной работы станет одним из долгосрочных следствий коронакризиса — будь то в Европе или в Латинской Америке. В то же время такая гибридная *нео-нормальность* является приметой цифровизации трудовой сферы, темпы которой, скорее всего, будут нарастать по мере цифровой трансформации хозяйственных структур в странах и регионах.

Дискуссия, связанная с появлением новых видов занятости, катализатором которых стала пандемия коронавируса, ведется почти повсеместно. Российские ученые стремятся не только проследить последствия для национального рынка труда, но и дать оценку тенденциям, наблюдающимся в других странах. Так, анализируя феномен платформенной занятости, ведущий сотрудник ИМЭМО им Е.М.Примакова РАН РФ, Елена Сергеевна Садовая пишет: «Родившись как вспомогательные средства, призванные облегчить процесс функционирования индустриальной экономики в условиях увеличения ее масштаба, цифровые технологии начинают жить своей собственной жизнью... становясь все доступнее и одновременно диктуя новые стандарты ведения бизнеса и занятости и задавая новую реальность для социальной сферы» [26, с. 37]. Показывая, как цифровизация оказывает трансформирующий эффект на социально-трудовую сферу, исследовательница подчеркивает необходимость создания правовых рамок для тех новых типов общественных отношений, которые складываются в результате происходящих изменений.

Озабоченность социальными последствиями онлайн-работы проявляют и в странах Латинской Америки. Так, консультант Международной организации труда Мария Мекси ставит вопрос: каким образом следует регулировать платформенную занятость и иные формы удаленного труда, стимулируемые коронакризисом, «в рамках критериев социально-трудовой справедливости в капиталистической действительности?» [27]. На наш взгляд, для латиноамериканской действительности проблема ослабления социальных рисков, вызываемых распространением цифровой экономики, гораздо более актуальна, чем для иных регионов. И дело не только в том, что существует сегмент так называемой *экономики незнания*, то есть массы малограмотного населения, не готового осваивать новые технологии и цифровые продукты и зачастую инертного к необходимости переучиваться. На латиноамериканском рынке труда может увеличиться (и уже фактически растет) особая социальная прослойка общества, получившая определение *прекариата*. «Этот термин характеризует класс, представители которого не имеют «нормальной» работы с постоянной занятостью, стабильным заработком и социальными гарантиями, обеспеченными работодателем и государством. Ниже прекариата может быть только беднота» [28, с. 136]. Такова одна из отличительных характеристик рынка труда в странах, где влияние цифровизации для некоторых групп ЭАН оказывается негативным. Пример латиноамериканских стран довольно показателен: неформальная занятость, которая варьируется от 78% (в Гондурасе) до 65% (в Мексике) и 42% (в Бразилии) и характеризуется неустойчивым социальным положением трудящихся, нестабильностью дохода и отсутствием многих социальных гарантий, приобрела статус эндемичной проблемы. Достаточно сказать, что термин «уязвимый, нестабильный рынок труда»

(*mercado de trabajo precario*) стал использоваться многими латиноамериканскими учеными.

Неоднозначные последствия дигитализации рынка труда требуют срочной выработки новых подходов в рамках государственной политике. Это задача поставлена в повестку дня регионального мозгового центра — ЭКЛАК. Как подчеркивает чл.-корр. РАН Владимир Михайлович Давыдов, для экспертов Комиссии смыслом «новой эпохи» являются результаты «глобального транзита к изменению технологической парадигмы, что требует переоценки ценностей и былых представлений в зоне научной рефлексии». [29, р. 15]. Пересматривая концептуальные подходы, специалисты ЭКЛАК делают ставку на молодежную составляющую в социально-трудовой политике, что, действительно, крайне актуально: как показывают исследования, именно молодые люди испытали самые глубокие потрясения и разочарования из-за пандемии: нарушился нормальный ход обучения и профессиональной подготовки, многие потеряли работу и возможности трудоустроиться в ближайшее время. Приоритетное внимание, оказываемое молодому поколению в латиноамериканских странах, следует рассматривать как отражение общей международной тенденции, направленной на спасение судьбы миллениумов, от которых зависит будущее и других поколений.

Анализ латиноамериканской действительности показывает, что регион не остается в стороне от глобального феномена под названием цифровизация рынка труда, довольно внезапный приход которой в государства региона был спровоцирован коронакризисом. Новый, цифровой этап развития, безусловно, может привести к повышению эффективности производства, но он чреват и иными, неоднозначными последствиями. В странах глобального Юга, включая латиноамериканские, внедрение инновационных компьютерных технологий влечет за собой более интенсивное вытеснение определенных категорий работников из трудовой деятельности, чем на пространстве глобального Севера, что увеличивает уровень безработицы. Формирование цифровой реальности в экономическом пространстве сопровождается возникновением новых форм нестандартной занятости (удаленная работа), требующих обновления механизмов регулирования трудовых отношений. Происходящие сдвиги также изменяют характер спроса на трудовые ресурсы, резко повышая востребованность кадров, обладающих дигитальными навыками, которых не так много в регионе. Цифровизация некоторых сегментов рынка труда происходит не только в условиях дефицита профессионально подготовленной рабочей силы, но и при сохранении эндемичных, латиноамериканских характеристик (в частности, высокого удельного веса неформальной занятости). Суммарное действие ряда факторов повышает уровень социальных рисков, сопровождающих дигитализацию сферы занятости, что требует особого внимания со стороны правительств. Игнорирование властями происходящих изменений может привести к конфликту интересов работников и работодателей, дестабилизировать положение на рынке труда, а в более общем плане может угрожать нарушением общественно-политического баланса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Agenda digital para América Latina y el Caribe (eLAC-2020). Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones> (accessed 17.12.2020).
2. *Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки*. Отв. редактор Л. Н. Симонова. М., ИЛА РАН, 2017, 552 с. [*Vozmozhnosti i predely innovacionnogo razvitiya Latinskoj Ameriki*. [Opportunities and limits of innovative development in Latin America]. Moscow, ILA RAN, 2017, 552 p. (In Russ.).
3. Banco Mundial. Suscripción a banda ancha fija per 100 personas. Indicadores del desarrollo mundial. Available at: <https://datos.bancomundial.org/indicador> (accessed 11.01.2021).
4. Internet World Penetration Rates by Geographic Regions, 2020, Q3. Available at: www.internetworldstats.com (accessed 12.01.2021).
5. ONU. Informe de Objetivos de Desarrollo Sostenible, 2020. Available: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020> (accessed 09.01.2021).
6. GSMA. La Economía Móvil en América Latina 2020. P.29. Available at: <https://www.gsma.com> (accessed 09.01.2021).
7. 2020 Affordability Report. Mobile Broadband Pricing. Available at: <https://a4ai.org/affordability-report> (accessed 17.01.2021).
8. Pasquali M. ¿En qué países latinoamericanos es más caro tener internet? Available at: <https://es.statista.com> (accessed 07.01.2021).
9. 2020 Affordability Report. Executive Summary. The unaffordability of data in Central America. Available at: https://a4ai.org/affordability-report/report/2020/#executive_summary (accessed 18.01.2021).
10. Levy G. Brecha que reveló la pandemia. Available at: <http://andinalink.com> (accessed 17.01.2021)
11. La velocidad media de la banda ancha en España roza los 130Mbps, cuatro veces más que la velocidad móvil, según Ookla. Available at: <https://www.xatakamovil.com> (accessed 17.01.2021)
12. La brecha digital en el mundo y por qué provoca desigualdad. Available at: <https://www.iberdrola.com> (accessed 18.01.2021).
13. Циреншиков В.С. Цифровизация экономики Европы. *Современная Европа*, 2019, № 3, сс. 104–113. [Cirenshchikov V. Cifrovizaciya ekonomiki Evropy [Digitalization of European Economy]. *Sovremennaya Evropa*, 2019, N 3, pp. 104–113. (In Russ.).
14. Global e-sustainability initiative. GeSI, Digital Access Index. Available at: <https://digitalaccessindex-sdg.gesi.org/> (accessed 03.02.2021).
15. ITU. Digital Skills Insights, 2020. Introduction. Available at: <https://academy.itu.int> (accessed 04.02.2021).
16. 2020. Policy Note on Latin America. Leveraging the Impact of New Technologies. Available at: <https://www.oecd.org/dev/EMnet-Latin-America-Policy-Note-2020.pdf> (accessed 18.01.2021).
17. Udey 2019/2020 Global Skills Gap Report. Available at: <https://research.udemy.com> (accessed 09.01.2021).
18. Renew, Reskill, Redeploy: ManpowerGroup Releases New Research on the Impact of COVID-19 on Digitization and Skills at the Virtual #DavosAgenda. Available at: <https://www.prnewswire.com/news-releases> (accessed 26.01.2021).
19. El estado de la digitalización de América Latina frente a la pandemia del COVID-19. Caracas: CAF. 2020, April 3. Available at: <https://scioteca.caf.com> (accessed 13.12.2020).
20. Школяр Н.А. Латинская Америка: прогнозы восстановления после COVID-19 [Shkolyar N.A. Latinskaya Amerika: prognozy vosstanovleniya posle COVID-19 [Latin America: COVID-19 Recovery Projections in Post Covid period]. Available at: <https://russiancouncil.ru> (accessed 03.02.2021). (In Russ.).
21. Weller J. La pandemia del COVID-19 y su efecto en las tendencias de los mercados laborales, 2020. Available at: https://repositorio.ceal.org/bit-stream/handle/11362/45759/1/S2000387_es.pdf
22. CEPAL. Universalizing access to digital technologies to address the consequences of COVID-19. Special Report. N7, 26 August 2020. Available at: <https://www.cepal.org/en/publications> (accessed 17.12.2020).

Элеонора Ермольева

23. Gomez F. DigitAll: Digitalization of SMEs to increase their productivity and improve their financial health. Available at: <https://fundacapital.medium.com> (accessed 03.02.2021).
24. Latin America's missing middle: Rebooting inclusive growth. McKinsey Global Institute. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey> (accessed 05.02.2021).
25. The COVID-19 pandemic's impact on workers' lives. Available at: <https://www.ipsos.com> (accessed 04.02.2021).
26. Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018, т. 62, № 12, сс. 35-45. [Cadovaya E.S. Cifrovaya ekonomika i novaya paradigma rynka truda [Digital Economy and a New Paradigm of the Labour Market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, N 12, pp. 35-45]. (In Russ.).
27. Mexi M. Opinión: El trabajo después del coronavirus. Nueva Sociedad, 2020, Abril. Available at: <https://www.nuso.org> (accessed 03.02.2021).
28. Хачатурян А.А. Социальные риски перехода к цифровой экономике. *Мир перемен*, 2020, № 3, сс. 126-142. [Hachaturyan A.A. Social'nye riski perekhoda k cifrovoj ekonomike [Social risks of the transition to the digital economy]. *Mir peremen*, 2020, N 3, pp.126-142 (In Russ.).
29. Davydov V. Enfoques conceptuales para interpretar la problemática del desarrollo sostenible. *Iberoamérica*, ILA RAN, Moscow, 2020, N 4, p. 5-23. DOI: 10.37656/s20768400-2020-4-01

Eleonora G. Ermolieva (ermolieva@gmail.com)

PhD in Economics, Lead Research Scientist, Center of Iberoamerican Studies,
Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences

B.Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

The impact of ICTs on labour market in Latin America. Recent trends and changes in the forms of employment

Abstract. The debate about what kind of impact current digital and technological changes will have on employment is becoming more frequent in the reviews of international organizations and consulting agencies. The range of opinions is quite wide - from positive, considering the new opportunities for business and the economy provided by ICTs, to pessimistic, pointing to possible extent of job destruction, relevant changes in the workforce skills and competencies, accompanying technological transformations, and the appearance of new forms of non-standard employment, etc. The Sars-Cov-2 pandemic has added even more activity to discussion and has affected more countries, including Latin America (LA), where the controversial impact of digitalization on social and labor relations is such evident. And the article aims to think through this Latin American trend, to track systemic changes with the help of available statistics and internationally recognized indicators. An attempt was also made to assess the dynamics of the ongoing transformations with due regard to the global Agenda 2030, in which the target of "productive employment and decent work for all" takes into account the potential of ICTs to contribute to a sustainable development.

Key words: Latin America, labour market, digital transformations, corona-crisis, remote employment.

DOI: 10.31857/S0044748X0014085-2

Received: 05.02 2021.

А.М.Чуйкова

Венесуэльская криптовалюта *Petro* как элемент денежно- кредитной политики

В статье представлены причины, побудившие правительство Венесуэлы к созданию первой в мире государственной криптовалюты – *Petro*, рассмотрены условия ее введения в оборот и принцип действия. В отличие от других криптовалют, *Petro* является активом, обеспеченным природными ресурсами страны. Предлагается считать ее токеном — жетоном, позволяющим совершать операции с настоящими деньгами и дающим инвестору право обменять его на национальную валюту по текущему курсу. В результате первичного размещения токенов (*Initial coin offering, ICO*) удалось привлечь значительные финансовые ресурсы. *Petro* уже функционирует как национальная платежная система, торгуется на восьми местных биржах. И хотя не все поставленные правительством задачи выполнены, криптовалюта укрепила денежную систему страны во время тяжелейшего экономического кризиса, помогла смягчить влияние американских санкций. В перспективе возможна как более полная интеграция *Petro* в финансовую систему Венесуэлы, так и отказ от ее использования как от временного, переходного механизма. Методологическую основу данного исследования составили общенаучные методы — анализ, синтез, сравнение, а также специальные — расчет экономических показателей, графический метод, контент-анализ.

Ключевые слова: гиперинфляция, социально-экономический кризис, *Petro*, криптовалюта, токен, платежная система, *ICO*, валютный арбитраж.

DOI: 10.31857/S0044748X0014086-3

Статья поступила в редакцию 24.11.2020.

Венесуэла обладает самыми крупными в мире доказанными запасами нефти — 302 млрд баррелей [1]. Богатейшие энергетические ресурсы исторически обусловили монокультурность ее экономики, развивающейся по рентной, экспортно-ориентированной модели. В этих условиях основным фактором роста является внешняя торговля. Традиционно около половины экспорта приходилось на США, заинтересованных в поставках дешевой нефти и обладающих необходимыми технологиями для переработки тяжелых сортов, которые составляют большую часть венесуэльских запасов [2]. Эта особенность очень сужает количество потенциальных зарубежных по-

Анастасия Максимовна Чуйкова — редактор АНО «ТВ-Новости» (РФ, 111020 Москва, ул. Боровая, д. 3, an2495@yandex.ru).

требителей ввиду технических сложностей, связанных с процессом производства нефтепродуктов. Для Соединенных Штатов Венесуэла была рынком, нуждавшимся в широком спектре американских товаров: от продукции промышленного производства и разбавителей нефти (нафты) до продуктов питания.

Американские транснациональные компании (ТНК), господствовавшие в сфере добычи и переработки нефти, были лишены привилегий, когда в 1999 г. президентом был избран Уго Чавес (1999—2013 гг.). Впервые в истории Венесуэлы олигархия, компрадорская буржуазия и латифундисты — проводники внешнеполитического курса США, ТНК и Международного валютного фонда (МВФ) — лишились политической власти, которая перешла в руки народного режима. Нефтяной сектор был поставлен под контроль государства, а крупнейшее предприятие Государственная нефтяная компания Венесуэлы (*Petróleos de Venezuela S.A., PDVSA*), как и другие значимые фирмы, стала работать в интересах широких слоев населения. ТНК, ранее получавшие сверхприбыли, ведя разработку месторождений, не смогли смириться с потерей этого важного источника прибыли.

Опираясь на нефтяные доходы, народный режим предложил обществу альтернативную социально-экономическую модель — «Социализм XXI века». За десять лет в Венесуэле произошли радикальные преобразования, охватившие сферу здравоохранения, образования, социального обеспечения, гражданского строительства и другие. В результате резко поднялся уровень благосостояния широких слоев населения, что отмечалось экспертами Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). Индекс Джини, отражающий степень неравенства в распределении доходов, составлял 0,507 в 1997 г., а к 2010 г. снизился до 0,390 (это был самый низкий показатель в регионе) [3]. К 2017 г. индекс человеческого развития (ИЧР) возрос до 0,761 (в Мексике он составлял 0,774, в Бразилии — 0,759) [4]. С 2013 г. курс У.Чавеса продолжает президент Николас Мадуро (2013 — н/в). Но социальные завоевания прошлых лет фактически были сведены на нет глубоким и затяжным социально-экономическим кризисом, продолжающимся с 2014 г.

В ходе проведения демократических социально-экономических реформ в 2000-х годах правительство столкнулось с огромными трудностями. В 2002—2003 гг. фиксировалось резкое сокращение объемов ВВП (-7,4% и -6,0%, соответственно) в результате всеобщей забастовки граждан, несогласных с курсом реформ У.Чавеса. В 2008—2009 гг. разразился мировой финансово-экономический кризис, обрушились цены на нефть и нефтепродукты, страна лишилась значительной части валютных поступлений. В 2001—2008 гг. средние темпы роста ВВП по паритету покупательной способности (ППС) составляли 6%. В 2009 г. произошло их резкое падение с переходом в отрицательную зону — (-3,9%), что было следствием сокращения спроса на основные товары венесуэльского экспорта [5]. В докризисный период по номинальному объему ВВП Венесуэла опережала Колумбию, хотя численность венесуэльского населения была в 1,7 раз ниже [3]. Новый удар последовал в 2014 г., когда цены на энергоносители вновь начали снижаться, достигнув в 2016 г. 13-летнего минимума — 27 долл. за баррель [6]. В марте-апреле 2020 г. в результате временного прекращения действия соглашения ОПЕК+ по ограничению добычи нефти на фоне пандемии

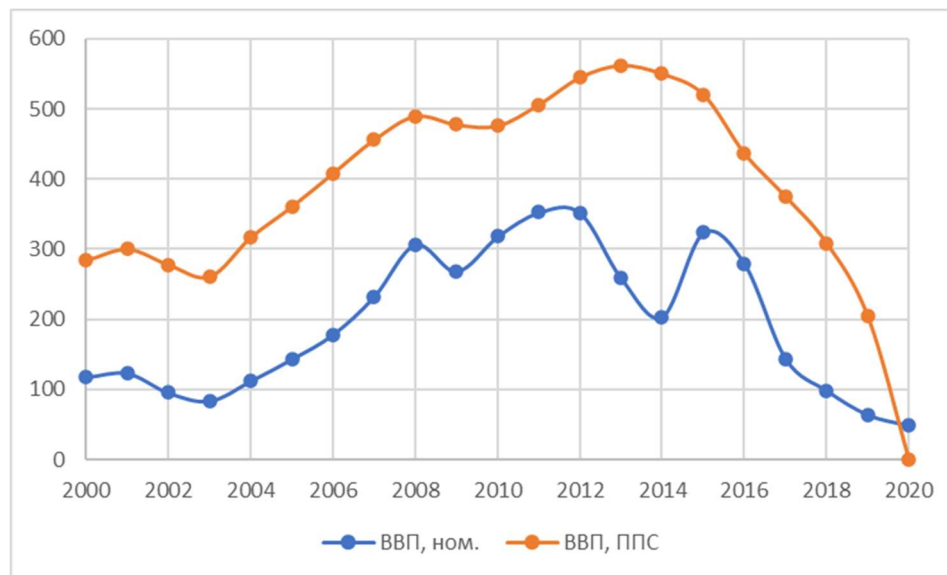
SARS-CoV-2 фьючерсы на нефть торговались в отрицательной зоне. При низких ценах на энергоносители фиксировалось катастрофическое падение объемов производства нефти. Если в 2005 г. показатель составлял 3,07 млн баррелей/день, то по итогам 2019 г. добыча не превосходила 800 тыс. баррелей/день, в 2020 г. — 500 тыс. баррелей/день [7]. Результатом упадка нефтяной промышленности стало критическое ослабление позиций Венесуэлы на мировом рынке углеводородного сырья. В условиях внешнего давления действующий режим не сумел организовать эффективную разработку богатейших месторождений [8, с. 15].

Но даже в период тяжелейшего кризиса правительство продолжало проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику, которая вступила в резкое противоречие с постулатами «Вашингтонского консенсуса» и наталкивалась на мощное сопротивление со стороны США и их союзников как в регионе, так и в самой стране. Новая социально-экономическая модель явилась реакцией на сложившийся мировой экономической порядок. Тем самым был брошен вызов неолиберализму, американской внешней политике в регионе. Президенты Барак Обама (2009—2017 гг.) и Дональд Трамп (2017—2021 гг.) официально заявляли о подготовке акций по свержению политического режима Венесуэлы; администрация США неоднократно открыто участвовала в действиях подобного рода. Но их попытки потерпели провал, перевороты были подавлены спецслужбами (военной силой) народного режима.

В 2014 г. против Венесуэлы были введены политические и экономические санкции, развязана экономическая война. Большой удар по экономике был нанесен в начале 2019 г. передачей активов американского филиала государственной нефтяной компании *PDVSA* — *Citgo* в руки лидера оппозиции «самопровозглашенного президента» Хуана Гуайдо, ставленника США. Были заморожены активы на счетах в иностранных банках на сумму 7 млрд долл. и введен запрет на использование финансовой системы США, что подразумевает невозможность рефинансирования государственного долга и осуществления транзакций в долларах [9]. Эти меры крайне ограничивают возможности участия Венесуэлы в международных экономических отношениях. Но в критические моменты противостояния Венесуэла получала многостороннюю помощь от России, что позволило ей выстоять в этих тяжелых условиях.

В 2014—2019 гг. ВВП по номиналу упал более чем в три раза (с 203,8 млрд долл. в 2014 г. до 63,9 млрд долл. в 2019 г.) [5]. В 2020 г. падение оценивается в 25% (рис. 1). Эти цифры свидетельствуют о том, что Венесуэла вошла в качественно новый период кризиса, для которого характерна утрата макроэкономической стабильности, что ведет к потере управления страной [10, с. 101]. Среди причин катастрофического сокращения объемов хозяйства — не только экономическая война, развязанная США, но и просчеты правительства в экономической политике, не направлявшего в годы экономического роста (высоких цен на нефть) достаточного объема инвестиций на развитие сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности при чрезмерном финансировании социальной сферы [11, с. 77].

Рис 1. ДИНАМИКА ВВП ВЕНЕСУЭЛЫ В 2011—2020 гг. (млрд долл.)

Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook October 2020 Database [12].

В отдельные годы расходы на социальные программы превышали 70% бюджета. При этом не был создан адекватный резервный фонд, а золотовалютные резервы, достигнув максимума в начале 2009 г. (42,9 млрд долл.), к концу 2020 г. упали до 6,5 млрд долл. [13]. Растущий дефицит бюджета частично покрывался за счет дополнительной эмиссии денег, что раскручивало маховик инфляции (таблица 1).

Т а б л и ц а 1

ДИНАМИКА ТЕМПОВ ИНФЛЯЦИИ В ВЕНЕСУЭЛЕ В 2001—2020 гг. (%)

2001 г.	12,5	2006 г.	13,7	2011 г.	26,1	2016 г.	254,9
2002 г.	22,4	2007 г.	18,7	2012 г.	21,1	2017 г.	438,1
2003 г.	31,1	2008 г.	31,4	2013 г.	40,6	2018 г.	65374,1
2004 г.	21,7	2009 г.	26,0	2014 г.	62,2	2019 г.	19906,0
2005 г.	16,0	2010 г.	28,2	2015 г.	121,7	2020 г.*	6500,0

* Прогнозное значение.

Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook October 2020 Database [12].

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Система денежного обращения была фактически разрушена тяжелейшим социально-экономическим кризисом. Наиболее высокий рост стоимости товаров и услуг фиксировался в 2018 г. — 65374% и в 2019 г. — 19906%. По итогам 2020 г. гиперинфляция может составить 6500% [12]. В августе 2018 г. была проведена девальвация боливара в отношении 1 к 100000 [14]. Резкий рост цен достиг исторического пика, превысив отметку в 120% только за следующий месяц. Попытки правительства сгладить макроэкономические диспропорции путем проведения периодических девальваций и поддержания нескольких валютных курсов все глубже погружали экономику в затяжной кризис [15, с. 82]. Изменение номинала денежных знаков без принятия реальных мер, направленных на борьбу с объективными причинами инфляционных процессов, привело к обратному эффекту. В сентябре 2018 г. боливар перешел к свободному плаванию.

С августа 2018 г. по сентябрь 2020 г. денежная масса возросла в 3431 раз, при этом в конце периода она обеспечивала лишь 0,7% ВВП при норме 80% (рис. 1). Практически все расчеты (98%) происходили в безналичной форме [16]. По этому показателю Венесуэла вышла на лидирующие позиции в мире.

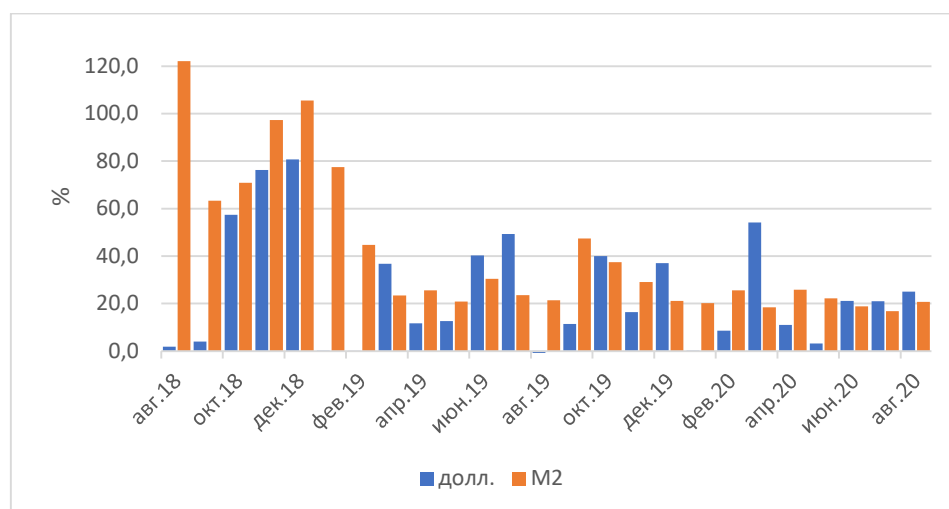
Более быстрыми темпами боливар обесценивался по отношению к доллару. После деноминации 1 долл. равнялся 60 боливарам (1 *Petro*). В мае 2019 г. было разрешено проведение валютных торгов. Это было частью «Новой экономической политики» (НЭП), которая также включала в себя снятие валютного контроля и осуществление резкого перехода к контролируемому плавающему курсу. Котировки боливара приблизились к неофициальным значениям. К ноябрю 2020 г. стоимость американского доллара взлетела до 471,2 тыс. боливаров, т.е. в 7713 раз (рис. 2).

Бурный рост курса провоцировал дефицит иностранной валюты, возникший вследствие резкого снижения объемов торговли с США, крайней ограниченности возможности сбыта на мировых рынках, общего падения объемов производства и, как следствие, — возможностей для экспорта. Сложившаяся ситуация была использована спекулятивным сектором, действия которого вызывали все большее обрушение боливара.

Гиперинфляция и запрет на использование доллара побудили правительство к поиску альтернативных способов денежных расчетов. В условиях острой нехватки наличных денежных средств на фоне тяжелейшего социально-экономического кризиса быстро набирали популярность безналичные расчеты, в том числе в криптовалютах. В 2020 г. Венесуэла заняла третье место в *Global Crypto Adoption Index 2020*, рассчитываемый американской компанией *Chainalysis* и ранжирующий страны по использованию криптовалют на душу населения с учетом объема ВВП по паритету покупательной способности и доли пользователей сети Интернет по отношению ко всему населению. По этому показателю страну опережали лишь Украина и Россия [17]. По абсолютным значениям покупок и продаж тридцати ведущих криптовалют стране принадлежит второе место в Латинской Америке, а лиди-

рует Бразилия. Будучи самой густонаселенной страной региона, по численности населения Бразилия превосходит Венесуэлу в 7,5 раз. Еще более впечатляюще выглядит позиция Венесуэлы, 3-я после США и России, по объему торговли в криптовалюте между частными лицами в долларовом эквиваленте.

**Рис. 2. ТЕМПЫ ПРИРОСТА КУРСА ДОЛЛАРА
И ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ (agregat M2)**

Источник: составлено автором по данным *Banco Central de Venezuela* [13].

Положение Венесуэлы в рейтинге во многом отражает возросшую роль переводов мигрантов в национальной экономике. По данным американского аналитического центра *Inter-American Dialogue*, на статью переводов приходится до 5% ВВП, это — второй по значимости источник валютных поступлений после доходов от нефти [18]. В условиях введенного США эмбарго на закупки венесуэльской нефти эти финансовые средства смогли несколько компенсировать острый дефицит иностранной валюты [19, с. 51]. В 2017—2020 гг. 10% населения страны получало денежную помощь от эмигрировавших родственников [20]. Крайне тяжелое экономическое положение стало причиной массовой миграции, в результате которой в 2015—2020 гг. страну покинули 5,5 млн человек [21]. В целях противодействия массовому оттоку населения правительство реализует программу «Возвращение домой» — всем желающим оплачиваются обратные билеты. По этой программе к февралю 2020 г. более 17 тыс. венесуэльцев из девяти стран смогли вернуться на родину [22]. В условиях пандемии количество вернувшихся увеличилось, в том числе для получения бесплатных медицинских услуг.

Переводы мигрантов ограничены венесуэльским законодательством суммой, эквивалентной 14 *Petro* или 50 *Petro* в отдельных случаях при обращении со специальным запросом в регулирующий орган — Главное национальное управление криптоактивами и связанными с ними видами деятельности (*Superintendencia Nacional de Criptoactivos y Actividades Conexas*,

Sunacrip), что в очередной раз подчеркивает государственный контроль над операциями с криптовалютами. Отправитель перевода также обязан уплатить комиссию, размер которой может достигать 15% суммы при минимальном значении 0,25 евро за одну транзакцию [23].

Таким образом, правительство изначально пошло по пути ограниченного использования децентрализованных криптовалют на территории страны. Хотя в мировой практике есть различные подходы к регулированию цифровых валют. В некоторых странах (Боливия, Эквадор, Непал, Бангладеш) любые операции с токенами находятся под запретом; в других, например в Китае, гражданам частично позволено совершать сделки в виртуальных валютах. В России токены не могут использоваться как платежное средство, в Японии же *Bitcoin* признан законным средством платежа. В Швейцарии криптовалюты имеют тот же статус, что и иностранные валюты. Новая Зеландия уже разрешила выплачивать заработную плату наемным работникам в криптовалютах.

Опираясь на опыт других стран, в конце 2017 г. венесуэльское правительство объявило о намерении создать первую в мире государственную криптовалюту — *Petro*. В феврале 2018 г. состоялось первичное размещение (*Initial coin offering, ICO*). По сравнению с выпуском акций или облигаций размещение токенов подразумевает гораздо более низкий уровень ответственности эмитента перед инвесторами. Владельцы криптовалютных активов не становятся владельцами доли в компании, не участвуют в ее управлении, не получают выплат по купонам. Основным мотивом вложения инвесторов является расчет на выгодную перепродажу в будущем. Эмиссия валюты составила 100 млн монет, по завершении предварительной продажи (*Pre-ICO*), продлившейся 30 дней, было продано 34 млн токенов. В результате *Pre-ICO* удалось привлечь 3,3 млрд долл., из которых 1 млрд долл. был передан Центральному банку для поддержания резервов [24]. Полученные финансовые ресурсы составили 3,4% ВВП в 2018 г. Продажа криптовалюты осуществляется через блокчейн платформы «Этериум». При использовании электронного кошелька минимальный объем инвестиции составлял 50 евро, для банковских депозитов эта сумма составляла 1000 евро. После запуска в открытую продажу цена *Petro* была зафиксирована в диапазоне 57-63 долл. [25].

Публичный каталог первичных размещений токенов *ICOindex* присвоил венесуэльской криптовалюте статус *Scam* — «мошенничество». Была поставлена под сомнение способность государства реализовать высокотехнологичный проект, хотя он основывался на использовании китайских технологий. Главной же причиной для подобного решения стали обвинения в коррупции в адрес президента Н.Мадуро. На сайте говорится: «Создание дополнительного ресурса коррумпированному правительству посредством этого токена может усилить страдания венесуэльского народа» [26]. Такая позиция, влекущая за собой экономические последствия, является вмешательством во внутривнутриполитические дела Венесуэлы. Об объективности этого решения судить довольно сложно, учитывая тот факт, что феномен криптовалюты главным образом существует в виде финансовой пирамиды, единственным обеспечением которой служит общественное доверие [27, с. 132]. До 90% *ICO* представляют собой мошеннические схемы [28, с. 68]. В каталоге *ICOindex* подобный статус имеют 25 из 580 размещенных активов.

В отличие от других разновидностей цифровых денег, курс *Petro* обеспечивается запасами полезных ископаемых в следующем соотношении: нефть — 50%, золото — 20%, железная руда — 20%, алмазы — 10% [29]. Ее эмитентом является государство, что подразумевает контроль и, по мнению некоторых экспертов, не позволяет считать *Petro* криптовалютой в чистом виде, так как процесс ее «добычи» идет вразрез с принципом децентрализации [30]. В официальных документах *Petro* подчеркивается, что стоимость валюты определяется котировками корзины венесуэльской нефти на мировом рынке и других природных ресурсов, являющихся ее обеспечением [29]. С 1 октября 2018 г. стоимость криптовалюты в долларах не изменялась и составляла 60 долл., по отношению к другим валютам она колебалась лишь на величину курсовой разницы с долларом в соответствующей паре (таблица 2).

Цены на нефть, золото и железо были подвержены очень существенными колебаниям, причем их динамика была разнонаправленной. Для металлов в целом был характерен восходящий тренд: цена золота возросла с 1288 долл. до 1879 долл. за 1 тройскую унцию, на железорудное сырье — с 69 долл. до 120 долл. за тонну.

Т а б л и ц а 2

**ДИНАМИКА КУРСА *PETRO* ПО ОТНОШЕНИЮ
К РУБЛЮ, ДОЛЛАРУ И ЕВРО**

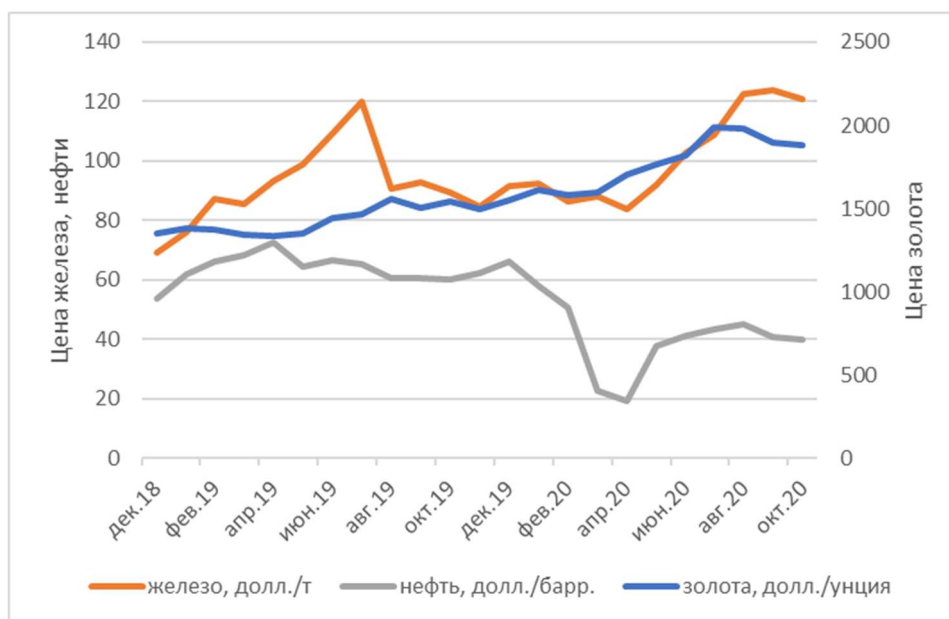
	2020 г.			2019 г.			2018 г.		
Месяц	Рубли	Евро	Долл.	Рубли	Евро	Долл.	Рубли	Евро	Долл.
Декабрь				3788,1	54,0	60	4032,3	52,8	60
Ноябрь				3835,3	54,3	60	3989,7	52,8	60
Октябрь	4664,7	51,0	60	3863,0	54,3	60	3946,8	52,2	60
Сентябрь	4558,4	50,9	60	3902,2	54,5	60	4056,1	51,4	60
Август	4434,3	50,8	60	3938,7	53,9	60	4061,3	51,7	60
Июль	4284,5	52,4	60	3793,5	53,4	60			
Июнь	4159,5	53,3	60	3854,7	53,2	60			
Май	4373,8	55,1	60	3893,7	53,6	60			
Апрель	4524,3	55,2	60	3884,4	53,4	60			
Март	4433,3	54,2	60	4433,3	54,2	60			
Февраль	3832,3	55,0	60	3949,7	52,9	60			
Январь	3716,6	54,1	60	4006,7	52,6	60			

Источник: составлено автором по данным *Banco Central de Venezuela* [13].

Наиболее нестабильным ресурсом на всем рассматриваемом временном промежутке была нефть. В результате глубокого экономического спада, вызванного глобальной пандемией коронавируса, стоимость нефти упала с 75 долл. за баррель в октябре 2018 г. до 19 долл. в апреле 2020 г. Затем

наблюдалось постепенное восстановление цены до 35-45 долл. за баррель, но на докризисный уровень ее значение не вернулось. За два года золото выросло в цене на 46%, железо — на 74%, нефть упала на 47%, а курс *Petro* остался на прежнем уровне. Из этого можно заключить, что, вопреки заявленному, котировки криптовалюты не определяются рыночными силами, а представляют собой некоторое фиксированное значение, установленные правительством (рис. 3).

Рис. 3. ДИНАМИКА СТОИМОСТИ ЗОЛОТА, ЖЕЛЕЗОРУДНОГО СЫРЬЯ И НЕФТИ В 2019—2020 гг.

Источник: составлено автором по данным *Investing.com* [31].

Однако национальный парламент, большинство в котором с декабря 2016 г. по январь 2021 г. принадлежало оппозиции, ссылаясь на Конституцию, признал незаконной эмиссию криптовалюты. Согласно Основному закону, создание альтернативных платежных средств запрещено, природные ресурсы принадлежат всему народу и не могут являться предметом залога, а для принятия международных долговых обязательств требуется согласие парламента [32]. По другим оценкам парламентариев, *Petro* является «контрактом купли-продажи с будущей поставкой», т.е. фьючерсом или опционом [33]. Высказываются экспертные мнения, согласно которым венесуэльская криптовалюта представляется проявлением усиления рентной модели, а саму ее предлагается считать залоговым обязательством [34, с. 1313]. Несмотря на гарантию большей стабильности для привлечения инвесторов, привязка к реальным активам может обернуться серьезными проблемами в том случае, если возникнет требование обменять на них

валюту. Если учесть, что добыча на некоторых месторождениях, отведенных на поддержание курса *Petro*, к концу 2020 г. еще не была начата, возникает вопрос, каким образом правительство предполагает удовлетворять требования, не прибегая к продаже или аренде этих месторождений, так как залог природных ресурсов явно не был первоначальной целью властей [35].

Следует также учитывать, что по своей природе криптовалюты не могут являться обязательством в чистом виде, так как существуют вне рамок экономических механизмов спроса на кредитные деньги [36, с. 36]. Криптовалюты представляют собой токены — платежные системы, создание которых стало возможно благодаря новым информационным технологиям [28, с. 64, 66]. Привязка курса национальной валюты (боливара) к *Petro* с августа 2018 г. позволяет разрешить возникшее противоречие. Выплаты могли бы быть осуществлены боливарами по текущему курсовому соотношению, тем более что боливары и *Petro* уже используются на территории страны на равных условиях. Поскольку криптовалюта привязана к нефти, а соотношение доллара и *Petro* является фиксированным, то можно заключить, что это — не контракт на поставку, а инвестиционный финансовый инструмент, дающий право его обмена на сумму денег, размер которой определяется колебаниями стоимости природных ресурсов, обеспечивающих цифровую валюту. Использование криптовалют для диверсификации инвестиционного портфеля уже признается специалистами [37, с. 142]. На официальном же сайте *Petro* указано, что криптовалюта является «инструментом обмена, накопления и инвестиционной деятельности» [38].

Таким образом, операции с *Petro* — это игра на изменение цены венесуэльской нефти. От фиктивных биржевых игр ее отличает то, что в случае «проигрыша» выплачивается не разница, а большая или меньшая по сравнению с первоначальными инвестициями сумма денег в боливарах. Выходит, что *Petro* все же гарантирует хотя бы частичный возврат средств, так как крайне маловероятно, что реальная стоимость активов, к котором привязана валюта, упадет до нуля.

Правительство одновременно разработало внутреннюю систему безналичных расчетов и финансовый инструмент, производный от котировок нефти. Привязка боливара позволила превратить совершенно обесценившуюся валюту в пользующийся популярностью инвестиционный инструмент и привлечь значительный объем финансовых вложений. В условиях, когда под давлением США Венесуэла оказалась изолирована от международного кредита, публичное предложение *Petro* открыло бы для нее доступ к привлечению международных финансовых ресурсов.

Будучи государственной криптовалютой, *Petro* действует в рамках национального законодательства, а контроль за «добычей» и транзакциями осуществляет *Sunacrip*. В его обязанности также входит выдача лицензий «пунктам обмена валюты», которые предоставляют услуги купли-продажи *Petro*, *Bitcoin*, *Dash* и иногда некоторых других популярных цифровых валют в обмен на денежные средства. В стране действуют официальные «пункты обмена» криптовалюты: *afx*, *CRIPTOLAGO*, *CryptoEx*, *Amberescoin*, *CriptoMundo*, *Bancar*, *Valeven*, и *Cryptia* [39].

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТА

Сфера возможного использования *Petro* постепенно расширяется. В октябре 2019 г. президент Мадуро объявил о намерении руководства страны сделать *Petro* обращаемой валютой. Правительство считает, что активы, приобретенные за боливары, можно будет обменивать на свободно конвертируемые денежные единицы. Это могло бы облегчить покупку импортных товаров для компаний в условиях острой нехватки валюты и способствовать некоторому росту благосостояния населения, так как рыночная цена перепродажи в несколько раз превосходит официальный курс криптовалюты [40]. Увеличившееся предложение валюты снизит ее курс, но в краткосрочном периоде это могло бы дать положительный эффект. Криптовалюта будет выполнять функцию посредника при валютном обмене. Если *Petro* продолжит торговаться выше текущей стоимости, то вместо потерь на уплате комиссионных можно будет получить дополнительную прибыль от розыгрыша валютного арбитража через перепродажу актива на другой площадке. Приобрести *Petro* можно четырьмя способами: в офисах *Sunacrip*, в лицензированных обменных пунктах, на официальном сайте валюты и через приложение *PetroApp*.

В условиях гиперинфляции население активно прибегает к криптовалютам для защиты сбережений от обесценения, т.е. они выполняют функцию средства накопления. *Petro* уже используют 8 млн венесуэльцев, что составляет порядка 40% населения страны старше 15 лет [25]. По запросу компании *Petróleos de Venezuela S.A. (PDVSA)* Центральный банк изучает возможность использования криптовалюты для оплаты поставщикам и создания международных резервов. Следует отметить, что, несмотря на некоторые уже достигнутые результаты, *Petro*, как и другие криптовалюты, на данном этапе развития все же не обладает таким важным свойством денег, как приемлемость для всех участников платежей [41, с. 2814].

В качестве средства платежа криптовалюту *Petro* можно использовать в некоторых сетях супермаркетов, в том числе в государственных магазинах, продающих товары по льготным ценам, отелях, аптеках, кафе и ресторанах. В *Petro* выплачиваются пенсии и часть зарплат, криптовалюта принимается к уплате налогов, штрафов, таможенных пошлин и сборов. Полноправным средством платежа она сможет стать благодаря инициативе одной из криптовалютных бирж и банка по выпуску дебетовых карт, что упростит использование и сделает актив более ликвидным.

Постепенно запускаются механизмы, позволяющие *Petro* обслуживать международные транзакции, совершаемые страной на внешних площадках. Криптовалюта уже применяется как средство оплаты импортных закупок продуктов питания. Таким образом, страна уже получила определенное преимущество, присоединившись к новому мировому рынку криптоактивов [42, с. 174]. В проработке *Sunacrip* находится вопрос о листинге *Petro* на международных платформах. Выход на зарубежные криптовалютные биржи позволил бы *Petro* выполнять функцию мировых денег и тем самым обеспечить доступ к международной финансовой системе в обход американских санкций. Однако и сама криптовалюта является предметом санкционного давления со стороны США [43].

Об амбициозных планах венесуэльского правительства по дальнейшему привлечению инвестиций в национальную экономику через развитие системы блокчейн и продвижение *Petro* свидетельствует решение о создании шести фондов экономического развития в четырех субъектах, где на муниципальных выборах оппозиция одержала победу. На развитие сельского хозяйства предполагалось выделить 1 млн *Petro*, телекоммуникаций — 4 млн, других отраслей экономики — 3,8 млн, на закупки машин и средств производства — 600 тыс. *Petro*; 9 млн евро были направлены в инвестиционный фонд, еще 2 млн долл. — в совместный фонд с Китаем [44].

В условиях пандемии коронавируса и экономической войны США против Венесуэлы правительство пошло по пути расширения использования криптовалют на территории страны, что нашло отражение в антисанкционном законе. Предусматривается стимулирование распространения *Petro* наравне с другими криптоактивами, в том числе невенесуэльскими. Этому благоприятствует легализация «майнинга» с сентября 2020 г. Все желающие заняться «добычей» валюты *Bitcoin* или иных обязаны получить лицензию и быть внесенными в государственный реестр, тем самым образовав национальный майнинг-пул. При этом распределение прибылей между участниками пула будет происходить централизованно через систему операторов, им же поручено взимать налоги и в случае необходимости замораживать активы [45]. Реализация закона позволит легализовать деятельность по выпуску жетонов в стране, занимающей десятое место в мире и первое в Латинской Америке по объемам «добычи» *Bitcoin* [46]. Правительство страны также намерено поддержать организацию децентрализованной фондовой биржи, на которой могли бы обращаться цифровые версии традиционных финансовых активов. Решение о лицензировании торговой площадки будет принято Центральным банком Венесуэлы по истечении 90-дневного тестового периода [47].

В целях расширения использования *Petro* власти уже осуществили в этой валюте дополнительные выплаты пенсионерам и держателям карты «Родина» (используется для ведения учета и оказания помощи нуждающимся гражданам), а также предоставили кредиты на сумму 100 тыс. *Petro* (6 млн долл.) [48]. Объявлено о создании электронных кошельков, на счетах которых будут храниться *Petro* для молодого поколения [49]. Центральному банку было поручено установить в своих офисах по всей стране банкоматы для совершения операции с криптовалютой.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

По прошествии трех лет с момента запуска криптовалюты проявились сильные и слабые стороны этого проекта. Некоторые цели уже достигнуты, но многое пока остается нереализованным. Среди положительных результатов можно выделить следующие:

- привлечение значительных финансовых ресурсов в экономику через *ICO*;
- создание устойчивой платежной системы в условиях обесценения баливара и нехватки ликвидности;
- относительно успешный переход части функций национальной денежной единицы к *Petro*, которая играет роль средства платежа и накопления;

- выполнение функций обмена валют в условиях отсутствия свободной валюты на внутреннем рынке (до сентября 2018 г.);
- привязка к реальному активу позволяет значительно снизить волатильность курса и повысить доверие к валюте;
- через привязку части денежной массы к стоимости барреля нефти из обесценившегося боливара удалось создать финансовый инструмент, интересный для инвесторов;
- возможность несколько смягчить разрушительное влияние на экономику крайне жестких санкций, введенных США;
- развитие современного сектора экономики.

Спорными или негативными аспектами являются следующие:

- централизация и государственный контроль, противоречащие самой идее создания криптовалют;
- недостаточная открытость информации;
- использование криптовалюты в нелегальных целях;
- отсутствие гарантий поддержания курса *Petro* в зафиксированном диапазоне, если стоимость венесуэльской нефти упадет ниже 57 долл. за баррель;
- сложность для инвесторов обменять вложения на материальные активы, к которым осуществлена привязка;
- доходность подвержена влиянию спекуляциями;
- запаздывание по срокам полной реализации всех положений проекта.

В создавшейся ситуации перспективными направлениями дальнейшего развития могли бы стать:

- расширение географии пунктов приема оплаты в *Petro*;
- выход на международные торговые площадки;
- выполнение функции мировых денег.

Идея применения технологии блокчейн и создание регулируемой государством официальной криптовалюты возникла в процессе поиска путей преодоления тяжелейшего экономического, социального и политического кризисов. Для этого принимаются меры, направленные на восстановление разрушенной системы денежного обращения и на полное возвращение стране возможности принимать участие в международных экономических отношениях в условиях запрета на использование доллара. Само внедрение новой социально-экономической модели и ее реализация требуют теоретических разработок, которые бы позволили в кризисных или околокризисных ситуациях использовать новые, ранее не применявшиеся на практике финансовые инструменты, без которых альтернативная модель могла бы потерпеть поражение.

За короткий срок существования токены *Petro* завоевали популярность среди населения Венесуэлы, однако за пределами страны признаются далеко не всеми. На данном этапе они довольно эффективно используются в качестве национальной платежной системы, посредством которой реализуются функции платежа и средства обращения в условиях, когда на это не способна национальная валюта. В этой связи *Petro* могла бы стать механизмом перехода к новой системе денежного обращения, которая на первоначальном этапе могла бы быть привязана к курсу криптовалюты при условии принятия адекватных мер для предотвращения дальнейшего роста цен.

В результате проведения *Pre-ICO* правительству удалось привлечь значительные инвестиции в национальную экономику, в чем она крайне нуждалась, будучи лишенной доступа к международному кредиту. Природа *Petro* является двойственной: это — и платежная система, и жетон, дающий право обменять его в этой системе на фиксированную сумму боливаров, определяемую решением правительства (курс боливара к *Petro*) и колебаниями рыночной цены на венесуэльскую нефть (текущая стоимость *Petro* в долларах). И если *Petro* можно считать «мошенничеством», то не более, чем большинство других криптовалют, вовсе лишенных какой-либо материальной базы формирования их цен.

Введение *Petro* в значительной степени укрепило денежно-кредитную систему Венесуэлы, что позволило несколько смягчить воздействие острого социально-экономического кризиса, порожденного мировым финансовым кризисом, пандемией коронавируса, объявленной экономической войной США против народного режима и просчетами венесуэльского правительства при использовании расходной части бюджета. Тем не менее одна из главных целей создания криптовалюты — использование в международных расчетах — пока не достигнута. Для ее выполнения правительству необходимо приложить усилия в целях ускорения процесса размещения *Petro* на мировых криптовалютных биржах. Это крайне сложная задача в условиях практически полной международной изоляции (огромная политическая и экономическая поддержка оказывается только со стороны России, КНР, Индии и Ирана).

Сложно дать оценку того, насколько *Petro* надежный и долговечный инструмент. Криптовалюта может развиваться в полноценную национальную платежную систему, стать временным инструментом восстановления денежного обращения в боливарах, превратиться в средство международных расчетов или провалиться в случае резкого падения цен на нефть и одновременного предъявления требований инвесторов по возврату денежных средств. Горизонт возможных вариантов развития событий довольно широк, и пока он остается открытым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. OPEC Annual Statistical Bulletin. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm (accessed 17.10.2020).
2. IMF. Directions of Trade Statistics. Available at: <http://data.imf.org/?sk=9D6028D4-F14A-464C-A2F2-59B2CD424B85> (accessed 24.10.2020).
3. CEPALSTAT. Available at: http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/web_cepalstat/estadisticasIndicadores.asp?idioma=e (accessed 12.10.2020).
4. Human Development Indices and Indicators. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-indices-indicators-2018-statistical-update> (accessed 22.10.2020).
5. IMF. Available at: <https://www.imf.org/en/Data> (accessed 12.11.2020).
6. Williams, Nia. Oil slumps below \$28 to 2003 low as Iran sanctions lifted. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-global-oil-idUSKCN0UV14D> (accessed 15.11.2020).
7. OPEC Monthly Oil Market Report. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/ (accessed 4.02.2021).
8. Яковлев П.П. Латинская Америка в глобальной схватке за нефть. *Латинская Америка*. М, 2019, № 12, сс. 6-21 [Yakovlev P.P. Latinskaya Amerika v global'noi skhvatke za neft' [Latin America in global fight for oil]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 12, pp. 6-21 (In Russ.).

9. Carmelo da Silva ¿Despegue económico en 2020? *Rebelion*. Available at: [https://www.rebelion.org/noticia.php?id=261052&titular=%BFdespegue-econ%F3mico-en-2020?-\(accessed 19.10.2020\).](https://www.rebelion.org/noticia.php?id=261052&titular=%BFdespegue-econ%F3mico-en-2020?-(accessed 19.10.2020).)
10. Шинкаренко А.А. Венесуэла в поисках выхода из системного кризиса. *Латинская Америка*. М, 2020, №1, сс. 97-107 [Shinkarenko A.A. Venezuela v poiskakh vykhoda iz sistemnogo krizisa [Venezuela in a search of a solution of a systematic crisis]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 1, pp. 97-107 (In Russ.).
11. Чуйкова А. М. Социально-экономическая модель Венесуэлы в начале XXI века. *Экономист*. М, 2020, № 1, сс. 72-85 [Chuikova A. M. Sotsial'no-ekonomicheskaya model' Venesuely v nachale XXI veka. [Social and economic model of Venezuela at the beginning of the XXI century]. *Ekonomist*. Moscow, 2020, N 1, pp. 72-85 (In Russ.).
12. World Economic Outlook October 2020 Database. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (accessed 12.09.2020).
13. Banco Central de Venezuela. Available at: <http://www.bcv.org.ve/> (accessed 28.10.2020).
14. Singer, Florantonia. La hiperinflación de Venezuela explicada con un billete de 100.000. *El País*. Available at: https://verne.elpais.com/verne/2018/07/30/articulo/1532932705_036616.html (accessed 12.10.2020).
15. Жуков С.В., Резникова О.Б. Венесуэла на мировом рынке нефти. *Мировая экономика и международные отношения*. М, 2018, т. 62, № 10, сс. 80-90 [Zhukov S.V., Reznikova O.B. Venezuela na mirovom rynke nefi [Venezuela on global oil market]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2018, vol. 62, N 10, pp. 80-90 (In Russ.).
16. Capozzolo, Felipe. Consecomercio señaló que más del 30% de los pagos en los comercios se hace en dólares. *El Nacional*. Available at: <https://www.elnacional.com/economia/mas-del-30-de-los-pagos-en-los-comercios-se-realiza-en-dolares/> (accessed 18.10.2020).
17. The Chainalysis 2020. Geography of Cryptocurrency Report. Available at: <https://go.chainalysis.com/2020-geography-of-crypto-reportdemo.html?alid=eyJpIjoibU43YlhFRUhmSThVcHY2UCIsInQiOiI0VUZWMLwvQ0h6Y2VCOUM2b2tTWgwQT09In0%253D> (accessed 17.10.2019).
18. Money Transfers to Venezuela. Remittance Flows Amidst Evolving Foreign Exchange. *The Dialogue*. Available at: <https://www.thedialogue.org/analysis/money-transfers-to-venezuela-remittance-flows-amidst-evolving-foreign-exchange/> (accessed 18.10.2020).
19. Кудеярова Н.Ю., Розенталь Д.М. Венесуэльский миграционный кризис: демография, нефть и государство. *Латинская Америка*. М, 2020, № 6, сс. 42-56 [Kudeyarova N.Yu., Rozental' D.M. Venesuel'skii migratsionnyi krizis: demografiya, nef' i gosudarstvo [Venezuelan migration crisis: demographics, oil and the state]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 6, pp. 42-56 (In Russ.).
20. Fernández, Herminia. La caída en las remesas acentúa la pobreza en los venezolanos. *France 24*. Available at: <https://www.france24.com/es/20200717-venezuela-remesas-pobreza-crisis-covid19> (accessed 29.10.2020).
21. Plataforma de Coordinación para Refugiados y Migrantes de Venezuela. Available at: <https://sunacrip.gob.ve/descargas/gacetas/gaceta-oficial-41.955.pdf> (accessed 29.10.2020).
22. Plan vuelta a la Patria. Available at: <http://mppre.gob.ve/temas/vuelta-a-la-patria/> (accessed 08.11.2020).
23. Gaceta Oficial 41.955. Actualización de la Providencia para el Envío de Remesas en Criptomonedas. Caracas, 07.02.2019. Available at: <https://sunacrip.gob.ve/descargas/gacetas/gaceta-oficial-41.955.pdf> (accessed 12.10.2020).
24. Venezuela recibe 3.338 mdd tras cierre de preventa del Petro. *TeleSUR*. Available at: <https://www.telesurtv.net/news/presidente-maduro-anuncios-economia-petro-venezuela-20180426-0042.html> (accessed 22.10.2020).
25. Ocho millones de venezolanos usan el Petro para proteger sus ingresos. *Sputnik*. Available at: <https://mundo.sputniknews.com/america-latina/201910191089032468-ochomillones-de-venezolanos-usan-el-petro-para-proteger-sus-ingresos/> (accessed 18.10.2019).
26. Baserank. Available at: <https://baserank.io/profile/petro-ptr> (accessed 21.10.2020).
27. Симановский А.Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты. *Вопросы экономики*. М., 2018, № 9, сс. 132-142. [Simanovskii A.Yu. K voprosu ob ekonomicheskoi prirode kriptovalyuty [On the economic nature of cryptocurrency]. *Voprosy ekonomiki*. Moscow, 2018, N 9, pp.132-142 (In Russ.).

28. Портной М. А. Криптовалюты и деньги – пути взаимодействия. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2018, № 10, сс. 64-70 [Portnoi M. A. Kriptovalyuty i den'gi – puti vzaimodeistviya [Cryptocurrency and money – ways of interaction]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2018, N 10, pp. 64-70 (In Russ.).
29. Petro White Paper. Available at: <https://www.petro.gob.ve/eng/assets/descargas/petro-whitepaper-english.pdf> (accessed 28.10.2020).
30. Голубицкий С. Боливар не вынесет биткойн. *Новая газета*. [Golubitskii S. Bolivar ne vyneset bitcoin [Bolivar won't bear bitcoin]. *Novaya gazeta*. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/25/79988-bolivar-ne-vyneset-bitkoin> (accessed 17.10.2020).
31. Investing.com. Available at <https://ru.investing.com/commodities/real-time-futures> (accessed 29.10.2020).
32. Hernández, María Camila. Asamblea Nacional de Venezuela declara el petro ilegal. *France 24*. Available at: <https://www.france24.com/es/20180109-economia-petro-criptomonedavenezuela> (accessed 27.10.2020).
33. Twitter del diputado Alfonso Marquina. Available at: <https://mobile.twit-ter.com/Dip-Marquina/status/950540570589650945> (accessed 18.10.2020).
34. Rosales A. Radical rentierism: gold mining cryptocurrency and commodity collateralization in Venezuela. *Review of international political economy*. 2019, 26(6), pp. 1311-1332
35. Катаонов В. Ю. Поможет ли выжить Венесуэле цифровая валюта? [Katonov V.Yu. Pomozhet li vyzhit' Venesuele tsifrovaya valyuta? [Will digital currency help Venezuela to survive?]. Available at: <http://reosh.ru/valentin-katasonov-pomozhet-li-vyshit-venesuele-tsifrovaya-valyuta.html> (accessed 17.10.2020).
36. Усоский В. Н. Криптовалюта как техногенный миф. *Банковский вестник*. Минск, 2019, № 4, 2019, сс. 35-48 [Usoskii V. N. Kriptovalyuta kak tekhnogennyi mif [Cryptocurrency as a technogenic myth]. *Bankovskii vestnik*. Moscow, 2019, N 4, pp. 35-48 (In Russ.).
37. Столбов М. И. К десятилетию рынка криптовалют: текущее состояние и перспективы. *Вопросы экономики*. М., 2019, № 5, сс. 136-148. [Stolbov M. I. K desyatiletiiyu rynka kriptovalyut: tekushchee sostoyanie i perspektivy [To 10 years of cryptocurrency market: current state and perspectives]. *Voprosy ekonomiki*. Moscow, 2019, N 5, pp. 136-148 (In Russ.).
38. El Petro. Available at: <https://www.petro.gob.ve/> (accessed 22.10.2020).
39. Sunacrip. Available at: <https://sunacrip.gob.ve/index.html> (accessed 17.10.2020).
40. BCV retiró de su portal el petro como unidad contable. *El nacional*. Available at: <https://www.elnacional.com/economia/bcv-retiro-de-su-portal-al-petro-como-unidad-contable/> (accessed 20.10.2020).
41. Кузнецова Л. Г. Криптовалюты P2P: безопасность или развитие. *Финансы и кредит*. М., 2017, № 47, сс. 2810-2822 [Kuznetsova L. G. Kriptovalyuty P2P: bezopasnost' ili razvitie. [Cryptocurrencies P2P: safety and development] *Finansy i kredit*. Moscow, 2017, N 47, pp. 2810-2822 (In Russ.).
42. Mosakova E.A. La cryptomonedas nacional como el factor del desarrollo económico de Venezuela en el siglo XXI. *Iberoamérica*. М, 2020, N 1, pp. 160-176.
43. EE.UU. emite sanciones contra la criptomoneda Petro. *TeleSUR*. Available at: <https://www.telesurtv.net/news/eeuu-trump-prohibe-transacciones-criptomonedapetro-20180319-0026.html> (accessed 21.10.2020).
44. Lanz Díaz, Jose Antonio. Petro aparece en 6 fondos multimillonarios de inversiones en Venezuela anunciados por Maduro. Available at: <https://es.beincrypto.com/petro-aparece-en-6-fondos-multimillonarios-de-inversiones-en-venezuela-anunciadas-por-maduro/> (accessed 27.10.2020).
45. Gaceta Oficial 41.969. Caracas, 27.10.2019. Available at: <https://www.vtv.gob.ve/tag/gaceta-oficial-nro-41-969/> (accessed 17.10.2020).
46. Leal, Andrea. Legalizada la minería de Bitcoin en Venezuela; habrá un Pool Nacional. Available at: <https://www.criptonoticias.com/mineria/legalizada-mineria-bitcoin-venezuela-habrapool-nacional/> (accessed 27.10.2019).
47. Сорокин А. В Венесуэле запустят децентрализованную фондовую биржу на блокчейне Ethereum [Sorokin A. V Venesuele zapustyat detsentralizovannuyu fondovuyu birzhu na blokcheyne Ethereum [In Venezuela a cryptocurrency exchange based on Ethereum blockchain will be launched]. Available at: <https://ttrcoin.com/v-venesuele-zapustyat-decentralizovannuyu-fondovuyu-birju-na-blokcheyne-ethereum.12001/> (accessed 17.10.2020).

48. Rojas, Ezio. Venezuela: Se aprobaron 100 mil Petros para créditos comerciales. Available at: <https://es.cointelegraph.com/news/venezuela-100-000-petros-approved-for-commercial-credits> (accessed 15.10.2020).

49. Gozzer, Stefania. Crisis en Venezuela: qué fue del petro, la criptomoneda con la que el gobierno de Nicolás Maduro quería evadir las sanciones económicas. *BBC*. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-49045096> (accessed 21.10.2020).

Anastasiya M. Chuykova (an2495@yandex.ru)
Editor, ANO “TV-Novosti”

Borovaya Str., 3, 111020 Moscow, Russian Federation

Venezuelan cryptocurrency *Petro* as an element of monetary policy

Abstract. The article presents the reasons that pushed the government of Venezuela to create the first state-owned cryptocurrency Petro, as well as the context of its introduction and principals of functioning. Unlike other cryptocurrencies Petro is an asset backed by the country’s natural reserves. The author offers to consider it as a token that allows transactions with real money and gives an investor a right to exchange it into the national currency according to Venezuela’s oil quotations. Due to its ICO (initial coin offering) the government managed to attract significant financial resources. Petro already functions as a national payment system and is traded at 8 local exchanges. Although not all aims set by the government have been achieved, the cryptocurrency strengthened the monetary system during the economic crisis and helped to alleviate the influence of American sanctions. In the future it is possible that Petro will be more fully integrated into the country’s financial system or will be rejected as a temporary mechanism. The article’s methodology is based on such general scientific methods as analysis, synthesis, comparison as well as on specific ones: calculation of economic indicators, graphic method and content analysis.

Key words: hyperinflation, economic and social crisis, Petro, cryptocurrency, token, payment system, ICO, exchange arbitrage.

DOI: 10.31857/S0044748X0014086-3

Received 24.11.2020.

ПОЛИТИКА

С.В.Смаль

Государственная политика цифровизации в странах Латинской Америки

Опыт применения многомерных интегральных индексов на примере Бразилии

В статье проанализированы международные законодательные акты, раскрывающие усилия стран Латинской Америки в сфере цифровизации, а также стратегии цифровизации, разработанные государствами региона в рамках реализации политики технологического развития (на примере Бразилии). В кросстемпоральном разрезе представлены многомерные интегральные индексы цифровизации, отражающие данный процесс на практике. Сравнение произведено по показателям цифровизации стран мира, сетевой готовности, а также развития человечества как обобщающего показателя измерения качества управления в целом. Отдельно рассмотрена бразильская стратегия цифровой трансформации «Повестка дня для цифрового общества будущего» как наиболее удачный пример реализации государственной политики в сфере цифровизации в регионе. Цель исследования заключается в выявлении региональной специфики реализации процесса цифровизации, понимаемого как политико-управленческий и технологический феномен. Главными методами, используемыми в статье, являются кросстемпоральное и кроссрегиональное сравнение, а также вторичный анализ многомерных интегральных индексов цифровизации, который позволяет выявить общерегиональные тенденции и особенности стран Латинской Америки. Визуализация и статистический анализ данных по региону проведены при помощи программы *SigmaPlot* (версия 12.5).

Ключевые слова: государственная политика, цифровизация, Латинская Америка, Бразилия, стратегии развития, многомерные интегральные индексы.

DOI: 10.31857/S0044748X0014087-4

Статья поступила в редакцию 17.01.2021.

Светлана Владимировна Смаль — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (РФ, 191186 Санкт-Петербург, Наб. реки Мойки, д. 48, SmalSvetlana@gmail.com).

В процессе установления нового порядка взаимодействия граждан и власти, связанного с возрастающим проникновением Интернета в повседневную реальность и осложненного угрозами COVID-19, важно глубоко и многостороннее проанализировать вопросы цифровизации. Рассмотрение темы государственной политики цифровизации в странах Латинской Америки целесообразно начать с обзора имеющегося нормативного и научного задела, при этом последний разумно разделить на три сегмента: русскоязычный, англоязычный (используется, прежде всего, для создания законодательной базы), и сочетающий языки региона — португальский и испанский. Мы будем использовать интегрированное определение цифровизации, опираясь на понимание этого процесса «как социальной трансформации, вызванной массовым внедрением цифровых технологий для генерации, обработки, обмена и передачи информации» [1]. Это определение предложили в 2011 г. Кац, Кутрумпис и Каллодра, ученые из Колумбийского университета и Имперского колледжа, до 2007 г. входившего в состав Лондонского университета.

Анализ русскоязычной научной литературы по теме исследования приводит к следующим выводам: процесс цифровизации рассматривается зачастую сугубо утилитарно как с точки зрения оптимизации и развития экономики [2], так и с точки зрения инновационных стратегий развития [3; 4; 5], в ряде статей обобщены имеющиеся наработки [6] и анонсируются будущие исследования [7]. Тем не менее заметим, что и в российском политологическом научном сообществе вопросы цифровизации звучат все чаще. На ежегодной Всероссийской научной конференции Российской ассоциации политической науки по теме «Цифровизация» было озвучено 34 доклада [8], в том числе и те, в которых рассмотрены политико-философские аспекты процесса цифровизации [9]. В процессе все более активного применения цифровых технологий в ходе принятия и реализации политических решений происходит неизбежное отчуждение как человека от этого процесса, так и реципиента от источника услуги [10]. Это серьезно меняет суть субъектно-объектных политических отношений, и то, насколько критическими будут эти изменения, только предстоит оценить. Тем не менее уже запущен процесс превращения гражданина из субъекта лишь в объект оказания услуг, не всегда учитывающий все его особенности и отвечающий всем его потребностям. И осуществляется он в варианте, затрудняющем тот самый процесс, который необходимо было упростить [9].

В англоязычном научном сообществе тема цифровизации находится на пике популярности, о чем свидетельствует интерес к этой теме на самых различных уровнях [11], прежде всего, на государственном, к которому мы перейдем ниже. Имеются важные международно-правовые документы в области цифровизации, такие как «Окинавская хартия Глобального информационного общества», принятая 22 июля 2000 г. В этом документе провозглашается курс на «использование возможностей цифровых технологий», «формирование политического, нормативного и сетевого обеспечения» стран — участниц хартии (на тот момент это G-8, объединявшая Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Россию, США, Францию и Японию) и «укрепление человеческого потенциала» [12]. В дальнейшем положения Окинавской хартии были расширены в ходе деятельности многих международных рабочих групп и ассоциаций, функционирующих на различных

уровнях, а также в заявлениях действующих политиков. Так, в 2005 г. была принята «Тунисская программа для информационного общества» [13], заложившая принципы и механизмы для преодоления «цифрового разрыва» и в целом довольно подробно определившая дальнейшие направления деятельности и организации, которым отведена центральная роль в грядущих изменениях. В 2018 г. в программном заявлении министров цифровой экономики *G20* прозвучало заявление лидеров стран мира, в котором они «признали современный период критической эрой цифровой трансформации» [14], при этом, однако, делая упор на экономической составляющей процесса. Нас же, в рамках настоящей статьи, интересует, прежде всего, политическая составляющая.

В последние годы развитие цифровизации стремительно набирает обороты: на уровне Европейского союза в 2018 г. была разработана и обнародована декларация министров иностранных дел [15], а в 2019 г. принята стратегия [16], где было зафиксировано стремление к цифровому сотрудничеству ЕС со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. В рамках этого партнерства было запущено несколько проектов по цифровому сотрудничеству с Латинской Америкой, в которых учитывается специфика стран региона, и это было сделано уже в январе 2018 г.

Сотрудничество в области защиты персональных данных, в том числе помощь в продвижении свободного потока данных через международные границы, затронуло такие страны, как Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Мексика и Уругвай. Кооперацией в области стандартизации и расширения предоставления услуг информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) через международные границы и развитием международных усилий по укреплению доверия и безопасности в киберпространстве стала заниматься Бразилия [17]. Это далеко не полный перечень тем и мероприятий. Имеются подобные разработки и в рамках функционирования Центра развития Организации экономического сотрудничества и развития со странами Латинской Америки. В отчете 2020 г., посвященном обзору влияния новых технологий в регионе [18], анализируются проблемы, существующие на пути увеличения частных инвестиций в новые технологии (сводятся к неравномерному цифровому развитию региона), общие проблемы цифровизации (связаны с общим инфраструктурным развитием, также неравномерным) и констатируется общая уязвимость экономического роста из-за различных «внешних» факторов, связанных прежде всего, с эпидемией *COVID-19* [19].

В испано- и португальязычных сегментах ситуация близка к описанной ранее: авторов интересуют, как правило, довольно узкие аспекты цифровизации, в частности, такие как стратегии кибербезопасности стран Латинской Америки [20], или рассматриваются особенности цифровизации в сфере здравоохранения Аргентины, Бразилии, Колумбии и Чили [21]. На уровне государств региона, конечно, приняты и действуют стратегии цифрового развития различных сегментов государственной политики [20; 22].

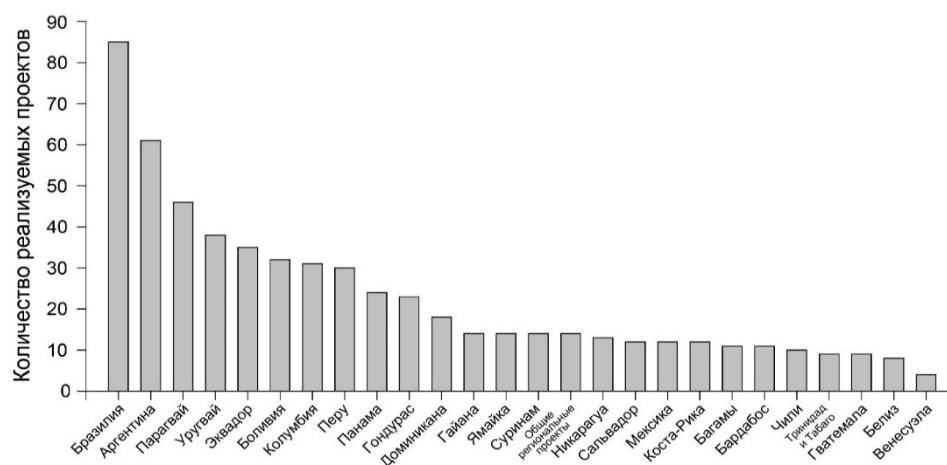
Чтобы не превращать данную статью исключительно в нормативный и научный обзор, далее целесообразно приступить к анализу инструментов государственной политики стран региона в изучаемой сфере, провести кросс-темпоральное и кроссрегиональное сравнение многомерных интегральных

индексов, а затем перейти к исследованию стратегий цифровизации на примере Бразилии.

АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН РЕГИОНА В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Одним из инструментов государственной политики стран региона в сфере цифровизации является Межамериканский банк развития (*Inter-American Development Bank, IDB*), который реализует в регионе колоссальное количество проектов в разных областях, но объединенных идеей цифрового развития стран. Для удобства представим проекты, государства и направления работы IDB за 2020 г. в виде графиков (см. рисунки 1 и 2).

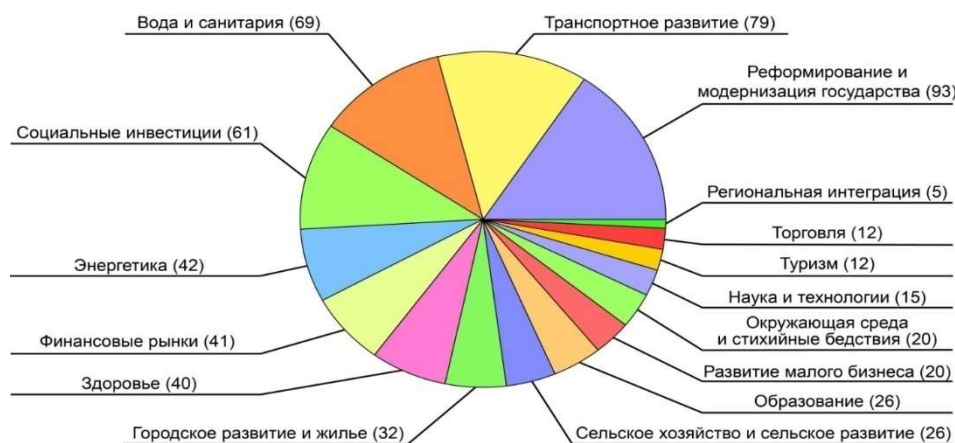
Рис. 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОЕКТОВ IDB В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Источник: составлено автором по [23].

Из анализа гистограммы очевидно, что в целом страны региона можно разделить на три категории. В первой находятся государства, где реализуется наибольшее количество проектов; сюда входят Бразилия, где осуществляется 85 проектов, и Аргентина со значением 61. Ко второй категории относится шесть стран — от Парагвая до Перу (значения от 46 до 30). И в третью, самую многочисленную категорию — 17 государств — входят те, у которых показатели недостаточно велики. Очевидно, что региональное развитие каждой страны, в том числе в сфере цифровизации государственной политики, имеет свои особенности. Где-то недостаточное количество проектов можно связать с общей бедностью государства, например, как в Гаити и на Ямайке, где-то — с затянувшимся кризисом политической власти, как в Венесуэле, а некоторые страны нужно дополнительно исследовать на предмет правых или левых ориентаций нынешних правительств, тут интересными примерами являются Чили [24] и Мексика [25].

Рис. 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОЕКТОВ *IDB* ПО НАПРАВЛЕНИЯМ РЕАЛИЗАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Источник: составлено автором по [23].

Таким образом, страны можно разделить на три условные группы, преобразуя данные в трехгранговую шкалу, состоящую из «самых лучших по значению», «умеренных по значению» и «недостаточных по значению». Медианной точкой шкалы условно назовем показатель в 42,5 проекта, так как максимальное количество — 85 (реализуется в Бразилии). Вывод, к сожалению, не утешителен: государственная политика в сфере проектного развития в регионе в большей степени носит заявительный характер, и только небольшая часть стран, едва ли половина, обладает достаточными ресурсами для проведения сбалансированной политики, о чем может свидетельствовать также и обзор проектов *IDB* по направлениям в странах Латинской Америки.

Далее рассмотрим общую статистику проектов. Проекты, представленные в диаграмме, отражают стратегию развития, заложенную в программных документах на 2015—2020 гг. и актуализированную в 2019 г. [26]. Из них только пять затрагивают региональную интеграцию, а еще пятнадцать направлены на развитие науки и технологий. Это количество в целом представляется ничтожно малым для создания полноценного регионального цифрового пространства.

Проанализированная выше проектная деятельность *IDB*, безусловно, является не единственным инструментом реализации политики цифровизации в странах региона. Ряд программ в этой сфере осуществляется Банком развития Латинской Америки (*Development Bank of Latin America, CAF*) [27], Карибским банком развития (*Caribbean Development Bank, CDB*) [28]. К числу таких уникальных проектов можно отнести, например, завершившуюся в очном режиме в 2019 г. программу *CDB* по анализу и управлению государственной политикой и управлению проектным циклом. Она была запущена в 2016 г. с целью обучить высокопоставленных государственных служащих навыкам, позволяющим эффективно управлять, контролировать и реализовывать государственную политику, программы и проекты в области

цифровизации предоставления услуг гражданам [29]. В данный момент программа продолжает осуществляться в режиме онлайн.

Амбициозные проекты реализуются в рамках деятельности Ассоциации операторов мобильной связи (*Global System for Mobile Communications Association, GSMA*) [30]. Она представляет интересы операторов мобильной связи по всему миру и обладает сильным влиянием в изучаемом регионе (с офисом в г. Бразилиа) [31]. GSMA осуществляет три постоянно действующие и множество однократно реализуемых программ по развитию цифровизации, в том числе и в сфере обеспечения информационной безопасности.

В исследовании «Различия в уровнях цифровизации: многомерный анализ, изучающий глобальный цифровой разрыв» [32] доказана связь между показателями ВВП и цифровизацией: определена значимая корреляция между ВВП и уровнем цифровизации стран мира (значение коэффициента Спирмена 0,948). Средние значения ВВП и индекса цифровизации подразделяют государства на четыре сегмента. Было выявлено, что в категории наиболее развитых оказались, в основном, страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и так называемой «развитой демократии», в то время как латиноамериканские государства, например, Бразилия, Мексика и Венесуэла, равно как и некоторые страны Восточной Европы (в их числе Румыния, Молдова и Россия), попали в так называемую третью группу. Именно среди этих стран наиболее высока значимость уровня дохода для наилучшей, то есть наиболее успешной и краткосрочной, цифровизации. Эти закономерности в разной степени объясняются типом государства, различиями в экономическом развитии, а также социально-демографическими и институциональными переменными, однако такие факторы, как качество регулирования и инфраструктуры, объясняют внедрение ИКТ именно в странах с высоким уровнем доходов [32, p. 55].

Посмотрим на проблему шире, используя вторичный анализ многомерных интегральных индексов цифровизации.

АНАЛИЗ МНОГОМЕРНЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В рамках данной статьи основными методологиями являются компаративизм [33] и интернационализм, понимаемый как «качественная характеристика знания, означающая широкое его применение и всеобщую значимость независимо от национальных или региональных границ» [34]. Конкретными же методами выступают кросстемпоральное и кроссрегиональное сравнение, а также вторичный анализ многомерных интегральных индексов цифровизации.

Опираясь на исследование Каца, Кутрумписа и Каллорда «Латиноамериканский путь к цифровизации» (*The Latin American path towards digitization*) [1], рассмотрим индексы цифровизации применительно к странам региона. Заметим также, что использованные авторами данные в будущем было бы интересно дополнить, а само исследование обновить в свете новых форм цифровизации. В этом разделе статьи будет проведен кросстемпоральный и кроссрегиональный анализ стран также по индексу человеческого развития (ИЧР) как некоего суммирующего показателя уровня благосостояния граждан. Все данные

представлены в виде таблиц, куда мы сочли нужным включить и показатели по Российской Федерации.

Индекс цифровизации представляет собой попытку количественного измерения межстранового прогресса и усилий, предпринимаемых правительствами государств для развития цифровизации. Он состоит из шести элементов и 24 индикаторов, измеряющих «осязаемые параметры воспринимаемых метрик цифровизации, а именно: (1) проникновение (охват), (2) доступность, (3) надежность, (4) скорость, (5) удобство использования и (6) навыки» [1, р. 152] пользователей. И по результатам исследования страны были поделены на четыре группы, сообразно с полученными баллами (максимально 100): «продвинутые» с точки зрения цифрового развития, «находящиеся на переходном этапе», «с формирующимся рынком цифровизации» и «с ограниченными возможностями» [1, pp. 154-155]. За прошедшие семь лет с момента публикации работы Каца, Кутрумпис и Каллорда методология проведения подобного исследования зарекомендовала себя наилучшим образом. Так, Центром технологий электронного правительства Института дизайна и урбанистики Университета ИТМО в Санкт-Петербурге был разработан механизм измерения цифровизации в сфере государственного управления через мониторинг ресурсов электронного участия в России. В конце 2019 г. проведено исследование, в ходе которого каналы электронного участия оценивались по пяти критериям: (1) открытость; (2) доступность; (3) принятие решений; (4) качество обратной связи и (5) специальные требования [35].

Вернемся к странам Латинской Америки. В 2011 г. Кац, Кутрумпис и Каллорда разделили весь мир по параметрам цифрового развития на четыре категории со строгой привязкой к уровню экономического развития: страны с «ограниченными возможностями», государства с «формирующимся рынком цифровизации», страны «переходного этапа» и «продвинутые» в цифровом развитии государства [1, р. 155]. Латинская Америка была почти полностью отнесена к двум категориям стран — «переходным» и странам с «формирующимся рынком цифровизации». Примечательно при этом, что у России, рассматриваемой в совокупности с СНГ, были более высокие баллы. Хотя будем объективными: эти баллы больше говорят о возможности будущего развития, чем о том, что цифровизация уже является завершенным процессом в этом регионе. Тем не менее, проводя кросстемпоральный анализ с самыми свежими данными за 2020 г., отметим, что тенденции десятилетней давности были указаны верно (см. таблицу 1).

За прошедшее десятилетие страны мира значительно продвинулись в сфере цифрового развития, а инструменты государственной политики, реализуемые через различные проекты, показали свою эффективность. Позиция России в исследовании цифровизации была довольно высокой: Россию отнесли к категории стран, находящихся, хотя и в самом начале, но «наиболее зрелого этапа», наряду с Японией, Скандинавией и многими другими. Сравним показатели индекса цифровизации с показателями индекса сетевой готовности (*Networked Readiness Index*), комплексного показателя, характеризующего уровень развития ИКТ и сетевой экономики в государствах региона [36]. В рейтинге 2020 г. 134 страны, максимальное количество баллов — 100.

Т а б л и ц а 1

**РЕЙТИНГ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПО ИНДЕКСУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ (2011 г.)**

Стадия развития	Позиция	Значение	Стадия развития	Позиция	Значение
Переходная к цифре	Чили	45,33	С формирующимся цифровым рынком	Эквадор	32,75
	Панама	44,29		Венесуэла	32,69
	Уругвай	42,78		Перу	32,60
	Аргентина	41,32		Доминиканская Республика	29,93
	Колумбия	38,33		Сальвадор	29,56
	Коста-Рика	37,33		Парагвай	28,68
	Мексика	37,05		Гондурас	22,98
	Бразилия	36,61			

Источник: составлено автором по [1].

Т а б л и ц а 2

**РЕЙТИНГ СТРАН МИРА ПО ИНДЕКСУ СЕТЕВОЙ ГОТОВНОСТИ
(выборка по региону Латинская Америка и Россия)**

Страна*	Позиция	Значение индекса	Страна	Позиция	Значение индекса
Уругвай	47	54,87	Панама	77	44,74
Россия	48	54,23	Перу	80	43,67
Чили	50	54,06	Эквадор	85	42,20
Коста-Рика	54	52,15	Парагвай	92	41,12
Бразилия	59	50,58	Сальвадор	95	37,33
Аргентина	60	50,36	Боливия	101	36,72
Мексика	63	49,67	Гондурас	102	36,23
Колумбия	72	46,81	Гватемала	106	35,51
Доминикана	75	45,77	Венесуэла	108	34,57

* Куба, Гаити и Никарагуа в рейтинг не вошли, так как данные по этим странам представлены не были.

Источник: составлено автором по [37].

В целом очевидно, что развитие ИКТ в странах латиноамериканского региона неравномерное, что лишь подтверждает анализ проектов развития цифровизации. Возможно, еще имеет значение разница в основных элементах, в которых производится замер этого индекса, а это такие показатели, как «технологии, люди, управление и влияние» процессов цифровизации на осуществление повседневных практик [38].

В конце обзора перейдем к обобщающим показателям, выраженным в индексе человеческого развития (*Human Development Index*). Это довольно популярный в научной среде [39] комбинированный рейтинг, который рассчитывается с 1991 г. Он состоит из таких показателей, как уровень образования

взрослых и детей, т.е. «знание»; уровень продолжительности жизни, т.е. среднее арифметическое ожидаемых показателей как среди мужчин, так и среди женщин; этот компонент назовем «здоровье и долголетие»; и, наверное, самый главный показатель — уровень покупательской способности граждан, высчитываемый в долларах на каждого жителя, т.е. «благополучие» [40]. В каждой из этих подгрупп значение по составляющим процесса цифровизации все выше и выше [41].

Т а б л и ц а 3

ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
(кроссрегиональный срез за 2020 г.)

Страна*	Позиция	Значение ИЧР	Страна	Позиция	Значение ИЧР
Чили	43	0,851	Эквадор	86	0,759
Аргентина	47	0,845	Доминикана	88	0,742
Уругвай	55	0,817	Парагвай	103	0,728
Панама	57	0,815	Боливия	107	0,718
Коста-Рика	62	0,810	Венесуэла	113	0,711
Куба	73	0,783	Сальвадор	124	0,673
Мексика	74	0,779	Гватемала	127	0,663
Перу	79	0,777	Никарагуа	128	0,660
Колумбия	83	0,767	Гондурас	132	0,634
Бразилия	84	0,765	Гаити	170	0,510

* Позиция России в 2020 г. довольно уверенная и в целом соответствует положению ведущих стран региона: 52 место и значение 0,824. Всего в рейтинге участвует 189 стран. Максимальное значение равно 1,0.

Источник: составлено автором по [40].

За последние два года позиции стран региона улучшились. Положение ухудшилось, причем резко, только в Венесуэле: с 78 места она опустилась на 113, а значение ИЧР упало с 0,761 до 0,711 [42]. Во всех остальных латиноамериканских странах, даже если они остались на тех же местах в рейтинге, зафиксирован рост значения ИЧР. Этот рейтинг еще раз доказывает, что в регионе велико неравенство, о чем свидетельствует и анализ проектов, и кросстемпоральный и кроссрегиональный анализ многомерных интегральных индексов. В Докладе развития человечества за 2020 г. утверждается, что «новые формы расширенных возможностей», создание которых является провозглашенной целью развития [43], «становится все более важными для процветания людей в цифровой среде», хотя и неясно, «существенно ли цифровизация снизит спрос» на «материальную базу» развития, или только облегчит и упростит процесс предоставления услуг [41].

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ПРИМЕР БРАЗИЛИИ

Бразилия была выбрана для изучения по следующим причинам. Во-первых, именно Бразилия интересует российских ученых, занимающихся политикой, как член объединения *BRICS* (*Brazil, Russia, India, China, South Africa*). Во-вторых, в городе Бразилиа расположен региональный офис «Ассоциации *GSMA*», всемирного союза операторов сотовой связи — организации, осуществляющей довольно масштабную деятельность по продвижению цифрового развития в мире. Тот же союз, в свою очередь, выбран инструментом реализации стратегии «Устойчивого развития мира до 2030 г.» [44], принятой всеми государствами — членами ООН в 2015 г. «как универсальный призыв к действиям по искоренению нищеты, защите планеты и обеспечению мира и процветания к 2030 г.» [43]. В-третьих, в Бразилии реализуется наибольшее количество проектов как *IDB*, так и собственно программ цифрового развития внутри самой страны. Наконец, традиционно цифровое развитие связывалось с увеличением предоставления услуг населению, а это уже отсылает нас к идеологическим факторам функционирования власти, особенно к право-левой дихотомии, характерной как для всей Латинской Америки в целом, так и для Бразилии в частности [45]. Рассмотрение большего количества стратегий невозможно в связи с ограниченным объемом статьи, что дает автору возможность надеяться на дальнейшее рассмотрение подобных стратегий в более широком формате.

В 2018 г. в Бразилии была принята стратегия цифровой трансформации «Повестка дня для цифрового общества будущего» [46]. В преамбуле документа указано, что стратегия является результатом совместной инициативы различных акторов федерального правительства и реализуется при координации министерства науки, технологий, инноваций и связи, а разработчики стратегии взаимодействовали с группой из более чем 30 административных единиц. В документе указано, что цифровизация осуществляется при помощи государственного управления федерального центра, однако на протяжении всего процесса принятия и дальнейшей реализации стратегии было очевидно широкое участие производственного сектора, научного сообщества, академических кругов и структур гражданского общества, подключавшихся к дискуссии на разных этапах работы. Так, в ходе принятия данного документа было организовано значительное количество семинаров и практикумов, а также общественных консультаций по базовым аспектам будущей стратегии.

В целом, стратегия представляет собой достаточно объемный документ, насчитывающий 108 страниц и разбитый на несколько блоков. Перечислим основные. В начале документа заданы системообразующие «оси» развития, это — «Инфраструктура и доступ к информационным и коммуникационным технологиям», «Исследования, разработки и инновации» и «Доверие к цифровой среде», которые выражаются через «Защиту прав и конфиденциальности», а также «Оборону и безопасность в цифровой среде» [46, pp. 13-45]. Последние два пункта в процессе реализации должны привести к уверенности в безопасности использования именно цифровых технологий во всех сферах, затронутых в стратегии, в том числе в сфере «Образования и профессиональной подготовки». Международному измерению процесса

цифровизации посвящена значительная часть документа, где описываются процессы «управления Интернетом», «координации и интеграции в цифровой экономике, а также отдельно выделена «интернационализация бразильских компаний в цифровой экономике» [46, pp. 53-58]. В предпоследнем блоке анализируется процесс «цифровой трансформации экономики», включая общий обзор «экономики, основанной на данных» и «новых бизнес-моделей» [46, pp. 60-75], необходимых для полноценного цифрового развития. Наиболее интересным для нас представляется заключительный блок стратегии, в котором речь идет о роли гражданского общества и правительства в цифровой трансформации [46, pp. 93-99].

Завершая обзор стратегии, укажем, что это — удачный пример взаимодействия государства и гражданского общества, направленный на усовершенствование системы цифровой трансформации E-Digital, которая постулируется в качестве элемента «государственной политики, подлежащей реализации» [46].

Тема цифровизации сегодня является наиболее востребованной и актуальной в мировом научном и политико-прикладном сообществе. Проанализированные выше аспекты реализации государственной политики цифровизации в странах Латинской Америки требуют более глубокого осмысления [47]. Кросстемпоральный и кроссрегиональный анализ может быть дополнен рассмотрением таких показателей, как рейтинг стран мира по уровню расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) [48], индекс развития информационно-коммуникационных технологий по версии Международного союза электросвязи [49; 50]. Эти показатели целесообразно связать с качеством управления и уровнем демократии, выраженными, например, в рейтинге стран мира по уровню свободы Интернета по версии *Freedom House* [51] и в индексе социального прогресса [52] и его отличительной сравнительной методологии [53]. Проведенный в статье анализ подводит нас к следующим выводам.

Цель исследования заключалась в выявлении региональной специфики реализации процесса цифровизации, и мы утверждаем следующее. Во-первых, перед человечеством стоит задача цифрового развития, это — повсеместная необходимость и, к сожалению, далеко не везде данность. Однако дальнейшее развитие, осложненное вызовами, связанными с пандемией COVID-19, подтверждает необходимость внедрения новых механизмов цифрового управления и дальнейшего распространения и углубления цифрового контента, направленного, прежде всего, на повышение цифровой грамотности потребителей и увеличение ответственности лиц, принимающих решения.

Во-вторых, ситуацию, складывающуюся в проанализированных странах, нельзя оценивать как общую для региона. В Латинской Америке ярко выражено неравенство доходов, расходов, гражданского и политического участия. Как следствие, мы наблюдаем значительное цифровое неравенство, которое проявляется как в уровне развития существующей инфраструктуры и используемых сервисов, так и в наличии либо отсутствии «цифровых компетенций» [9].

В-третьих, наиболее полный вариант анализа цифровизации был представлен еще в 2011 г. и включает в себя такие показатели, как «проникновение (охват),

доступность, надежность, скорость, удобство использования и навыки» пользователей [1]. Подобный подход позволяет провести кросстемпоральный анализ и обосновать, что многие страны продвинулись в цифровом развитии, используя, в том числе, государственно-частные проекты как инструмент реализации государственной политики в области цифровизации.

Уменьшение цифрового разрыва не только между странами региона, но и по всему миру [32] представляется необходимой, но не достаточной целью. Для полноценного развития мало повсеместно вводить использование цифровых технологий. В условиях наступающей информационной эпохи нужны скоординированные усилия государства и гражданского общества, которым свойственна определенная специфика как в странах региона, например, в Аргентине и Бразилии [54], так и в мире целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Katz R.L., Koutroumpis P., Callorda F. The Latin American path towards digitization. *Revista de Estudios para el Desarrollo Social de la Comunicación*, 2014, vol. 9, pp. 151—179.
2. Чаварри Гальвес Д.П., Ревина С.Ю. Цифровая экономика как стратегическое направление развития стран Латинской Америки. *Экономика и предпринимательство*. М., 2020, № 10(123), сс. 1250—1254. [D.P. Chavarri Galves, S.Yu.Revinova. Tsifrovaya ekonomika kak strategicheskoye napravleniye razvitiya stran Latinskoy Ameriki [Digital economy as a strategic direction for the development of Latin American countries]. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2020, N 10 (123), pp. 1250—1254 (In Russ.).]
3. Лавут А.А. Поиски латиноамериканской стратегии развития в условиях нестабильности глобальной экономики. *Латинская Америка*. М., 2020, № 1, сс. 33—46. [A.A. Lavut. Poiski latinoamerikanskoy strategii razvitiya v usloviyakh nestabil'nosti global'noy ekonomiki [The search for a Latin American development strategy in the context of instability of the global economy]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 1, pp. 33—46 (In Russ.). Available at: <https://la.jes.su/S0044748X0007757-1-1> (accessed 11.01.2021).]
4. Скворцов Н.Г., Асочаков Ю.В. Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития. Материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12—14 ноября 2020 года, СПб., Скифия-принт, 2020, 603 с. [N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. Tsifrovoye obshchestvo — novyy format sotsial'noy real'nosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii XIV Kovalevskiy chteniye 12—14 noyabrya 2020 goda [Digital society — a new format of social reality: structures, processes and development trends. Materials of the All-Russian scientific conference XIV Kovalev readings November 12-14, 2020]. SPb., Skifia-print, 2020, 603 p. (In Russ.).]
5. IV International Conference «Digital Transformation & Global Society» — DTGS 2020. Available at: http://ims.ifmo.ru/file/pages/2/WeekIST-2020_TimeTable.pdf (accessed 11.01.2021).
6. Кузовкова Т.А., Салютин Т.Ю., Кухаренко Е.Г. Методические основы и результаты интегральной оценки цифрового развития экономики и общества. *Электронный научный журнал «Век качества»*, 2019, № 3, сс. 106—122. [T.A. Kuzovkova, T.Yu. Salyutina, Ye.G. Kukhareno. Metodicheskiye osnovy i rezultaty integral'noy otsenki tsifrovogo razvitiya ekonomiki i obshchestva. [Methodological foundations and results of an integral assessment of the digital development of the economy and society]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Vek kachestva»*, 2019, N 3, pp. 106—122. (In Russ.). Available at: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/319007.pdf> (accessed 11.01.2021).]
7. Добролюбова Е.И. Методические подходы к оценке от выгод от цифровизации государственного управления для граждан. *Вопросы управления*, 2019, №5 (60), сс. 51—62. [Ye.I. Dobrolyubova. Metodicheskiye podkhody k otsenke ot vygod ot tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya dlya grazhdan [Methodological approaches to assessing the benefits of digitalization of public administration for citizens]. *Voprosy upravleniya*, 2019, N 5(60), pp. 51—62 (In Russ.).]
8. Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. [Politicheskoye predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnyye vyzovy

i perspektivy [Political representation and public authority: transformational challenges and prospects] (In Russ.) Available at: https://www.rapn.ru/partner/files/itogo-vaya_programma_konferentsii_rapn_2020.pdf (accessed 11.01.2021).

9. Смаль С.В. Цифровизация социального государства: к постановке вопроса. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020 «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы». Москва, МПГУ, 27—28 ноября 2020 г., сс. 493—494. [S.V. Smal. Tsifrovizatsiya sotsial'nogo gosudarstva: k postanovke voprosa. Materialy Yezhegodnoy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem RAPN'2020 «Politicheskoye predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnyye vyzovy i perspektivy»][Digitalization of the welfare state: to the question. Materials of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2020 "Political Representation and Public Authority: Transformational Challenges and Prospects"]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, November 27—28, 2020, pp. 493—494 (In Russ.).

10. Жулего В. Г., Балякин А. А., Нурбина М. В., Тараненко С. Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 9 (ч. 2). сс. 36—43. [V. G. Zhulego, A. A. Balyakin, M. V. Nurbina, S. B. Taranenko. Tsifrovizatsiya obshchestva: novyye vyzovy v sotsial'noy sfere. [Digitalization of society: new challenges in the social sphere]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 2019. N 9 (ch. 2). pp. 36—43. (In Russ.).

11. Kaufmann M., Jeandesboz J. Politics and 'the digital': from singularity to specificity. *European Journal of Social Theory*, 2017, vol. 20, issue 3, pp. 309—328.

12. Окинавская хартия Глобального информационного общества [Okinavskaya khartiya Global'nogo informatsionnogo obshchestva [Okinawa Charter of the Global Information Society] (In Russ.) Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170/print> (accessed 11.01.2021).

13. Tunis agenda for the information society. Available at: <https://www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/6rev1.html> (accessed 11.01.2021).

14. Statement On Recommended Outcomes For 2018 G20 Digital Economy Ministerial Meeting. Available at: https://internetassociation.org/files/ia_2018-g20-digital-economy-statement_august-2018_trade-policy/ (accessed 11.01.2021).

15. Declaration "Building bridges and strengthening our partnership to face global challenges". Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/36181/declaration-en.pdf> (accessed 11.01.2021).

16. European Union, Latin America and the Caribbean: joining forces for a common future. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_european_union_latina_merica_and_the_caribbean_joining_forces_for_a_common_future.pdf (accessed 11.01.2021).

17. The digital economy & society is now firmly part of the agenda for the EU's relations with the Americas. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/americas> (accessed 11.01.2021).

18. 2020 policy note on Latin America. Leveraging the impact of new technologies in Latin America. Available at: <https://www.oecd.org/dev/EMnet-Latin-America-Policy-Note-2020.pdf> (accessed 11.01.2021).

19. Катышева О.В. Евразия, Россия и Латинская Америка после пандемии (обзор выступлений на онлайн-семинаре). *Латинская Америка*. М., 2020, № 10, сс. 99—110. [Katyshcheva O.V. Yevraziya, Rossiya i Latinskaya Amerika posle pandemii (obzor vystupleniy na onlayn-seminare) [Eurasia, Russia and Latin America after the pandemic (review of speeches at the online seminar)]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 10, pp. 99—110 (In Russ.). Available at: <https://la.jes.su/s0044748x0011336-8-1/> (accessed 11.01.2021).

20. Koséovich E.Yu. Estrategias de seguridad cibernética en los países de America Latina. *Iberoamérica*, 2020, N 1, pp. 137—159.

21. Justo N., Espinoza M.A., Ratto B., Nicholson M., Rosselli D., Ovcinnikova O., Martí S.G., Ferraz M.B., Langsam M., Drummond M.F. Real-World Evidence in Healthcare. *Decision Making: Global Trends and Case Studies From Latin America, Value in Health*, 2019, vol. 22, N 6, pp. 739—749.

22. Desde una Agenda Digital a la Transformación Digital. Available at: <http://www.agendadigital.gob.cl/#/> (accessed 11.01.2021).

23. IDB projects statistics. Available at: <https://www.iadb.org/en/projects> (accessed 11.01.2021).
24. Дьякова Л. В. Новые явления в политической жизни Чили. *Иberoамериканские тетради*. М., 2019, № 3, сс. 12—15. [L.V. Dyakova. Novyye yavleniya v politicheskoy zhizni Chili [New developments in the political life of Chile]. *Iberoamerikanskiye tetrad*. Moscow, 2019, N 3, pp. 12—15 (In Russ.).]
25. «Левый поворот» в Мексике представляет собой новое явление. *Иberoамериканские тетради*, 2020, N 8(1), сс. 36—45. [«Levyuy povorot» v Meksike predstavlyayet soboy novoye yavleniye [The “left turn” in Mexico is a new phenomenon]. *Iberoamerikanskiye tetrad*, 2020, N 8(1), pp. 36—45 (In Russ.).]
26. Second Update to the Institutional Strategy. Development Solutions that Reignite Growth and Improve Lives. Available at: <https://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=EZSHARE-1350314980-470> (accessed 11.01.2021).
27. Development Bank of Latin America. Projects. Available at: <https://www.caf.com/en/projects/> (accessed 11.01.2021).
28. Caribbean Development Bank. Programmes. Available at: <https://www.caribank.org/our-work/programmes> (accessed 11.01.2021).
29. Public Policy Analysis and Management and Project Cycle Management. Available at: <https://www.caribank.org/our-work/programmes/public-policy-analysis-and-management-and-project-cycle-management> (accessed 11.01.2021).
30. GSMA's Strategy. Available at: <https://www.gsma.com/strategy/> (accessed 11.01.2021).
31. 2020 Mobile Industry SDG Impact Report. Available at: <https://www.gsma.com/bet-future/2020sdgimpactreport/#latinamerica> (accessed 11.01.2021).
32. Billon M., Lera-Lopez F., Marco R. Differences in digitalization levels: a multivariate analysis studying the global digital divide. *Review of World Economics*, Springer Verlag, 2010, N 146(1), pp.39—73.
33. Сморгун Л. В. Проблема методологического синтеза в современной сравнительной политологии. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. СПб., 2011, № 1, сс. 76—85. [L. V. Smorgunov. Problema metodologicheskogo sinteza v sovremennoy sravnitel'noy politologii. [The problem of methodological synthesis in modern comparative political science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2011, N 1, pp. 76—85 (In Russ.).]
34. Smelser N. J. On comparative analysis, interdisciplinarity, and internationalization in sociology. *Sociological research*, 2004, N 11, pp. 3—12.
35. Чугунов А. В. Мониторинг ресурсов электронного участия в России: методика и результаты. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020 ««Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы»». Москва, МПГУ, 27-28 ноября 2020 г., сс. 572—573. [A. V. Chugunov. Monitoring resursov elektronnoy uchastiya v Rossii: metodika i rezul'taty. Materialy Yezhegodnoy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem RAPN'2020 «Politicheskoye predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnyye vyzovy i perspektivy» [Monitoring of e-participation resources in Russia: methodology and results. Materials of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2020 "Political Representation and Public Authority: Transformational Challenges and Prospects"]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, November 27-28, 2020, pp. 572—573 (In Russ.).]
36. Рейтинг стран мира по уровню сетевой готовности. [Reyting stran mira po urovnyu setevoy gotovnosti [Rating of countries in the world by the level of network readiness] (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (accessed 23.01.2021).
37. The Network Readiness Index. Available at: <https://networkreadinessindex.org/> (accessed 23.01.2021).
38. Measuring digital development. Facts and figures 2020. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2020.pdf> (accessed 23.01.2021).
39. Sookias R. B., Passmore S, Atkinson Q. D. Deep cultural ancestry and human development indicators across nation states. *Royal Society Open Science*. Available at <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.171411> (accessed 23.01.2021).

40. Индекс человеческого развития. [Indeks chelovecheskogo razvitiya [Human Development Index] (In Russ.) Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (accessed 23.01.2021).
41. Human Development Report 2020. Available at: <http://report.hdr.undp.org/> (accessed 23.01.2021).
42. Смаль С. В. Социальная политика в странах Латинской Америки: опыт применения многомерных интегральных индексов. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2019 «Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы», Москва, МПГУ, 6—7 декабря 2019 г., сс. 369—371. [S.V. Smal. Sotsial'naya politika v stranakh Latinskoj Ameriki: opyt primeneniya mnogomernykh integral'nykh indeksov. Materialy Yezhegodnoy vserossiyskoj nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem RAPN'2019 «Trajektorii politicheskogo razvitiya Rossii: Instituty, proyekty, aktory» [Social policy in Latin America: experience of using multidimensional integral indices. Materials of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2019 "Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors"]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, December 6—7, 2019, pp. 369-371.(In Russ.).
43. Sustainable development goals. Available at: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/sustainable-development-goals/> (accessed 23.01.2021).
44. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed 11.01.2021).
45. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2020, т. 11, № 5(91). [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Pravyy povorot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremennost' [Right turn in Latin America: history and modernity]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, 2020, vol. 11, N 5(91) (In Russ.). Available at: <https://history.jes.su/s207987840010177-3-1/> (accessed 23.01.2021).
46. Estratégia Brasileira para a transformação digital. E-digital. Available at: <https://www.gov.br/mcti/pt-br/centrais-de-conteudo/comunicados-mcti/estrategia-digital-brasileira/estrategiadigital.pdf> (accessed 23.01.2021).
47. Яковлев П.П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2019, т.63, №3, сс. 94—103. [P.P. Yakovlev. Latinskaya Amerika: vozmozhen li ryvok v razvitiy? [Latin America: is a breakthrough in development possible?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Moscow, 2019, vol. 63, N 3, pp. 94—103 (In Russ.).
48. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР. [Reyting stran mira po urovnyu raskhodov na NIOKR [Ranking of countries in the world by the level of spending on R&D] (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure> (accessed 11.01.2021).
49. Индекс развития ИКТ 2020 года: предложения [Indeks razvitiya IKT 2020 goda: predlozheniya [ICT Development Index 2020: proposals] (In Russ.). Available at: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/events/egti2020/IDI2020_BackgroundDocument_R.pdf (accessed 11.01.2021).
50. Measuring the Information Society Report 2018. Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/misr2018.aspx> (accessed 11.01.2021).
51. Свобода интернета в мире. [Svoboda interneta v mire [Internet freedom in the world] (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net> (accessed 11.01.2021).
52. Индекс социального прогресса. [Indeks sotsial'nogo progressa [Social Progress Index] (In Russ.). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index> (accessed 23.01.2021).
53. Global Index: Methodology. Available at: <https://www.socialprogress.org/index/global/methodology/> (accessed 23.01.2021).
54. Гайнутдинова Л.А. Гражданское общество в Аргентине и Бразилии. *Латинская Америка*. М., 2009, № 11, сс. 72-79. [L.A. Gaynutdinova. Grazhdanskoye obshchestvo v Argentine i Braziliy [Civil Society in Argentina and Brazil]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2009, N 11, pp. 72-79 (In Russ.).

Svetlana V.Smal (SmalSvetlana@gmail.com)

Cand. of political Sciences, associate Professor of the Department of political science of the Institute of history and social Sciences, Herzen State Pedagogical University

Moika River Emb. 48, 191186 St Petersburg, Russian Federation

State policy of digitalization in Latin America. Experience of using multidimensional integral indices on the example of Brazil

Abstract. The article analyzes international legislative acts that reveal the efforts of Latin American countries in the field of digitalization. The digitalization strategies undertaken by the states of the Latin America region as part of the implementation of the state policy of technological development are considered on the example of Brazil.

Multivariate integral indices of digitalization, demonstrating this process in practice, are presented in a cross-temporal section. The comparison is made in terms of the indicators of digitalization of the countries of the world and network readiness, as well as the human development index as a generalizing component of the quality of management in general. The Brazilian digital transformation strategy, "Agenda for the digital society of the future," is considered separately as the most successful example of the implementation of state policy in the field of digitalization in the region.

The purpose of the study is to identify the regional specifics of the implementation of the digitalization process, understood as a political, managerial and technological phenomenon. The main method used in the article is cross-temporal and cross-regional comparison, as well as secondary analysis of multivariate integral digitalization indices. Together, this allows us to identify regional trends and features of Latin American countries. Visualization and statistical analysis of data for the region were carried out using the SigmaPlot software (version 12.5).

Key words: public policy, digitalization, Latin America, Brazil, development strategies, multidimensional integral indices.

DOI: 10.31857/S0044748X0014087-4

Received 17.01.2021.

К.А.Неверов

Интероперабельность как рекурсивный процесс: цифровая платформа Уругвая

В статье анализируется институт интероперабельности как элемент электронной платформы государственного управления в Уругвае. Приводятся различные трактовки интероперабельности, на данный момент существующие как в технических науках, так и в публичной политике. Отличительной чертой исследования является интерпретация интероперабельности как рекурсивного процесса, что эмпирически подкрепляется на примере цифрового правительства Уругвая.

Ключевые слова: интероперабельность, рекурсивность, Уругвай, платформа интероперабельности.

DOI: 10.31857/S0044748X0013483-0

Статья поступила в редакцию 16.01.2021.

Сфера государственного управления в настоящее время сталкивается с новыми вызовами, которые ей бросает технический прогресс, развивающийся в последние десятилетия стремительными темпами. Четвертая промышленная революция (более известная как «Индустрия 4.0», с легкой руки немецкого экономиста Клауса Шваба, президента Экономического форума в Давосе), изначально затронувшая сферу производства и экономику, коснулась и государственного управления. Хотя проекты электронного правительства развиваются уже на протяжении многих лет (с 1990-х годов, в частности в Эстонии), реформы происходили, скорее, в формате оказания государственных услуг и изменения характера внутреннего документооборота: на смену бумажному носителю и физической доставке пришел электронный документооборот, а ожиданию в очередях в госучреждениях — предоставление государственных услуг через сайты и порталы соответствующих ведомств.

Кирилл Алексеевич Неверов — кандидат политических наук, ассистент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, kir.neverov@gmail.com).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, грант №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: институциональные основания цифровой государственной управляемости».

«Вторжение» цифровых технологий во все сферы жизни общества поставило правительства стран мира перед новыми вызовами, но в то же время предоставило и большие возможности. Граждане получили быстрый и легкий доступ к информации, повысился уровень гражданского контроля, что поставило государственное управление в непростое положение. Но при этом управляющие структуры обрели рычаги для улучшения своей деятельности и повышения ее эффективности. Во внутриведомственных управленческих процессах большую роль играет коммуникация как внутри одного ведомства или органа, так и между разными структурами. От системы внутренней коммуникации во многом зависит, насколько эффективно осуществляется управляющее воздействие, а также — в форме обратной связи — поступают сведения о выполнении поручений и характере реакции на управляющее воздействие (т.е. осуществляются контроль и оценка отклика исполнителей или управляемых на управляющее воздействие).

В центре внимания данной статьи находится обеспечение внутренней коммуникации через интероперабельность. Основной акцент работы сделан на интероперабельности как рекурсивном процессе, т.е. самовоспроизводящемся и, таким образом, перманентно развивающемся. Мы видим научную новизну проделанной работы в анализе цифрового правительства Уругвая с акцентом на интероперабельность.

В методологическом плане в качестве основного используется метод управления (*governance*), понимаемый как социкибернетическая система [1, сс. 58-60]. Задействованы также элементы неоструктурализма и нового государственного менеджмента. В контексте статьи цифровая управляемость рассматривается с точки зрения контроля сверху (со стороны государства) и контроля снизу (контроль граждан гражданами/гражданский контроль). Под контролем сверху понимается «способность больших организационных систем (государства, ТНК и т.д.) на основе обработки больших массивов данных о гражданах ... управлять поведением больших масс людей» [2, с. 64]. Контроль снизу осуществляется через «усиление управляемости посредством самонаблюдения, социального контроля и самоцензуры. ... Сутью управляемости здесь выступает программирование поведения человека посредством сетевой идентификации как принадлежности» [2, с. 64].

В качестве объекта исследования была выбрана цифровая платформа Уругвая в силу высокого уровня развития цифровых решений в сфере государственного управления в данной стране и по сравнению с тем, как электронное правительство работает в других странах континента, и на мировой арене.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УРУГВАЕ

Латинская Америка остается самым демократичным регионом с формирующимся рынком в мире [3, р. 33]. Выбранный в качестве объекта для изучения Уругвай в рейтинге *The Economist Democracy Index 2019* находится на 15-й позиции (для сравнения: Чили — на 21-й, Аргентина — на 48-й, Бразилия — на 52-й, Боливия — на 104-й, Венесуэла — на 140-й позициях) [4]. Согласно Индексу развития электронного правитель-

ства ООН (*E-Government Development Index, EGD*) за 2019 г., Уругвай занимает 26-ю позицию (для сравнения: Чили — 34-ю, Аргентина — 32-ю, Бразилия — 54-ю, Боливия — 97-ю, Венесуэла — 118-ю позицию) [5].

Государственное управление в Уругвае и, в частности, сфера предоставления государственных услуг отличаются высокой степенью децентрализации и плюрализма, что подразумевает широкое участие граждан в публичной политике и влияние на принятие решений правительственными органами. В терминах американского политолога Роберта Даля уругвайская демократия носит «полиархичный» характер; исторически она опирается на сотрудничество, поиск компромисса. Во многом это объясняется традициями партийной системы страны, которая, в свою очередь, наложила отпечаток на всю политическую систему, придав ей характер пропорциональной, общественной (т.е. построенной по принципу разумного распределения управления в обществе) и с высоким уровнем представительства интересов [6, p.17]. В системе государственного управления наряду с традиционными государственными исполнительными органами (министерствами) существуют автономные образования и негосударственные общественные учреждения, что закреплено на конституционном уровне (разделы 9 и 11 Конституции Уругвая [7]). Автономные образования представляют собой независимые административные центры, созданные в соответствии с законом, которые иерархически не связаны напрямую с министерством, что дает им возможность быть самостоятельными. Согласно Конституции, промышленные и коммерческие службы, а также образовательные организации работают как автономные образования. Негосударственные общественные учреждения, как следует из их наименования, формально не являются частью государства, но регулируются публичным правом, создаются государством и преследуют цели, устанавливаемые государством. В структуру государственного управления также входят региональные органы власти. Таким образом, следует отметить, что уругвайская исполнительная власть осуществляет тесное сотрудничество между государственными и негосударственными структурами.

Уругвай является одной из наиболее консолидированных демократий Латинской Америки, устойчивым государством всеобщего благосостояния с акцентом на предоставление качественных госуслуг [8, p. 263]. Эта тенденция стала наиболее явной в годы «левого поворота» (пик пришелся на период 2003—2013 гг.), выразившегося в дрейфе ряда стран континента влево под влиянием внешних и внутренних факторов экономического, политического и социального характера [9, сс. 75-76]. В данном контексте стоит отметить, что хотя уругвайскому правительству долгое время удавалось сохранять стабильное положение и оставаться в «левом тренде», после избрания президентом консерватора Луиса Лакалье Поу (2020 — н/в) «правый поворот» затронул и Уругвай. Как еще в 2015 г. отмечали отечественные исследователи В.Л.Хейфец и Л.С. Хейфец, левые получили тревожные сигналы еще на выборах 2014 г., когда с большим трудом и небольшим перевесом в голосах им удалось вырвать победу у конкурентов [10, с. 48]. Хоть новый президент и является самым молодым первым лицом государства за последние два десятилетия, в стране существуют опасения, что политика цифровизации может пострадать

от его старомодных бюрократических взглядов на цифровые технологии [11], что подкрепляется несущественным вниманием к данной проблематике в программе политика [12].

После прихода к власти левой коалиции Широкий Фронт (*Frente Amplio, FA*), концепция государства стала характеризоваться как «неодевелопменталистская». Данная концепция подразумевает баланс между активным вмешательством государства в социальную и экономическую жизнь и рынком: рыночные правила уважаются, частный сектор выступает в качестве партнера и играет центральную роль в создании и приумножении богатства страны. При этом государству принадлежит главная роль в экономике и в деле управления обществом. Государство принимает активное участие в развитии частного сектора через поддержание макроэкономической стабильности, содействие производственной диверсификации, открытие доступа к новым рынкам и поощрение инвестиций в науку и технологии. Такие проблемы, как бедность и неравенство, играют важную роль в повестке дня «неодевелопменталистов», решение которых они видят в денежных трансферах на развитие низкодоходных сфер и проведение крупных реформ (в частности, в сфере занятости и здравоохранения). Предоставление госуслуг перестает быть монополией государства, часть этого процесса отдается на откуп частному сектору, что хорошо видно на примере автономных образований Уругвая.

Правительство *FA* до 2020 г. в целом характеризовалось как прогрессивное, умеренно левое или левоцентристское, реформистское и социал-демократическое, либерально-демократическое, основными чертами которого являются институционализированный плюрализм, система сдержек и противовесов, полное уважение избирательных процедур, гражданских свобод и прав оппозиции, при которых мобилизация населения в значительной степени ограничивается избирательной ареной [13, р. 138]. В первое президентство Табаре Васкеса (2005—2010 гг.) начались широкомасштабные реформы госуправления. Хотя повестка *FA* в целом была социально ориентированной [14, с. 36], одной из осей реформирования стала цифровая политика страны, проводившаяся в рамках повышения эффективности управления результативностью государственной деятельности. В рамках уругвайской цифровой стратегии существует концептуальная модель, называемая «цифровая трансформация на основе данных», сведения, содержащиеся там, являются ключевым ресурсом для общественных структур, доступным посредством работы цифрового правительства [15, р. 1]. Институциональным шагом здесь стало создание в 2005 г. Агентства по электронному правительству, обществу знания и информации при президенте (*Agencia de Gobierno Electrónico y Sociedad de la Información y del Conocimiento, AGESIC*) [16]. В 2015 г. полномочия *AGESIC* были актуализированы указом N 184/015 «О миссии, целях и задачах, юридически относящихся к *AGESIC*» [17]. Агентство определяет цифровую политику страны и руководит стратегиями электронного правительства, а также занимается такими сферами, как информационная безопасность, электронная сертификация, защита данных и управление Интернетом (т.е. разработка и применение принципов и норм, регулирующих использование Всемирной паутины). Работа по цифровизации различных государственных и общественных сфер прослеживается в серии дорожных карт «Цифровая повестка для Уругвая» (*Agenda Digital Uruguay*), пла-

номерно издающихся с 2007 г. В настоящий момент действует «Цифровая повестка для Уругвая—2020», столпами которой являются социальная политика и инклюзия, устойчивое экономическое развитие и управление для информационного общества. Обеспечение интероперабельности является одной из задач более широкой цели построения интегрированного «умного» правительства, входящей в качестве дополнительной задачи в раздел «Государственное управление» [18]. На данный момент эта задача программы выполнена на 100% [19].

ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА, ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В контексте «Индустрии 4.0» под интероперабельностью понимается «способность взаимного интернет-подключения и общения людей с киберфизическими системами и «умными заводами»» [20, с. 199]. Система государственного управления рассматривается здесь как виртуальная модель реальных процессов. Данное определение близко к дефиниции Международной организации по стандартизации (*International Organization for Standardization, ISO*), имеющей наиболее высокий уровень консенсуса: способность двух или более функциональных блоков обрабатывать данные совместно; способность обмениваться данными, выполнять программы или передавать данные между различными функциональными модулями таким образом, чтобы от пользователя требовалось ограниченное знание или совсем не требовалось знаний об уникальных характеристиках этих модулей (общее определение) [21]. Именно определение *ISO* использовалось правительством Уругвая в «Цифровой повестке» 2011—2015 гг. [22].

В сфере изучения политико-административного управления синонимом интероперабельности является термин «бесшовное правительство» (*seamless government*). «Бесшовное правительство» можно определить как ряд правительственных агентств, работающих сообща как единая организация-организм, формирующая комплексные ответы на потребности сообщества [23]. Основной задачей обеспечения интероперабельности в сфере государственного управления является «совместное использование информации для повышения эффективности взаимодействия уполномоченных органов государственной власти по всей вертикали власти при выполнении государственных функций, а также снижения административных барьеров для граждан и бизнеса» [24].

В основе интероперабельности в сфере государственного управления также лежат технические спецификации (стандарты), которые должны принять все агентства, имеющие отношение к реализации стратегии электронного правительства, а также организационно-правовые стандарты, оформленные в виде норм, правил, предписаний, законов и прочих регламентирующих документов. Стандарты обеспечивают возможность взаимодействия между информационными системами от разных агентств, что позволяет предоставлять услуги гражданам и предприятиям на комплексной основе [25, р. 90]. Стандарты позволяют обеспечивать семантическую интероперабельность, связывая тем самым техническую и организационную ее составляющие [26, р. 174]. И если проблема технической интероперабельности решается довольно просто, то коллаборативные, организационные, семантиче-

ские, информационные, управленческие (менеджеральные) ограничения, а также ограничения, налагаемые издержками и вызываемые непосредственно практической управленческой деятельностью при ее осуществлении, являются более сложными задачами [27, pp. 893-895].

РЕКУРСИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТИ

Заимствованный из математической логики термин «рекурсия» (и производное от него «рекурсивность») это — принцип самовоспроизведения, усложнения системы [28, с. 10]. Алгоритм рекурсии заключается в производстве системы посредством нее самой, а результат предшествующей итерации становится началом нового цикла воспроизводства [29, с. 212].

Интероперабельность государственного управления в какой-то степени можно рассматривать как рекурсивный процесс. Во-первых, информация, создаваемая правительственным агентством, подвижна, она «стремится» перейти его границы; при этом одна и та же информация может быть затребована различными агентствами, что стирает границы в ее использовании и перемещении. Во-вторых, современные правительства зачастую строятся на принципе открытости, что выражается, в частности, в опубликовании правительственных данных. При этом создание информации порождает новую информацию, что говорит о самовоспроизводстве информации: бизнес использует открытые правительственные данные для создания новых продуктов (к примеру, приложений для смартфонов). Пользователи данных продуктов прямо или косвенно передают часть данных о себе — пользовательские данные, которые затем обрабатываются, и получаются новые данные. И так — до бесконечности. К тому же граждане зачастую вовлекаются в процесс создания или сбора данных, а также предоставления их государству для производства новой информации (что будет далее показано на примере платформы открытых данных Уругвая). В-третьих, интероперабельность, с одной стороны, носит детерминированный характер (базируется на основе стандартов, правил, норм и алгоритмов), но в то же время — и неупорядоченный характер (имеет дело с социальной средой, которая стохастична, информация в ней перманентно и неуправляемо появляется и циркулирует). В-четвертых, простая информация по мере движения между агентствами усложняется как с точки зрения объема, так и качества. Наконец, при предоставлении услуги государством основная проблема (собственно, полученная заявителем услуга) разбивается на ряд подзадач (элементов алгоритма формирования услуги), которые решаются на уровне отдельных правительственных агентств и организацией (обнаружение или формирование данных, содержащихся у каждого из элементов алгоритма), а затем «собираются», формируя результат — качественную услугу, полученную заявителем.

Эмпирическую проверку данной гипотезы проведем на примере платформы интероперабельности Уругвая.

ПЛАТФОРМА ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УРУГВАЯ

Под интероперабельностью уругвайское правительство понимает механизмы взаимодействия, позволяющие ИТ-системам учреждений общаться

друг с другом для обмена данными и предоставлять услуги с целью обеспечения надежного и эффективного взаимодействия государственных органов в целях удовлетворения потребности этих органов в информационном обмене, а также удовлетворения требований граждан в тех случаях, когда гражданам необходимо выполнять операции, подразумевающие участие нескольких правительственных агентств [31].

Интероперабельность как одна из целей цифровой политики государства фигурирует во всех изданиях *Agenda Digital Uruguay*. В повестке 2008—2010 гг. внедрение платформы электронного правительства страны должно было содействовать интероперабельности процессов и предоставления услуг между подразделениями системы госуправления [32, р. 5]. Так как это были первые шаги цифровой трансформации государственного управления в стране, декларировалась также цель обеспечения нормативных, институциональных и технических элементов, которые должны были стать основой для интероперабельности госуправления [32, р. 6]. В повестке на 2011—2015 гг. появляется упоминание о платформе интероперабельности как мере, направленной на повышение качества предоставляемых гражданам услуг, основе современного сервис-ориентированного государственного управления [22]. В повестке 2020 г. об интероперабельности говорится как об основе, на которой планируется построить архитектуру данных и информационных систем [18].

В Уругвае интероперабельность обеспечивается Платформой интеграции (*Plataforma de Integración, PDI*), которая является частью платформы цифрового правительства [33]. Она обеспечивает продвижение и внедрение услуг цифрового правительства в стране. *PDI* предоставляет механизмы, направленные на упрощение взаимодействия между госучреждениями и позволяющие лучше использовать их ресурсы. Платформа основана на сервис-ориентированной архитектуре (*Service Oriented Architecture*) и интегрирована с помощью системы контроля доступа, системы управления метаданными (что обеспечивает семантическую интероперабельность) и платформы промежуточного (*middleware*) программного обеспечения. Эти компоненты облегчают доступ, поиск и обращение к веб-услугам, предоставляемым государством, а также интеграцию и безопасное взаимодействие между веб-сервисами госуслуг, так как сервис-ориентированная архитектура концептуально основана на коммуникации между гетерогенными платформами приложений услуг электронного правительства [34]. Базовое подключение, позволяющее организациям связываться друг с другом и с Платформой электронного правительства, обеспечивается через *REDuy* — высокоскоростную волоконно-оптическую сеть, разработанную и развернутую как интранет, в который все пользователи связаны друг с другом без необходимости в двухточечном соединении [35].

Архитектура цифрового правительства в Уругвае построена на *The Open Group Architecture Framework, TOGAF*) [36], которая является основой для существующих электронных структур и систем. Кроме того, *TOGAF* очерчивает рамки, выраженные в моделях и стандартах, позволяя создавать технические решения, обеспечивающие интероперабельность [15, р. 2].

Платформа интероперабельности расположена на логическом уровне цифровой платформы Уругвая, связывая сервисные системы (*backend sys-*

tems). Именно платформа интероперабельности является стандартом обмена данными между правительственными и публичными агентствами, что говорит о децентрализованном характере модели. Государственные органы и публичные организации получают необходимые им информационные услуги через платформу. Платформа действует как прокси-сервер веб-службы, обеспечивая прозрачность расположения служб, к которым осуществляется доступ через нее, так, что клиентские приложения не знают реального (физического) адреса служб, которые они вызывают.

С правовой точки зрения легальной основой для существования платформы являются закон N 18.331 о персональных данных [37] и указ об интероперабельности [38]. Этот указ возлагает ответственность за разработку политики и реализацию интероперабельности на *AGESIC*. Персональными данными, для использования которых не требуется разрешение владельца, согласно закону N 18.331, являются следующие: данные, которые поступают из общедоступных источников информации, таких как записи или публикации в средствах массовой информации; данные, которые собираются для выполнения функций государственной власти или в силу юридических обязательств; списки, данные в которых в случае физических лиц ограничиваются именами и фамилиями, документом, удостоверяющим личность, гражданством, адресом и датой рождения. В случае юридических лиц: название компании, реестр единого налогоплательщика, адрес, номер телефона и ответственные лица.

Согласно закону, разрешение не требуется, если данные вытекают из договорных, научных или профессиональных отношений их владельца, а также в тех случаях, когда обмен данными осуществляется физическими лицами исключительно для личного, индивидуального или домашнего использования.

Для того, чтобы платформа интероперабельности, запущенная в 2008 г., заработала в полную силу, Уругваю понадобилось девять лет. Вплоть до 2016 г. инфраструктура интероперабельности сталкивалась с такими проблемами, как неравномерная технологическая зрелость правительственных и публичных агентств, бюрократические барьеры, отсутствие доверия к технологиям при обмене информацией и прочие. На сегодняшний день ежемесячно совершается 10 млн транзакций между платформой и более чем 100 подключенными организациями [15, р. 2]. Платформа полноценно функционирует, приводя к рекурсивному приросту данных.

В качестве примера можно привести свидетельство о рождении. При появлении новорожденного медик, принимавший роды, подписывает электронную форму свидетельства о рождении. Незамедлительно посредством обмена данными между министерством общественного здоровья и Национальной директорией гражданской идентификации создается уникальный идентификационный номер новорожденного. Данные матери, данные о рождении, данные ребенка и медика поступают также в Генеральную дирекцию регистрации гражданского состояния и министерство образования и культуры для составления свидетельства о рождении. Медицинские данные сохраняются и связываются с идентификационным номером гражданина [39]. Система регистрации свидетельств о рождении [40] является составной частью платформы интероперабельности министерства общественного здоровья. Платформой система свидетельств о рож-

дении связана с информационной системой Латиноамериканского центра перинатологии, женского здоровья и репродукции, который использует получаемые данные для научных исследований, аудита, обучения персонала, соблюдения стандартов [41]. Таким образом, с одной стороны, появляется новая информация (о новорожденном), она усложняется (присвоение идентификационного номера новорожденному) и распределяется между разными центрами для последующего использования (в научных, образовательных и прочих целях), что, в свою очередь, приводит к созданию новой информации и данных (результаты научных исследований, отчеты о соблюдении стандартов). С другой стороны, проблема идентификации новорожденного гражданина разбивается на несколько подзадач: сбор данных о матери, о самом новорожденном, о медике, принимавшем роды. Затем полученные данные собираются, и появляются новые данные, служащие решением проблемы, — идентификационный номер гражданина, медицинская карточка, запись о гражданском состоянии. Следовательно, мы можем говорить здесь о двух формах рекурсивности интероперабельности: первая воспроизводит информацию, вторая включает первую и может быть представлена как ряд простейших подзадач.

Исследователи отмечают особую важность организационной интероперабельности для государственного управления, основанного на открытых данных и предоставляющего услуги, базирующиеся на их использовании, как ключевого условия при проведении политики «открытых данных» [42, р. 307].

«Открытое правительство» как инициатива нацелена на участие граждан в процессе информирования через предоставление в открытом доступе статистических данных (например, о развитии случаев заболевания COVID-19 в стране). Данные предоставляются в машиночитаемом формате (*.json*, *.csv*, *.xls*, *.xml*, *.xlsx*), также, где это возможно, данные визуализированы. Правительство активно привлекает граждан к сбору и предоставлению данных и информации. Так, под контролем Национальной экологической обсерватории, созданной при министерстве окружающей среды, была разработана серия приложений, позволяющих гражданам участвовать в работе министерства. Например, редактируемый Справочник организаций, связанных с окружающей средой, — справочное пространство для официальных и неформальных организаций, связанных с окружающей средой в Уругвае, с обновленной и новаторской информацией о разрабатываемых ими инициативах с целью сделать работу этих организаций более заметной. С помощью приложения «Мониторинг жителей побережья» люди смогут отправлять информацию с географической привязкой о ситуациях, влияющих на развитие и проблемы побережья: идентификация цветения водорослей; красный прилив; обратное течение у берега; мертвые киты на берегу; скопление медуз, гибель рыб и прочее. Приложение «Наблюдатели флоры и фауны» дает возможность легко обмениваться данными о биоразнообразии, которые после технической проверки отображаются на карте, что позволяет получать доступ ко всей общей информации.

Правительство активно занимается сбором данных в ведомствах и затем публикует их, а также вовлекает граждан в процесс сбора информации посредством различных приложений (к примеру, экологических). Сообщения

о правонарушениях также формируют базу данных, затем публикуемую в открытом доступе на портале. В техническом плане правительство страны использует наиболее распространенные форматы данных, что позволяет снизить временные, материальные, финансовые издержки, а также сделать те или иные сведения доступными для рядового пользователя со средним уровнем владения цифровыми технологиями и базовым оборудованием. Открытая информация также попадает в круговорот рекурсии, так как служат основой для производства новых, более сложных данных, при этом последние (к примеру, сведения о числе новорожденных), также со временем попадают в категорию открытых.

Таким образом, в платформе интероперабельности Уругвая заложены алгоритмы, обеспечивающие сквозное прохождение информации от одного государственного органа к другому, при этом взаимодействие происходит в реальном времени. Алгоритмы построены на принципах безопасности, постоянной доступности информации, открытости, ориентации на потребностях как государственных органов, так и граждан как конечных пользователей, что отражается в сервис-ориентированной архитектуре данных платформ. Благодаря этой платформе граждане Уругвая могут получать государственные услуги быстрее и эффективнее, так как минимизируются временные издержки, прохождение информации занимает считанные секунды. Один из примеров — регистрации новорожденных, когда практически сразу же после рождения государство создает запись о новом гражданине, что влечет за собой признание и защиту государством его прав. Сама система госуправления также выигрывает за счет снижения временных издержек и расходов на бумажный документооборот, повышается уровень удовлетворенности граждан качеством получаемых услуг (в том числе благодаря возможности получать онлайн-услуги круглосуточно). На региональном и мировом уровне растет престиж государства, что подтверждает рейтинг развития электронного правительства ООН.

Платформа цифрового правительства Уругвая является показательным примером открытой платформы, где данные и информация ставятся во главу стратегии цифровизации. Система цифрового правительства носит открытый характер, информация постоянно появляется, изменяется и усложняется (что показано на примерах участия граждан через предоставление информации о состоянии береговой линии и получении новорожденным идентификационного номера гражданина), при этом существуют четкие стандарты взаимодействия. При сохранении курса на цифровизацию государственного управления Уругвай может претендовать на лидерство в этой сфере в западном полушарии, где единственным конкурентом на данный момент являются США. Сохранение Уругваем этой позиции во многом будет зависеть от курса нового президента страны, правоцентриста Л.Лакалье Поу, избрание которого завершило 15-летнее доминирование левых в руководстве Уругвая.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Роудс Р. Новый метод управления: управление без правительства. *Публичная политика: от теории к практике. Коллективная монография*. Сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. Санкт-Петербург, Алетейя, 2008, сс. 51–74. [Rouds R. Novyj metod upravleniya: upravlenie bez pravitel'stva [The New Governance: Governing without

Government]. *Publichnaya politika: ot teorii k praktike. Kollektivnaya monografiya* [Public policy: from theory to practice]. St. Petersburg, Aletheia, 2008, pp. 51-74 (In Russ.).

2. Сморгун Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций. *Южно-российский журнал социальных наук*. Краснодар, 2019, № 3, сс. 62-75. [Smorgunov L.V. Institucionalizaciya upravlyaemosti i problema kontrolya v prostranstve cifrovyyh kommunikacij [Institutionalization of governability and the problem of veillance in the space of digital communications]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. Krasnodar, 2019, N 3, pp. 62-75 (In Russ.).

3. The Economist Intelligence Unit Democracy Index 2019. Available at: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (accessed 16.01.2021).

4. Democracy Index 2019. A year of democratic setbacks and popular protest. Available at: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2019.pdf&mode=wp&campaignid=democracyindex2019> (accessed 16.01.2021).

5. E-Government Survey 2020. Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. With addendum on COVID-19 Response. Available at: [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf) (accessed 16.01.2021).

6. Lanzaro J., Larraburu C.R., Decentralization and Co-participation in the Public Sector: A Historical Feature of Uruguayan Pluralist Democracy. *International Journal of Public Administration*, 2021, vol. 44, № 1, pp. 14-29, DOI: 10.1080/01900692.2020.1750029.

7. Parlamento del Uruguay. Constitución de la República. Available at <https://parlamento.gub.uy/documentosyleyes/constitucion> (accessed 31.01.2021).

8. Ramos C., Milanesi A., The neo-Weberian state and the neodevelopmentalist strategies in Latin America: the case of Uruguay. *International Review of Administrative Sciences*, 2020, vol. 86, N 2, pp. 261–277, DOI: 10.1177/0020852318763525.

9. Ивановский З.В. Судьба "левого дрейфа" в Латинской Америке (обзор выступлений на "круглом столе"). *Латинская Америка*. М., 2016, № 8, сс. 74 – 86. [Ivanovskij Z.V. Sud'ba "levogo drejfa" v Latinskoj Amerike (obzor vystuplenij na "kruglom stole") [The Fate and Fortunes of the "Left Shift" in Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2016, N 8, pp. 74-86 (In Russ.).

10. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота». *Вестник РУДН, серия Международные отношения*. М., 2015, том 15, № 4, сс. 45-55. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika: pravyy shtorm dlya «levogo povorota» [Latin America: The Right Storm For The Left Turn]. *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2015, vol. 15, N 4, pp. 45-55 (In Russ.).

11. Fischer, Hana. Luis Lacalle Pou decepciona en el área digital. Available at: <https://panampost.com/hana-fischer/2021/01/10/luis-lacalle-pou-area-digital/> (accessed 02.02.2021).

12. Programa de Gobierno de Lacalle Pou. Available at: <https://lacallepou.uy/descargas/programa-de-gobierno.pdf> (accessed 02.02.2021).

13. Bentancur N., Busquets J.M., The Governing Left in Uruguay (2005–2015): A Participatory Democratic Experiment. *Latin American Perspectives*, 2019, issue 224, vol. 46, № 1, pp. 137–151, DOI: 10.1177/0094582X18807488.

14. Кудеярова Н.Ю. Преемственность уругвайского левоцентризма: возвращение Табаре Васкеса. *Латинская Америка*. М., 2015, № 3, сс. 25-42. [Kudeyarova N.Yu. Preemstvennost' urugvajskogo levocentrizma: vozvrashchenie Tabare Vaskesa [The Uruguayan Central-Left Continuity: The Return of Tabare Vazquez]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 3, pp. 25-42 (In Russ.).

15. Mendaro M.L.R. The Uruguayan Digital Data Journey. *Patterns*, 2020, Vol. 1, № 3, pp.1-4. DOI:10.1016/j.patter.2020.100047.

16. Ley N° 17.930 de diciembre de 2005. Available at <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/17930-2005> (accessed 31.01.2021).

17. Decreto N° 184/015. Fijacion de la mision, objetivos y cometidos atribuidos legalmente a la Agesic. Available at: <https://www.impo.com.uy/bases/decretos/184-2015> (accessed 31.01.2021).

18. Agenda Uruguay Digital 2020. Available at: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/sites/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/files/2019-01/Agenda%20Digital%202020.pdf> (accessed 31.01.2021).

19. Mirador Seguimiento del avance de las metas AUD 2020. 33. Desarrollar arquitectura de datos. Available at: <https://miradordegobiernoabierto.agesic.gub.uy/SigesVisualizador/ga/o/UD/p/1075.jsessionid=ZuOyz0mVbLfVKYIV4rKf5G1R.node1> (accessed 02.02.2021).

20. Юдина М.А. Индустрия 4.0: перспективы и вызовы для общества. *Государственное управление. Электронный вестник*. М., 2017, № 60, сс. 197-215 [Yudina M.A. Industriya 4.0: perspektivy i vyzovy dlya obshchestva [Industry 4.0: Prospects and Challenges for Society]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. Moscow, 2017, N 60, pp. 197-215 (In Russ.)].
21. ISO/IEC 2382:2015 (en). Information technology — Vocabulary. Interoperability. Available at: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v1:en> (accessed 16.01.2021).
22. Agenda Digital Uruguay 2011 — 2015 (ADU11-15). Available at: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/sites/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/files/2019-01/Agenda%20Digital%202011-2015.pdf> (accessed 31.01.2021).
23. Estevez, E., Fillottrani, P., Janowski, T. From E-Government to Seamless Government. Available at: https://www.researchgate.net/publication/242584754_From_E-Government_to_Seamless_Government (accessed 16.01.2021).
24. Akatkin Yu., Yasinovskaya E., Drozhzhinov V., Konyavskiy V. Towards the digital government in Russia: Integrative approach. Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. Conference proceedings EGOSE '16, November 22–23, 2016, St. Petersburg, Russian Federation. Available at: https://www.researchgate.net/publication/311622105_Towards_the_digital_government_in_Russia_integrative_approach (accessed 16.01.2021).
25. Guijarro L. Interoperability frameworks and enterprise architectures in e-government initiatives in Europe and the United States. *Government Information Quarterly*, 2007, vol. 24, N 1, pp. 89-101, DOI:10.1016/j.giq.2006.05.003.
26. Guijarro L. Semantic interoperability in eGovernment initiatives. *Computer Standards and Interfaces*, 2009, Vol. 31, N 1, pp. 174-180, DOI: 10.1016/j.csi.2007.11.011.
27. Scholl H. J., Klischewski R. E-government integration and interoperability: Framing the research agenda. *International Journal of Public Administration*, 2007, Vol.30, N 8-9, pp. 889-920, DOI: 10.1080/01900690701402668.
28. Зайченко М.А. Специфика рекурсивного принципа в языке и в музыке. *Балтийский гуманитарный журнал*. Калининград, 2014, № 2, сс. 10-12 [Zajchenko M.A. Specifika rekursivnogo principa v yazyke i v muzyke [Specificity of the recursive principle in language and music]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Kaliningrad, 2014, № 2, pp. 10-12 (In Russ.)].
29. Елхова О.И. Фрактальность виртуальной реальности. *Философия, социология, культурология и политология. Вестник Башкирского университета*. Уфа, 2014, т. 19, № 1, сс. 210-214 [Elhova O. I. Fraktal'nost' virtual'noj real'nosti [Fractality of virtual reality]. *Filosofiya, sociologiya, kul'turologiya i politologiya. Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Ufa, 2014, vol. 19, N 1, pp. 210-214 (In Russ.)].
30. Eric S. Roberts. Thinking Recursively. New York, John Wiley & Sons Inc., 1986, 179 p.
31. Descripción y Guías de Uso de la Plataforma de Gobierno Electrónico del Estado Uruguayo. Guía Gerencial de la Plataforma de Gobierno Electrónico. Sitio oficial de la República Oriental del Uruguay. Available at: https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/sites/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/files/documentos/publicaciones/capitulo_2.pdf (accessed 16.01.2021).
32. Agenda Digital Uruguay 2008 — 2010 (ADU 08-10). Available at: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/sites/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/files/2019-01/Agenda%20Digital%202008-2010.pdf> (accessed 31.01.2021).
33. Qué es la Plataforma de Interoperabilidad. Sitio oficial de la República Oriental del Uruguay. Available at: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/que-es-la-plataforma-de-interoperabilidad> (accessed 16.01.2021).
34. Barakat O., Elbeqqali O., Business Intelligence and SOA Based Architecture for E-government System Interoperability. *Proceedings of the 13th International Conference on Intelligent Systems: Theories and Applications Proceedings (SITA'20)*, September 23–24, 2020, Rabat, Morocco. Available at: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3419604.3419790> (accessed 16.01.2021).
35. Qué es REDuy. Sitio oficial de la República Oriental del Uruguay. Available at: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/que-es-reduy> (accessed 16.01.2021).
36. The Open Group. The TOGAF Standard. Available at: <https://www.opengroup.org/togaf> (accessed 16.01.2021).

Кирилл Неверов

37. Ley N° 18.331 — Protección de Datos Personales. Available at: <http://www.parlamento.gub.uy/leyes/ AccesoTextoLey.asp?Ley=18331> (accessed 31.01.2021).

38. Decreto N° 178/013. Available at: <https://www.impo.com.uy/bases/decretos/178-2013/13> (accessed 31.01.2021).

39. Certificado de Nacido Vivo Electrónico con Asignación de Número Único de Identidad. Available at: <https://www.oas.org/es/sap/dgpe/innovacion/banco/CERTIFICADO%20DE%20NACIDO%20VIVO%20ELECTRONICO%20CON%20ASIGNACION%20DE%20NUMERO%20UNICO%20DE%20IDENTIDAD.pdf> (accessed 31.01.2021).

40. Sistema de Registro de Certificados de Nacimiento. Available at: <https://www.gub.uy/ministerio-salud-publica/tramites-y-servicios/servicios/certificado-nacido-vivo-electronico> (accessed 31.01.2021).

41. Sistema Información Perinatal. Available at: <http://www.clap.ops-oms.org/#about> (accessed 31.01.2021).

42. Margariti V., Anagnostopoulos D., Papastilianou A., Stamati T., Angeli S., Assessment of organizational interoperability in e-Government: a new model and tool for assessing organizational interoperability maturity of a public service in practice. *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2020)*, 23-25 September 2020, Athens, Greece, pp. 298-308. Available at: <https://doi.org/10.1145/3428502.3428544> (accessed 31.01.2021).

Kirill A. Neverov (kir.neverov@gmail.com)

Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Political Governance, Saint Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

Interoperability as a recursive process: Uruguay's digital platform

Abstract. The article analyzes the institution of interoperability as an element of the electronic platform of public administration in Uruguay. The interoperability platform is considered as an integral part of the country's digital government platform. Various interpretations of interoperability are given, currently existing both in technical sciences and in public policy. A distinctive feature of the study is the interpretation of interoperability as a recursive process, which is empirically supported by the example of the digital government of Uruguay.

Key words: interoperability, recursiveness, Uruguay, interoperability platform.

DOI: 10.31857/S0044748X0013483-0

Received 16.01.2021.

И.Т.Стадник, Н.А.Цветкова

Место и роль стран Латинской Америки в системе международной и региональной кибербезопасности

В статье раскрываются особенности политики латиноамериканских государств в области кибербезопасности. Авторы оценивают влияние стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в особенности Аргентины, Мексики и Колумбии, в двух важнейших органах ООН — Группе правительственных экспертов и Рабочей группе открытого состава. Раскрывается роль Организации американских государств в процессе создания единой региональной системы кибербезопасности. Авторы приходят к выводу, что подходы стран ЛАКБ в разной степени созвучны весьма разнообразным подходам ведущих государств мира. Таким образом, нельзя говорить о единой позиции государств региона относительно международной кибербезопасности. В заключительном разделе статьи представлены соображения о том, как политика латиноамериканских государств может способствовать продвижению международной стратегии России в области киберпространства и информационной безопасности.

Ключевые слова: кибербезопасность, Латинская Америка, ООН, Организация американских государств, ГПЭ, РГОС.

DOI: 10.31857/S0044748X0014088-5

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

Составными элементами процесса цифровизации сегодня являются такие аспекты, как кибербезопасность, цифровая дипломатия и дипломатия данных, глобальное управление Интернетом и цифровые избирательные технологии. Они определяют повестку дня на различных переговорах, порой осложняют взаимодействие между участниками и обуславливают повышение или понижение роли того или иного государства в системе мировой политики. В последние несколько лет развернулась широкая междуна-

Илона Тарасовна Стадник — ассистент кафедры американских исследований СПбГУ (РФ, 191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, i.stadnik@spbu.ru); **Наталья Александровна Цветкова** — доктор исторических наук, доктор философии в социальных науках, профессор, заведующий кафедрой американских исследований СПбГУ (РФ, 191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, n.tsvetkova@spbu.ru).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-014-00042.

родная дискуссия о кибербезопасности, которая отражает стремление ведущих стран мира реагировать на тревожные тенденции, связанные с различными угрозами использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая Интернет. Все чаще мы слышим призывы укреплять стабильность и безопасность киберпространства, выработать соглашения по использованию компьютерных технологий, способных подорвать информационную систему любой страны [1]. Международное сообщество сосредоточило свое внимание на таких темах, как нормы ответственного поведения государств в киберпространстве, меры укрепления доверия и наращивание потенциала.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) стали заметной частью вышеупомянутой дискуссии, лидерами которой являются США, Россия, Китай, Франция, Нидерланды и Эстония. В ЛАКБ работы по обеспечению стабильности и безопасности в киберпространстве находятся, преимущественно, на ранней стадии. Основными задачами, стоящими перед регионом в области информационной безопасности, являются наращивание киберпотенциала во всех странах, оптимизация сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и обмен информацией о передовых практиках, угрозах и уязвимости цифровых продуктов и оборудования.

Обеспечение информационной безопасности признается в регионе крайне важной задачей, поскольку посягательства на нее способны затормозить инновации и развитие интернет-экономики, подвергая риску стабильное экономическое и общественное развитие. В то время как власти почти всех стран региона понимают необходимость наличия всеобъемлющей стратегии по кибербезопасности, многие, за несколькими исключениями (например, Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, Коста-Рика), не продвинулись дальше стадии обсуждений и проектов [2; 3; 4; 5; 6]. Только в самых крупных и богатых государствах региона существуют специализированные организации, занимающиеся вопросами кибербезопасности, но даже там, где такие структуры есть, общая готовность к действию ограничена известным и сложно преодолимым фактором отсутствия координации между флагманами экономики и государственными ведомствами. Кроме того, в отличие от многих других мировых игроков в сфере информационной безопасности, частный сектор здесь, как правило, опережает правительство в понимании значимости вопросов ее обеспечения, в то время как осведомленность широкой общественности варьируется в зависимости от страны региона.

Согласно последнему глобальному индексу кибербезопасности (*Global Cybersecurity Index*), только Уругвай значится в списке стран, демонстрирующих высокий уровень по всем пяти его составляющим [7]. Индекс включает в себя совокупность правовых, технических и организационных мер для защиты киберпространства страны, а также меры по наращиванию потенциала и построению сотрудничества для реализации партнерства и обмена информацией. Большая часть государств ЛАКБ (к примеру, Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, Венесуэла, Перу и Колумбия) добились успехов только на некоторых направлениях деятельности, необходимых для обеспечения информационной безопасности. ЛАКБ пока только начи-

нает разрабатывать собственные программы и участвовать в региональных и международных инициативах. Регион имеет огромный потенциал на международной арене, а также может выступить самостоятельной силой на площадках ООН, где обсуждаются вопросы кибербезопасности, и упомянутые ведущие игроки — США, Китай или Россия — могут использовать страны ЛАКБ в качестве союзников для продвижения своей повестки и формирования новых договоренностей по вопросам обеспечения защиты информационных сетей.

С этой точки зрения тема цифровизации и кибербезопасности региона представляется крайне актуальной и значимой для осуществления практических шагов во внешней политике России в краткосрочной перспективе. Несмотря на важность указанных вопросов, научных работ, авторы которых изучают проблемы информационной безопасности ЛАКБ, крайне мало. В некоторых из них страны региона рассмотрены лишь в качестве объекта цифровой политики США или Китая, при этом регион не представлен в качестве субъекта международной политики [8; 9]. Вопросы политики государств в области кибербезопасности чаще изучаются с точки зрения локальной защиты информации или компьютерных сетей, но не с точки зрения роли ведущих стран региона в принятии важнейших соглашений на уровне ООН или ОАГ [10]. Современная научная литература упускает из виду данное направление международной и региональной деятельности латиноамериканских государств. Однако в историографии есть сильные работы, помогающие понять политическое и дипломатическое поведение, например, Бразилии, Колумбии или Кубы по вопросам кибербезопасности на международном уровне. Отношения между странами Латинской Америки и Россией, вопросы региональной политики, а также проблемы внутри ОАГ подробно проанализированы в ряде исследований [11; 12; 13], хотя поведение изучаемых государств в сфере информационной безопасности зачастую остается за скобками. Отметим, что данная статья, продолжая в целом сложившуюся традицию, дополняет изучение внешней политики и дипломатии стран ЛАКБ на международном и региональном уровнях. Имеющиеся документы позволяют классифицировать государства ЛАКБ по их интересам, политике, конкретным дипломатическим усилиям и позиции в международной повестке по кибербезопасности. В этом заключается новизна предлагаемого исследования.

Цель данной работы — выявить место и роль ЛАКБ в сфере международной и региональной информационной безопасности. Для решения этой задачи использованы официальные правительственные и международные статистические документы и традиционные методы анализа — системный, документальный и сравнительный. Системный анализ позволяет рассмотреть исследуемый вопрос в рамках международного контекста с учетом влияния расстановки политических сил в мире, а также переговорного процесса и дипломатии. Документальный анализ дает возможность выявить официальные позиции, включить в научный оборот заявления представителей стран ЛАКБ и результаты их голосования по вопросам кибербезопасности в международных и региональных структурах. Сравнительный анализ используется при реконструкции конкретных подходов к проблеме.

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ООН

Поскольку вопрос обеспечения кибербезопасности даже на национальном уровне во многом зависит от взаимоотношений глобального порядка, странам ЛАКБ, чтобы оставаться в курсе текущей повестки, приходится наращивать механизмы сотрудничества не только в рамках региона, но и выходить на международный уровень. Самые известные процессы на уровне ООН, охватывающие заявленную повестку, проходят в Первом комитете Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН, а также в рамках Группы правительственных экспертов (ГПЭ) по вопросам использования информационных технологий в контексте международной безопасности и недавно появившейся Рабочей группы открытого состава (РГОС), ставшей катализатором вовлечения большего количества стран, в том числе и из ЛАКБ.

Как известно, в 1998 г. Россия впервые обратила внимание мирового сообщества на проблему использования информационно-коммуникационных технологий и сохранения международной безопасности. После принятия первой резолюции и включения в повестку ООН пункта о достижениях в сфере телекоммуникаций и информатизации, ГА ежегодно принимала резолюции, призывающие государства информировать генерального секретаря о своих взглядах на проблемы обеспечения международной информационной безопасности. Некоторые страны ЛАКБ, в частности, Куба, регулярно реагировали на эти призывы.

Несколько лет спустя было решено создать специальные группы правительственных экспертов, поскольку их «встречи... способствовали лучшему пониманию существа проблем международной информационной безопасности и связанных с ними понятий» [14]. Именно так были заложены основы для развития современных норм и принципов международной кибербезопасности. Этот механизм можно критиковать или защищать, однако необходимо учитывать, что группы ООН работали и работают в условиях постоянно меняющихся технологий, что создает сложности в достижении консенсуса.

В 2004 г. первая группа ГПЭ собрала представителей 15 государств, включая Россию, США, Китай, Германию, Великобританию, Францию, Бразилию, Мексику и др. В течение года она должна была рассмотреть влияние достижений в области ИКТ на национальную безопасность и военную сферу, а также представить согласованный доклад Генеральному секретарю ООН. Однако консенсуса достичь тогда не удалось, поскольку среди участников не было единого мнения о том, какие проблемы следует обсуждать: вопросы безопасности информационного контента или только информационной инфраструктуры. Группа закончила работу, так и не подготовив итоговый доклад [15].

Несмотря на неудачный опыт работы первой ГПЭ, генеральный секретарь продолжал информировать ГА об оценках состояния международной информационной безопасности на основе докладов, представляемых государствами — членами ООН [16]. В 2008 г. было решено продолжить работу в формате ГПЭ [17]. За последующие два года группа в составе представителей 15 стран, включая Бразилию, смогла представить первый доклад, в

котором были отражены договоренности, достигнутые в отношении дилеммы контент/инфраструктура [18]. В тексте документа дана нейтральная формулировка — «использование ИКТ», что позволяет трактовать ее значение в широком и узком смыслах. Помимо списка угроз и рисков, сопряженных с использованием информационных технологий государствами и негосударственными акторами, в докладе содержался ряд рекомендаций. Основным вывод состоял в том, что необходимо выработать нормы государственного использования ИКТ для сокращения рисков на международной арене, которые сегодня проявляются в виде хакерских атак. Было также предложено заняться разработкой мер по углублению доверия, включая обмен мнениями по вопросу использования ИКТ в военных конфликтах; обмениваться информацией о национальных стратегиях и законах по обеспечению информационной безопасности; содействовать укреплению потенциала развивающихся стран. Таким образом, в 2010 г. в ООН был принят первый прорывной документ в отношении международной информационной безопасности. Несмотря на то, что он носил рекомендательный характер и не являлся обязательным к исполнению, это был значительный шаг вперед в деле налаживания международного диалога по разработке норм для киберпространства. Чтобы не утратить позитивный заряд, в резолюции, где отмечались успехи работы второй ГПЭ, содержалось требование созыва следующей группы в 2012 г. [19].

Только в 2013 г. третья ГПЭ (при участии Аргентины) представила содержательный доклад, в котором были прописаны меры по укреплению доверия и обмена информацией [20]. Но главным в документе был раздел, где содержался перечень принципов ответственного поведения государств, при полной реализации которых число нынешних угроз было бы значительно сокращено. Участники группы договорились также о том, что международное право и устав ООН должны быть применимы к киберпространству; государственный суверенитет и международные нормы, вытекающие из принципа суверенитета, должны распространяться на поведение государств в рамках использования информационных технологий; усилия по обеспечению безопасности ИКТ не должны нарушать основные права и свободы человека; государства не должны использовать посредников для совершения международных противоправных действий с использованием ИКТ и не допускать того, чтобы негосударственные субъекты использовали их территорию для применения ИКТ в незаконных целях; частный сектор и гражданское общество должны играть надлежащую роль в укреплении безопасности при создании и использовании ИКТ.

В 2015 г. был опубликован новый доклад четвертой группы ГПЭ под председательством Бразилии (при участии Мексики и Колумбии), который считают ключевым документом для разработки всеобщих кибернорм [21; 22]. Эксперты из 20 стран предложили идеи по выработке стандартов, укрепления доверия, наращивания потенциала и применения норм международного права. В список были добавлены правила по предотвращению кибератак на объекты критической инфраструктуры и помощи в устранении последствий в случае, если такая атака все же произошла. Члены группы предложили не использовать практику так называемых вредоносных

«закладок» или «бэкдоров» в производстве ИТ-оборудования и программного обеспечения. Напротив, было предписано способствовать обнародованию проблем, связанных с уязвимостью в информационных технологиях, и обмениваться информацией о методах их устранения. Наконец, появилась значимая норма о ненападении на группы экстренного реагирования на компьютерные инциденты (или в англоязычной версии названия — *CERT/CSIRT*), а также о запрете использования этих групп в осуществлении кибератак.

В отношении применимости норм международного права к использованию информационных технологий была подтверждена юрисдикция государств над ИКТ-инфраструктурой, расположенной на их территориях, что сегодня способствует развитию дискуссий в отношении цифрового суверенитета. Наконец, в процессе использования ИКТ международным акторам было предписано соблюдать принципы государственного суверенитета, суверенного равенства, разрешения споров мирными средствами и невмешательства во внутренние дела других государств. Важным дополнением являлось уточнение, что «указание на то, что та или иная деятельность в сфере ИКТ была начата или иным образом происходит с территории или объектов ИКТ-инфраструктуры государства, может быть недостаточным для присвоения этой деятельности указанному государству» [21]. Требуется обоснование обвинений в организации и совершении противоправных действий против государств. Тем не менее широкий круг вопросов, касающихся применения международного права, остался незатронутым.

Несмотря на достигнутый успех, ГПЭ пятого созыва при участии Мексики, Кубы и Бразилии завершила работу летом 2017 г., не обнародовав согласованного итогового доклада [23]. Мандат группы предусматривал подготовку документа, который должен был конкретизировать вопрос о том, как именно международное право применимо к сфере ИКТ, но участники не смогли договориться о возможности применения права государства на самооборону в ответ на вредоносное использование ИКТ, а также применения международного гуманитарного права к киберпространству, что сегодня является самым чувствительным вопросом. Согласно итоговому заявлению представителей Кубы, согласование данного вопроса узаконило бы ведение военных действий в контексте ИКТ, что противоречит заявленной ранее цели предотвращения конфликтов в киберпространстве [24]. Свою роль сыграли и напряженные отношения между Российской Федерацией и США, являющихся постоянными участниками ГПЭ. Как известно, американская сторона обвинила Россию во вмешательстве в президентские выборы 2016 г., а также в совершении кибератак и проведении информационных кампаний в социальных сетях [25]. Более того, высказывались мнения, что формат работы таких групп себя изжил, и необходимо искать новые площадки для обсуждения правил ответственного поведения государств в киберпространстве [26].

Тем не менее страны ЛАКБ и РФ продолжили диалог по кибернормам [27]. В 2018 г. Россия вместе с Боливией, Венесуэлой и Кубой, а также еще 12 странами представила проект резолюции по созданию новой рабочей группы открытого состава (РГОС) при ООН для широкого обсуждения

вопросов международной информационной безопасности. Страны предлагали расширить состав участников, приглашая все государства — члены ООН присоединиться к диалогу. США вместе с союзниками вынесли на рассмотрение свой проект резолюции, в котором предлагалось продолжить заседания ГПЭ в старом формате с ограниченным количеством экспертов, выбранных по принципу географического представительства.

В конце декабря 2018 г. прошли голосования по обоим документам. Резолюцию о создании РГОС под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» поддержали практически все страны ЛАКБ. Лишь Чили и Бразилия воздержались от голосования [28]. Американская резолюция под названием «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» также получила одобрение с большим перевесом голосов, но Куба, Боливия, Никарагуа и Венесуэла проголосовали против. Здесь, конечно, свою роль сыграли факторы не только непривлекательности закрытого формата ГПЭ, но и усилия российской дипломатии по созданию коалиции из стран-единомышленников для голосования в ГА ООН [29]. Как правило, надежные партнеры России в ЛАКБ всегда голосовали за резолюции по кибербезопасности, предлагаемые Москвой. А та группа стран, которая выступала против, как, например, Бразилия, руководствовалась тезисом о том, что нет необходимости дублировать работу ГПЭ, в которой она занимала прочные позиции.

Новая структура действительно оказалась более открытой, что привлекало страны региона с точки зрения возможности четко заявить о своей позиции. Примечательно, что многие из них — Аргентина, Мексика, Барбадос, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, Гватемала, Гондурас, Ямайка, Парагвай, Перу и Уругвай — голосовали за оба формата. Это свидетельствует о возросшем интересе региона к проблемам международной кибербезопасности и готовности Латинской Америки участвовать в дискуссии.

В итоге для обсуждения и выработки решений по международной повестке, касающейся вопросов информационной безопасности, при ООН были созданы два значимых института — Группа правительственных экспертов и Рабочая группа открытого состава, что повлекло за собой вероятность принятия взаимоисключающих документов. Несомненно, это привело и к невозможности выработать общепринятые нормы поведения и начать политику сдерживания потенциальных конфликтов в киберпространстве.

До сентября 2021 г. действует шестой созыв ГПЭ опять под председательством Бразилии. В группу из стран ЛАКБ также входят Мексика и Уругвай. Примечательно, что в рамках работы этой группы достижение консенсуса для разработки итогового доклада предусмотрено не было. Напротив, страны должны представить документы, отражающие их собственные взгляды на вопрос применения международного гуманитарного права к киберпространству. Именно этот вопрос является ключевым и вызывает наибольшее количество разногласий.

Рабочая группа открытого состава под председательством Швейцарии работает до весны 2021 г., и у нее есть больше шансов принять согласован-

ные документы. Открытый состав группы позволяет участвовать в ее работе всем заинтересованным странам, в отличие от ограниченного числа членов предыдущих ГПЭ, а условие достижения консенсуса обеспечит отражение общих интересов всех участников в итоговом документе. Но есть и существенные минусы: обязательность выработки согласованной позиции может сыграть блокирующую роль, как это произошло в 2017 г., либо заметно повлиять на итоговые формулировки доклада, сделав их более общими. Наконец, привлечение представителей из числа представителей бизнеса и гражданского общества к обмену мнениями по вопросам международной кибербезопасности формирует так называемый мультистейкхолдерный подход, что подразумевает участие всех заинтересованных сторон к решению проблемы. Взаимодействие между правительством и частными компаниями оказалось сегодня еще одним значимым вопросом в контексте проблем контроля за социальными сетями и распространяемой информацией, что впервые стало широко обсуждаться после исторических слушаний в конгрессе США в октябре 2017 г. [30]. Вопрос о том, кто должен контролировать киберпространство — технологические компании или правительство, является самым «горячим» в повестке цифровизации системы международных отношений.

Первое заседание РГОС в сентябре 2019 г. позволило, в силу открытого во всех смыслах формата работы, проанализировать отношение большинства стран ООН, в том числе и ЛАКБ, к проблеме информационной безопасности и в целом готовности полноценно участвовать в дискуссиях. Анализ заявлений участников группы показал, что латиноамериканские страны по-разному относятся не только к форматам ГПЭ и РГОС, но и к ключевым вопросам, стоящим перед группами. По мере развития информационных технологий и проявления цифрового неравенства среди государств региона позиции стран стали меняться. В частности, Мексика заявила о необходимости сосредоточиться на имплементации мер доверия в киберпространстве как простом и понятном практическом шаге. Она представила конкретные предложения по ведению хранилищ данных (репозиторий) в соответствии с лучшими практиками государств в отношении выполнения имеющихся кибернорм. Аргентина, Бразилия и Куба настаивали на продолжении работы над нормами ответственного поведения государств в части их уточнения и интерпретации. Было и заявление от Карибского сообщества (*Caribbean Community, CARICOM*) о необходимости работы над международным договором по киберпространству. Чили, Бразилия и Колумбия тоже рассматривали такую возможность. По вопросу, касающемуся применимости международного гуманитарного права к киберпространству, также появились разногласия.

В то время как Куба вместе с Россией продолжает заявлять о милитаризации киберпространства в случае формулирования конкретных норм использования ИКТ во время военных конфликтов, Чили и Бразилия допускают применение международного гуманитарного права с оговорками, а Коста-Рика и Мексика однозначно выступают за интерпретацию существующего международного гуманитарного права для киберпространства. Из этой же темы вытекает другой важный вопрос — право государств на самооборону в киберпространстве, где распреде-

ление позиций примерно совпадает с расстановкой сил по предыдущему вопросу. Еще одним индикатором интересов стран региона является обсуждение включения темы киберпреступности в сферу РГОС. Для Карибского сообщества данная тема является наиболее чувствительной и важной [31]. Для многих стран открылась возможность повысить свою осведомленность о наиболее актуальных проблемах в этой сфере.

В декабре 2020 г. в ГА ООН состоялось голосование по продлению РГОС еще на пять лет, что позволило превратить формат в регулярный институциональный диалог. Хотя резолюция и прошла с некоторыми затруднениями (92 стран поддержали, 50 выступили против, 21 воздержалась и 30 не голосовали), страны региона также продемонстрировали свои приоритеты. Бразилия воздержалась от голосования наряду с Гватемалой и Уругваем; Чили и Колумбия проголосовали против, но большая часть, включая Мексику, Кубу, Венесуэлу, Аргентину, Боливию, поддержали продление РГОС, считая этот формат эффективным [32].

Следует отметить, что страны ЛАКБ занимают сегодня довольно четкие позиции по отношению к двум вышеуказанным международным процессам, связанным с обсуждением вопросов кибербезопасности и принятием основополагающих документов в этой сфере. Именно в ходе работы ГПЭ и РГОС будут сформулированы конкретные шаги и планы действий, которые повлияют на международную обстановку в ближайшие пять-десять лет. От позиции стран ЛАКБ во многом зависят результаты деятельности РГОС. В силу этого Москве необходимо наращивать взаимодействия с ключевыми игроками региона в области цифровизации для выработки приемлемых решений и укрепления своих позиций при вынесении их на голосование в ООН.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ УСИЛИЯ

Региональный уровень является ключевым для развития киберпотенциала стран и укрепления доверия между ними в информационном пространстве. Такие региональные организации, как, например, ОАГ, вносят неосценимый вклад в развитие входящих в них стран не только с точки зрения технической помощи по созданию собственных ресурсов для отражения возможных кибератак, но и предоставляют рекомендации по написанию стратегий национальной кибербезопасности [33; 34; 35].

Для понимания общего развития системы информационной безопасности в той или иной стране создан рейтинг так называемой «зрелости» стран региона в данной области — *Cybersecurity Capability Maturity Model*. Рейтинг составлен экспертами ОАГ и Межамериканского банка развития [36]. Модель, по которой оцениваются страны, состоит из пяти критериев: национальная политика и стратегия в области кибербезопасности; киберкультура и общество, образование и профессиональная подготовка в области кибербезопасности; правовая и нормативная база; стандарты и технологии. «Зрелость» также варьируется в рамках пяти стадий: от начальной, когда страна только начинает осознавать важность обеспечения информационной безопасности, до динамической, когда она способна быстро адаптироваться к внутренним и внешним киберугро-

зам и рискам. Ситуацию осложняет низкий уровень распространения Интернета в отдаленных частях ЛАКБ и недостаточное понимание важности вопросов, связанных с кибербезопасностью, среди населения. При этом правительства стран региона осознают важность принятия комплексных мер по наращиванию технического и политического потенциала для обеспечения безопасности.

Однако одним из ключевых элементов, который упущен из виду разработчиками вышеупомянутого рейтинга, является готовность и способность стран участвовать в дипломатических переговорах по вопросам, связанным с киберпространством. Например, Гватемала, будучи председателем Межамериканского комитета ОАГ по борьбе с терроризмом (*Inter-American Committee against Terrorism, CICTE*), в ведении которого после соответствующей резолюции 2004 г. также находятся вопросы кибербезопасности в 2012 г. приложила немало усилий к тому, чтобы члены ОАГ приняли декларацию об укреплении информационной безопасности в Северной и Южной Америке [37; 38]. В декларации подтверждена их приверженность к осуществлению Всеобъемлющей межамериканской стратегии ОАГ по борьбе с угрозами кибербезопасности. В числе прочего страны — участницы ОАГ признали необходимость создания национальных групп реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью, а также важность повышения безопасности и устойчивости критической информационной инфраструктуры к киберугрозам, включая энергетические, финансовые, транспортные и телекоммуникационные системы.

Общая межамериканская стратегия кибербезопасности 2004 г. является основополагающим региональным документом по формированию позиции стран и направлена на создание культуры информационной безопасности для предотвращения злоупотребления технологиями [39]. Стратегия предполагает развитие региональной сети для информирования о компьютерных инцидентах, создание общей защищенной инфраструктуры для управления конфиденциальными коммуникациями групп реагирования с частным сектором и другими заинтересованными сторонами, разработку технических стандартов безопасности и расширение правового потенциала для борьбы с киберпреступностью.

В 2012 г. *CICTE* принял декларацию об укреплении кибербезопасности, а в 2016 г. — декларацию об укреплении сотрудничества и развития в области кибербезопасности и борьбы с терроризмом в Северной и Южной Америке, в которой государствам-членам предлагалось уважать права человека при использовании киберпространства, укреплять сотрудничество между национальными группами реагирования, а также между правоохранительными органами; разрабатывать протоколы для связи между членами ОАГ в случае инцидентов, последствия которых выходят за пределы национальных границ, а также процедуры взаимной помощи при реагировании на них [40; 41]. Нельзя не отметить, что странам ЛАКБ на формальном и декларативном уровне удалось достичь некоторого взаимопонимания по вопросу о необходимости обмена информацией о возможных конфликтах в киберпространстве.

Однако ОАГ не только приняла декларации. Организация ведет еще и обширную практическую работу. Ее работа по наращиванию киберпотен-

циала часто ставится в пример подобным структурам, созданным в других регионах мира. ОАГ организовала обширную серию семинаров и учебных мероприятий по национальным киберстратегиям, мерам укрепления доверия и развитию потенциала. Наиболее результативной оказалась инициатива, выдвинутая в 2017 г. Чили, Колумбией, Перу, Коста-Рикой, Канадой, Гватемалой и Мексикой, по созданию рабочей группы по сотрудничеству и укреплению доверия в киберпространстве [42]. Результатом работы группы стал новый список мер по укреплению доверия в киберпространстве 2018 г. Составители списка частично базировались на положениях доклада ГПЭ ООН 2015 г., а также выделили следующие приоритетные меры: предоставление информации о политике информационной безопасности (стратегии, правовые инструменты и т.д.) и назначение национальных контактных лиц на политическом уровне, способных обсуждать последствия киберугроз в масштабах полушария [43].

Кроме этого в ОАГ действует программа по кибербезопасности, тесно связанная с известным и принимаемым в дипломатических кругах многих стран Глобальным форумом по киберэкспертизе (*Global Forum on Cyber Expertise, GFCE*). В него входят страны, межправительственные и международные организации, а также частные компании, имеющие ресурсы для содействия наращиванию кибернетического потенциала в более слабых странах. В рамках программы ОАГ по кибербезопасности под эгидой *GFCE* осуществляется сотрудничество внутри региона и с остальным миром по ключевым вопросам. Программа состоит из семи пунктов, в которые входят: разработка национальной стратегии информационной безопасности по готовой методологии; развитие групп реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью; обучение антикризисному управлению; повышение осведомленности; техническая помощь и доступ к экспертным знаниям. Такой подход ОАГ оценивается как наиболее эффективный с точки зрения развития региональной кибербезопасности.

Для понимания общей картины места и роли ЛАКБ в международной и региональной кибербезопасности представим наш анализ в виде таблицы.

УЧАСТИЕ СТРАН ЛАКБ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ ПО КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Страна	Национальная стратегия кибербезопасности	Участие в Группе правительственных экспертов ООН	Участие в Рабочей группе открытого состава ООН	Участие в Глобальном форуме по киберэкспертизе	Участие в программе кибербезопасности ОАГ
Антигуа и Барбуда	проект				
Аргентина	+	+	+	+	+
Багамские Острова	проект				
Барбадос					

Белиз	+				
Боливия	проект		+		
Бразилия	+	+	+		
Венесуэла			+	+	+
Гаити	проект				
Гайана	проект				
Гватемала	+			+	+
Гондурас	проект				
Гренада					
Доминика	проект			+	+
Доминик. Республика	+			+	+
Колумбия	+	+	+		+
Коста-Рика	+				
Куба		+	+		
Мексика	+	+	+	+	+
Никарагуа			+		
Панама	+				
Парагвай	+				+
Перу	проект		+	+	
Сальвадор					
Сент-Винсент и Гренадины	+				
Сент-Китс и Невис					
Сент-Люсия	+				
Суринам	проект			+	
Тринидад и Тобаго	+				
Уругвай	+	+	+		
Чили	+		+	+	+
Эквадор			+		
Ямайка	+				+

Из таблицы следует, что Аргентина, Колумбия и Мексика являются наиболее активными странами региона, принимающими участие в формировании повестки обсуждаемых вопросов в международных и региональных организациях по кибербезопасности. Это означает, что содержание принимаемых итоговых документов может зависеть от позиции данных государств.

На сегодняшний день существуют разные подходы к решению проблем информационной безопасности. США и страны Европы, например, рассматривают ее как систему мер, которые должны соответствовать имеющимся вызовам. Поэтому в правительственных стратегиях в данной сфере чаще всего перечислены угрозы и способы их преодоления. Россия, Китай и другие страны большее внимание уделяют такому аспекту кибербезопасности, как цифровой суверенитет. Страны ЛАКБ используют разные подходы; при обсуждении различных аспектов безопасности на международных площадках регион не выступает единым фронтом.

Если еще в 2010-е годы голос латиноамериканских государств не был слышен среди держав, активно обсуждавших чувствительные проблемы в области кибербезопасности, то сегодня многие страны региона обладают необходимым потенциалом для того, чтобы донести свое видение ситуации на международных форумах. Поскольку позиции ведущих государств по вопросам кибербезопасности значительно разнятся, России целесообразно расширять сотрудничество с ЛАКБ для выработки консенсуса и продвижения общей точки зрения. Это особенно важно, поскольку ряд крупных стран региона — Аргентина, Бразилия, Мексика и др. — склонны занимать лояльную позицию в отношении подходов США к проблемам информационной безопасности, что также оказывает влияние на решения, принимаемые в этой сфере. Увеличение числа стран — участниц глобальных диалогов по кибербезопасности является самым эффективным способом продвижения российской позиции по этому вопросу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Эффективное обеспечение киберстабильности. Глобальная комиссия по стабильности киберпространства. Итоговый доклад. Ноябрь 2019. [Effektivnoe obespechenie kiberstabil'nosti. Global'naya komissiya po stabil'nosti kiberprostranstva. Itogovyy doklad [The effective provision of cybertablet. Global Commission on the Stability of Cyberspace. Final report]. Available at: https://cyberstability.org/wp-content/uploads/2020/08/GCSC-Advancing-Cyberstability_RU.pdf (accessed: 15.12.2020).
2. National Cybersecurity Strategy, Mexico. Available at: <https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/399655/ENCS.ENG.final.pdf> (accessed: 16.12.2020).
3. National Cyber Security Strategy, Brazil. Available at: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/_Ato2019-2022/2020/Decreto/D10222.htm (accessed: 16.12.2020).
4. Jefatura De Gabinete De Ministros Secretaría De Gobierno De Modernización, Resolución 829/2019, Argentina. Available at: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/208317/20190528> (accessed: 17.12.2020).
5. Bases Para una Política Nacional de Ciberseguridad, Chile. Available at: <https://www.ciberseguridad.gob.cl/media/2015/12/Documento-Bases-Pol%C3%ADtica-Nacional-sobre-Ciberseguridad.pdf> (accessed: 17.12.2020).
6. Estrategia Nacional de Ciberseguridad de Costa Rica. Available at: <https://www.micit.go.cr/sites/default/files/estrategia-nacional-de-ciberseguridad-costa-rica-19-10-17.pdf> (accessed: 18.12.2020).
7. Global Cybersecurity Index. Available at: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2018-PDF-E.pdf (accessed: 18.12.2020).
8. Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: the Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics. *Cogent Social Sciences*, 2019, vol. 5, N 1, pp. 1–15.
9. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. М., 2020, № 4, сс. 27–44 [Tsvetkova, N.A., Kuznetsov, N.M. [Fenomen diplomatii bolshikh dannyh v mirovoj politike [Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, 2020, vol. 4, pp. 27–44 (in Russ.)].
10. Kobek L., Caldera E. Cyber Security and Habeas Data: The Latin American Response to Information Security and Data Protection. *OASIS—Observatorio de Análisis de Los Sistemas Internacionales*, 2016, N 24, pp. 109–128.
11. Rouvinski V. Understanding Russian Priorities in Latin America. *Kennan Cable*. Washington, D.C. 2017. N 20. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no20-understanding-russian-priorities-latin-america> (accessed: 15.01.2021).

12. Еремин А.А. Организация американских государств и региональная безопасность. М., Аспект-пресс, 2020. [Eremin A.A. Organizatsia amerikanskikh gosudarstv i regionalnaya bezopasnost' [Organization of American States and Regional Security]. Moscow, Aspekt-press, 2020.
13. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка Между ОАГ и СЕЛАК. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2015, № 4, сс. 90–100 [Khejfts V.L., Khadorich L.V. Latinskaya Amerika mezhd OAG i SELAK [Latin America between the OAS and CELAC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2015, N 4, pp. 90–100 (in Russ.).
14. U.N. Resolution, A/RES/56/19, 2001. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/19> (accessed: 15.12.2020).
15. The Report of the General Secretary, A/60/202, 2005. Available at: <https://undocs.org/ru/A/60/202> (accessed: 15.12.2020).
16. U.N. General Assembly. Documents. A/54/213, A/55/140 и Corr.1 и Add.1, A/56/164 и Add.1, A/57/166 и Add.1, A/58/373, A/59/116 и Add.1, A/60/95 и Add.1, A/61/161 и Add.1 и A/62/98 и Add.1. Available at: <https://www.un.org/> (accessed: 20.12.2020).
17. U.N. Resolution, A/RES/63/37, 2008. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/63/37> (accessed: 19.12.2020).
18. Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Available at: <https://undocs.org/ru/A/65/201> (accessed: 15.12.2020).
19. U.N. Resolution, A/RES/65/41, 2010. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/65/41> (accessed: 14.12.2020).
20. Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Available at: <https://undocs.org/ru/A/68/98> (accessed: 14.12.2020).
21. Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security. Available at: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (accessed: 16.12.2020).
22. Государствам загрузили мирную программу: 20 стран заложили основу для глобального пакта об электронном ненападении. *Коммерсант*, 18 августа 2015 [Gosudarstvam zagruzili mirnuyu programmu: 20 stran zalozhili osnovu dlya globalnogo pakta ob elektronnom nenapadenii [The States were Uploaded by a Peace Program: 20 Countries Formed the Foundation for a Global Pact on Electronic Non-Aggression]. *Kommersant*, August 18, 2015. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2790215> (accessed: 25.12.2020).
23. The Report of the General Secretary, A/72/327, 2017. Available at: <https://undocs.org/ru/A/72/327> (accessed: 19.12.2020).
24. 71 UNGA: Cuba at the Final Session of Group of Governmental Experts on Developments in the Field of information and Telecommunications in the Context of International Security, 23 June, 2017. Available at: <http://misiones.minrex.gob.cu/en/un/statements/71-unga-cuba-final-session-group-governmental-experts-developments-field-information> (accessed: 15.12.2020).
25. Tsvetkova N.A. Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in U.S. International Broadcasting, 2013–2019. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, N 4, pp. 435–449.
26. Segal A. The Development of Cyber Norms at the United Nations Ends in Deadlock. Now What? *Council on Foreign Relations*, June 29, 2017. Available at: <https://www.cfr.org/blog/development-cyber-norms-united-nations-ends-deadlock-now-what> (accessed: 25.12.2020).
27. «Инфофорум-2018»: российские инициативы в формировании системы международной информационной безопасности. *Международная жизнь*. М., 15 февраля, 2018 [«Infoforum-2018»: rossijskie iniciativy v formirovanii sistemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [Infoforum-2018: Russian Initiatives in the Field of Interna-

- tional Information Security System]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, Moscow, February 15, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19338> (accessed: 15.12.2020).
28. U.N. Resolution, A/RES/73/27 2018. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/27 (accessed: 14.12.2020).
29. Стадник И. Россия и США: два разных взгляда на кибербезопасность. *Российский совет по международным делам*, 13 ноября, 2018 [Rossiya i SShA: dva raznyh vzglyada na kiberbezopasnost [Russia and the United States: Two Different Views on Cybersecurity] *Rossiiskij sovet po mezhdunarodnym delam*, Moscow, November 13, 2018. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-ssha-dva-raznykh-vzglyada-na-kiberbezopasnost/> (accessed: 15.12.2020).
30. Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power. *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Velikaya, A. and Simons G. (Eds.). London - New York, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 103–117.
31. Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal purposes, Belarus, Venezuela, Nicaragua, Russian Federation and others: Draft Resolution, 2019. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N19/313/33/PDF/N1931333.pdf?OpenElement> (accessed: 19.12.2020).
32. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security Resolution adopted by the UN General Assembly, 2020. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/3896180?ln=en> (accessed: 27.12.2020).
33. Towards a Secure Cyberspace via Regional Co-operation. *DiploFoundation*, 2017. Available at: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/Diplo-Towards_a_secure_cyberspace-GGE.pdf (accessed: 27.12.2020).
34. Нелина О.В. ОАГ в противодействии террористической угрозе: латиноамериканские альтернативы. *Латинская Америка*, М., 2009, № 9, сс. 38–44 [Nelina O.V. OAG v protivodejstvii terroristicheskoy ugroze latinoamerikanskije alternativy [The OAS and the Deterrence of the Terrorist Threat: Latin American alternatives]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2009, N 9, ss. 38–44 (in Russ.).
35. Horwitz B. *The Transformation of the Organization of American States: A Multilateral Framework for Regional Governance*. L., N.Y., Anthem Press, 2010.
36. Cybersecurity: Are We Ready in Latin America and the Caribbean? *Inter-American Development Bank Publications*, 2016. Available at: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Cybersecurity-Are-We-Ready-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf> (accessed: 30.12.2020).
37. Adoption of a Comprehensive Inter-American Strategy to Combat Threats to Cybersecurity: A Multidimensional and Multidisciplinary Approach to Creating a Culture of Cybersecurity. Organization of American States. Available at: http://www.oas.org/en/citel/infocitel/julio-04/ult-ciberseguridad_i.asp (accessed: 30.12.2020).
38. Declaration on Strengthening Cyber-Security in the Americas. Approved at the Fourth Plenary Session held on March 7, 2012. Organization of American States. Available at: <http://www.cicte.oas.org/rev/en/Documents/Declarations/DEC%201%20rev%201%20DECLARATION%20CICTE00749E04.pdf> (accessed: 31.12.2020).
39. Comprehensive Inter-American Cybersecurity Strategy to Combat Threats to Cybersecurity: A Multidimensional and Multidisciplinary Approach to Creating a Culture of Cybersecurity. Organization of American States. Available at: <http://www.oas.org/XXXIVGA/english/> (accessed: 31.12.2020); [docs/approved_documents/adoption_strategy_combat_threats_cybersecurity.htm](http://www.oas.org/XXXIVGA/english/docs/approved_documents/adoption_strategy_combat_threats_cybersecurity.htm) (accessed: 31.12.2020).
40. Strengthening Cyber-Security in the Americas. Declaration. Inter-American Committee Against Terrorism. Available at <http://www.state.gov/p/wha/rls/221498.htm> (accessed: 31.12.2020).
41. Strengthening Hemispheric Cooperation and Development in Cybersecurity and Fighting Terrorism in the Americas. Inter-American Committee Against Terrorism. Available at <http://www.state.gov/p/wha/rls/259346.htm> (accessed: 01.01.2021).

Илона Стадник, Наталья Цветкова

42. Working Group on Cooperation and CBMs in Cyberspace was established by CICTE through Resolution, CICTE/RES.1/17 on April 7, 2017. Organization of American States. Available at: https://www.oas.org/en/sms/cicte/session_2017.asp (accessed: 01.01.2021).

43. Regional Confidence-Building Measures (CBMs) to Promote Cooperation and Trust in Cyberspace, CICTE/RES. Organization of American States. Available at: https://www.oas.org/en/sms/cicte/session_2019.asp (accessed: 01.01.2021).

Ilona T.Stadnik (i.stadnik@spbu.ru)

Assistant professor at American Studies Department at St. Petersburg State University. Her research expertise covers international cyber norm-making, Russia-US relations in the cybersecurity field and global internet governance

Smolnogo Str., 1/3, 191060 St. Petersburg, Russian Federation

Natalia A.Tsvetkova (n.tsvetkova@spbu.ru)

Professor and head of American Studies Department at St. Petersburg State University, Russia. She writes about U.S. foreign policy and digital diplomacy

Smolnogo Str., 1/3, 191060 St. Petersburg, Russian Federation

The place and role of Latin American countries in the system of international and regional cybersecurity

Abstract. The article reveals the policy of Latin American states in the field of cybersecurity. The Latin American countries have contributed to the activities of different fora and the adoption of numerous resolutions at both international and regional organizations. The paper evaluates the impact of Latin American countries (in particular of Argentina, Mexico and Colombia) within the most important UN processes, namely the Group of Governmental Experts and the Open-Ended Working Group. At the regional level, the role of the Organization of American States in terms of introducing of the regional cybersecurity system is revealed. The authors conclude, the position of particular countries of Latin America is markedly different and leans toward the leading states in the field of digitalization, namely the USA, the European Union, Russia, and China. The paper concludes with considerations of how Latin American policies can enhance Russia's cybersecurity agenda.

Key words: cybersecurity, Latin America, UN, Organization of American States, UN GGE, OEWG.

DOI: 10.31857/S0044748X0014088-5

Received 20.01.2021.

Е.А.Виноградова, Н.А.Вагнер

Цифровизация Латинской Америки в культурной сфере

Цифровизация в экономике, политике, культуре и образовании в XXI столетии является основной моделью современной глобализации. Страны Латинской Америки, не будучи глобальными экономическими игроками на цифровом рынке, в то же время являются основными потребителями цифровых услуг, продаваемых развитыми государствами. При этом цифровая политика ряда латиноамериканских государств в области культуры позволила расширить экономические и коммуникационные возможности этой отрасли, способствуя региональной интеграции, модернизации некоторых сегментов культуры и созданию новых видов культурного продукта. В данной статье рассматривается влияние цифровизации на трансформацию культурной сферы Латинской Америки. На основе контент-анализа деятельности учреждений культуры определяются этапы становления цифровой эры в латиноамериканском регионе и даются практические рекомендации по внедрению цифрового контента в культурное медиапространство.

Ключевые слова: Латинская Америка, цифровизация, репозитория, геймификация, культура, сфера искусства, искусственный интеллект, межкультурная коммуникация, *COVID-19*, информационно-коммуникационные технологии, глобализация.

DOI: 10.31857/S0044748X0013576-2

Статья поступила в редакцию 26.01.2021.

Цифровая трансформация общественной жизни на сегодняшний день приобретает особую актуальность в связи с ускоренным переходом мировой экономики на цифровые платформы. США, Китай, страны Европейского союза (ЕС) являются глобальными игроками на рынке цифровых услуг, навязывая Латинской Америке уже готовую продукцию и тем самым лишая экономику региона возможности выстраивать самостоятельную цифровую модель. Профессор колумбийского университета Рауль Кац в своем исследовании «Экосистема и цифровая экономика в Латинской Америке» отмечает, что за последние 15 лет в латиноамериканских странах

Екатерина Алексеевна Виноградова — кандидат политических наук, доцент Института Театра, кино и телевидения Университета «Синергия» (РФ, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, vinogradovacatherine7@gmail.com); **Наталья Александровна Вагнер** — магистр истории Университета Сорбонна, сотрудник ЮНЕСКО (Франция, Париж, 7 place de Fontenoy, 75017; natalexwagner@gmail.com).

наметились заметный экономический спад и истощение сырьевого рынка, в связи с чем правительства этих стран столкнулись с проблемой трансформации своей экономики и стали агентами потребления в цифровом мире [1, р. 42].

Директор программы «Глобальные тенденции и будущее» Серхио Битар считает, что одной из причин цифрового разрыва между развитыми странами и латиноамериканским регионом является отсутствие фундаментальных исследований по коммуникации и информатизации в Латинской Америке. В статье «Работа будущего в Латинской Америке: как повлияет цифровизация и что предпринять?» ученый отмечает, что хорошо управляемая цифровая модель, созданная латиноамериканскими политиками, может стать важным фактором, расширяющим возможности для технологических инноваций и диверсификации производственной структуры региона, а повышение производительности, например, за счет так называемых цифровых дивидендов, может положительно повлиять на развитие экономики [2, р. 7].

ЦИФРОВАЯ ЭРА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ИНТЕРНЕТИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

На сегодняшний день Интернет является постоянным и регулярным пространством для взаимодействия во всех сферах общественной жизни. Латинская Америка — это регион с самым быстрорастущим количеством интернет-пользователей в мире. Это обусловлено ментальными особенностями латиноамериканцев, которые исторически привыкли смотреть телевидение в среднем по восемь часов в день [3, р. 66]. В данном случае цифровое телевидение и другие онлайн-платформы, предоставляемые Интернетом, заменили привычные формы бытового уклада, особенно в молодежной среде. Так, по данным *ComScore*, латиноамериканцы тратят на социальные сети на 56% больше времени, чем представители всех других стран мира [5]. Уровень проникновения Интернета в латиноамериканском регионе на 50% выше, чем в Азии [4], при том, что доступ к интернет-ресурсам имеют только 50% населения Латинской Америки [5].

Огромный вклад в развитие Интернета как главного цифрового элемента внесли правительства латиноамериканских государств. Так, в период 2009—2016 гг. руководство Аргентины разработало и с успехом реализовало федеральный интернет-план, включающий организацию бесплатного цифрового телевидения на территории страны и расширения цифровых сетей в целом [6]. В Колумбии в 2010—2016 гг. с успехом были запущены программы по расширению доступа к Интернету во многих районах страны, в том числе по установке точек *Wi-Fi* в сельских районах [7]. Похожие программы, обеспечивающие бесплатный интернет-доступ, в рамках национальной цифровой стратегии были запущены в 2013 г. в Эквадоре. В период 2013—2014 гг. Мексика благополучно реализовала национальную цифровую стратегию в сфере комплексной модернизации информационно-коммуникационных технологий [8, р. 2]. Основной упор был сделан на улучшение мобильной связи, электронной коммерции, образования, здравоохранения и кибербезопасности. Таким образом, расширяющиеся возможности доступа к Интернету в регионе и стремительное распространение мобильных устройств

тесно связаны с взрывным ростом использования социальных сетей в различных областях общественной жизни латиноамериканского региона.

Популярными социальными сетями в Латинской Америке считаются *Facebook*, *Linkedin*, *Instagram*, *Twitter*. Наиболее развитыми рынками для *Facebook* и его дочерней компании *Instagram* являются Бразилия, Мексика и Аргентина. К примеру, Бразилия — второй по величине потребительский рынок социальных сетей в мире после США, а Мексика занимает четвертое место по скорости потребления информации: 9 из 10 мексиканцев являются пользователями *Facebook* [7]. Социальная сеть *Twitter* активнее всего задействована в Аргентине отчасти благодаря бывшему президенту Кристине Фернандес де Киршнер, которая является популярным политическим блогером этой сети и с успехом продвигает свои программы среди пользователей.

В период 2009—2020 гг. в регионе наметился рост использования и местных социальных сетей, таких, как *Sonico*, *Hi5*, *Orcut* и др. Однако они значительно уступают по популярности международным, что приводит к отставанию Латинской Америки в деле развития цифровой экономики и сферы услуг.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И БИЗНЕС-ИНДУСТРИЯ

Появление международных и региональных цифровых платформ — социальных сетей, блогов, аудиовизуальных онлайн-групп — свидетельствует о поворотном моменте в культурной трансформации латиноамериканского общества: массовая культура неразрывно связана с массовой коммуникацией, дающей возможность большому количеству участников информационного потока транслировать свои культурные установки столь же большому количеству реципиентов [9, р. 57]. Развитие информационных технологий способствуют значительному сокращению операционных расходов, в частности для издательской, музыкальной и аудиовизуальной индустрии, в связи с резким сокращением переменных финансовых затрат, связанных с хранением, транспортировкой и распространением таких продуктов, как книги, видеоматериалы или аудиозаписи. Цифровые инструменты позволяют более эффективно инвестировать в исследования и рекламу.

Существенно экономя средства, сегодня можно более точно сегментировать и контролировать аудиторию при проведении маркетинговых исследований благодаря сложным алгоритмам, которые поддерживают интернет-платформы, что позволяет четко профилировать вкусы пользователей, их психологические характеристики, место жительства, возраст, пол и другие социально-экономические факторы, имеющие основополагающее значение для маркетингового планирования. Цифровые технологии не только способствуют принятию удачного маркетингового решения, но и влияют на само творчество артистов, художников и музыкантов. Ярким примером здесь может послужить творческий опыт известного колумбийского музыканта Карлоса Муньоса, который приобрел популярность, самостоятельно выпустив альбом с помощью мобильного устройства и использования цифровых платформ.

В период 2018—2020 гг. наметилась также личная активность многих деятелей латиноамериканского искусства и культуры в социальных сетях, в частности, в *Instagram* и на *YouTube*. В качестве примера можно привести официальный аккаунт в *Instagram* мексиканской актрисы и телеведущей

Виктории Руффо, насчитывающий 1,8 млн подписчиков [10]. В последние годы практически все известные актеры и музыканты ведут свой блог, что является отличным рекламным ходом как для них самих, так и для той продукции, которую они продвигают. Кроме того, персональный блог — это хороший дополнительный заработок.

Политика в области продвижения местных культурных традиций и поддержки деятелей культуры реализуется во многих странах латиноамериканского региона. Так, в Аргентине в 2011 г. были приняты меры по привлечению крупных дистрибьюторов для распространения и популяризации национальных фильмов. Одной из главных целей этого проекта был прокат данных картин за рубежом. Однако предпринятые шаги не смогли простимулировать местную кинопромышленность, и в результате пересмотра концепции произошла концентрация дистрибуции лишь нескольких местных кинопроизводств, что укрепило власть этих компаний, превратив их почти в олигополию.

В марте 2016 г. в Эквадоре была создана специальная платформа *Latitud1x1* [11], позволяющая национальным музыкантам продвигать их творчество через электронные СМИ. С помощью данного информационно-маркетингового проекта удастся сохранять и популяризировать культурные традиции, а также оказывать финансовую поддержку начинающим музыкантам. Колумбия стала страной — пионером в создании онлайн-театра, основанного на вымышленной вселенной, через пространство *Facebook*. Таким образом, цифровые платформы позволили расширить поле для межкультурного диалога, снимая региональные ограничения.

В первой четверти XXI в. физическая дистанция уже не является проблемой для организации совещаний и создания творческого коллектива. Об этом свидетельствует проведение ряда виртуальных мероприятий в Латинской Америке, в частности, фестивали кино в Сан-Педро-де-Сула, фестивали цифровой культуры и творчества *Creatividad Digital* («Искусство будущего»), объединяющего Испанию, Аргентину, Колумбию и Бразилию, *International Image Festival* (Международный фестиваль имиджа) в Колумбии, фестивали электронных искусств *Tránsito* («Транзит») в Мексике. В период пандемии *COVID-19* в сентябре 2020 г. на разных информационных площадках прошел первый международный фестиваль ибероамериканского театрального пространства, получивший название *Intimidades extraordinarias* («Экстраординарная интимность»), объединивший деятелей искусства Аргентины, Бразилии, Чили, Кубы, Сальвадора, Мексики, Панамы и Испании [12].

Вместе с тем превалирование в регионе международных цифровых платформ и захват ими информационного пространства являются настоящим экономическим и культурным вызовом для латиноамериканского региона, ставят под угрозу исчезновения местное творческое разнообразие и грозит потерей цифровых дивидендов. Особо уязвимым в этом контексте представляется нематериальное наследие этнических культур коренных народов, поскольку именно они в большей мере подвергаются воздействию культурной гомогенизации, типичной для процесса глобализации.

Компании *Spotify*, *Amazon Prime*, *YouTube* и *Netflix* привлекают все больше интернет-пользователей Латинской Америки, предлагая им, казалось бы, привычный формат культурного потребления. Ярким примером может послужить захват *Netflix* — крупнейшим американским поставщи-

ком сериалов и фильмов — регионального кинорынка и кинопроизводства в целом. Одной из ключевых стратегий корпорации стало грамотное изучение контента телевизионной продукции, пользующегося популярностью в регионе. Следующим шагом в области захвата латиноамериканского кинорынка и цифровых платформ было заключение в 2011 г. контрактов с ведущими латиноамериканскими медиаконгломератами на показ сериальной продукции через платформу *Netflix*. В результате, теряя потенциального зрителя и огромные доходы, мексиканская телекомпания *Televisa* создала свою цифровую платформу *Blim*, разорвав контракт с *Netflix*. На протяжении нескольких лет между компаниями шла непрерывная информационная война в СМИ, результатом которой стал репутационный подрыв *Televisa* [13].

Популярность *Netflix* позволила ей создать успешное кинопроизводство в регионе, в частности в Мексике. К созданию телесериалов привлекаются ведущие латиноамериканские продюсеры, режиссеры, музыканты, актеры и сценаристы. В 2019 г. *Netflix* начала выпускать биографические теленовеллы и комедийные сериалы, пользующиеся огромной популярностью у латиноамериканского телезрителя, среди которых можно выделить такие, как *La vida de Carlos Tevez* («Жизнь Карлоса Тевеза»), *Luis Miguel* («Луис Мигель»), *Bolívar* («Боливар») и др. В 2020 г. *Netflix* анонсировала выпуск многосерийной адаптации романа колумбийского писателя Габриэля Гарсии Маркеса *Cien años de soledad* («Сто лет одиночества»). Исполнительными продюсерами картины заявлены сыновья писателя Родриго Гарсия и Гонсало Гарсия Барчи [14]. Съемки телесериала пройдут в Колумбии, а к работе в очередной раз планируют привлечь лучших кинематографистов Латинской Америки. Таким образом, *Netflix* полностью завоевала латиноамериканский кинорынок, используя брендовый жанр — телесериалы, что может в ближайшие годы привести к полному финансовому и производственному краху региональных латиноамериканских телевизионных конгломератов, качество телепродукции которых ниже, чем у конкурентов.

Похожая ситуация складывается и на латиноамериканском книжном рынке. Так, еще в 2015 г. в Латинской Америке цифровыми были 22 из 100 опубликованных книг. К 2020 г. это количество возросло вдвое. Страны, где выходит больше всего книг в цифровом формате, — это Куба (46%), Венесуэла (36%), Гватемала (26%), Мексика (25%), Бразилия (24%) и Колумбия (24%) [15]. Что касается аудиокниг, то бразильский сервис *Ubook* имеет около миллиона слушателей, оплачивающих ежемесячную подписку в размере 4,5 долл. [15]. Однако доминирующей в регионе является международная книжная платформа *Amazon*, составляющая огромную конкуренцию региональным книжным сервисам.

ИНТЕРАКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО — ГЛАВНЫЙ КАТАЛИЗАТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В условиях давления крупнейших международных цифровых платформ интеграционные объединения и правительства латиноамериканских стран оказывают поддержку местным культурным и общественным организациям. Усилия, предпринимаемые, в том числе, и на уровне государства для сохранения культурной идентичности, весьма значительны и разнообразны [16, p. 28].

Страны Латинской Америки имеют самостоятельные инвестиционные платформы для привлечения творческих работников к экспериментальным работам с использованием цифровых технологий в области образования и культуры. Так, в 2006 г. в целях содействия сотрудничеству между странами региона по инициативе Организации ибероамериканских государств по вопросам образования, науки и культуры была создана цифровая платформа *Iberoamericana* («Ибероамерикана»). Практическим воплощением региональной политики в области цифровизации стала *Asociación de Bibliotecas Nacionales de Iberoamérica* (Библиотечная ассоциация ибероамериканских стран) [17]. В 2012 г. была создана электронная библиотека *Biblioteca Digital de Patrimonio Iberoamericano* («Ибероамериканское наследие»), которая предоставляет библиотекам, входящим в объединение, точки доступа к их цифровым ресурсам.

В 2014 г. в рамках XXIV ибероамериканской встречи на высшем уровне обсуждалась цифровая повестка дня в области культуры, которая должна была способствовать консолидации ибероамериканского культурного пространства и его встраиванию в глобальные информационные сети. Кроме того, участники Общего рынка стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) в сотрудничестве с ЕС запустили цифровую платформу *Audiovisuals (RECAM)*. Ее основной задачей является укрепление позиций кинематографии и распространение местного аудиовизуального контента внутри регионального блока. В настоящее время на этой платформе запущено уже более 30 проектов в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае и Венесуэле [18]. Межконтинентальная лаборатория цифрового гражданства, разработанная культурным центром Испании в Мексике, является еще одной прогрессивной платформой, объединяющей обе страны в культурно-учебном пространстве.

К 2020 г. во многих латиноамериканских государствах сложилось свое цифровое культурное пространство. Ярким примером является Национальная библиотека Мексики, в рамках которой в 2010 г. было создано уникальное цифровое культурное учреждение — *Biblioteca digital mexicana* (Мексиканская цифровая библиотека), объединяющее 13 национальных библиотек и архивов страны. Еще одним примером может служить *Centro Mexicano de Cultura Digital* (Мексиканский центр цифровой культуры), созданный по инициативе министерства культуры. Этот многофункциональный и междисциплинарный центр проводит в цифровой среде многочисленные рекламные мероприятия в области образования и культуры. При содействии Национального центра искусства для обучения общественности электронному искусству был создан *Centro multimedia de México* (Мультимедийный центр Мексики).

В период пандемии *COVID-19* цифровой прорыв стал наиболее актуальным вызовом для министерств культуры стран Латинской Америки. В ряде государств с успехом были созданы репозитории и реализованы цифровые проекты в различных художественных областях, в частности в музеях. Перуанский *Museo Larco* (Музей Ларко) стал первым в Латинской Америке, который оцифровал свою коллекцию и сделал ее доступной для внутренней и внешней целевой аудитории через онлайн-каталог. На сайте музея представлен огромный выбор аудиовизуальных экскурсий [19]. На данный момент лидером по цифровизации среди музеев и созданию в них

интерактивного пространства является Бразилия. Так, старейший художественный музей города Сан-Паулу *Pinacoteca* (Пинакотекa) в период пандемии запустил виртуальный тур, представил фильмы из коллекции музея, отрыв многочисленные онлайн-выставки, историко-образовательные занятия и игры для детей [20].

В таких музеях, как *Museu do Amanhã* (Музей будущего), *Museu de Arte de São Paulo* (Музей искусств Сан-Паулу), *Museu Nacional* (Национальный музей), в период пандемии также появилось множество виртуальных экскурсий и других форм геймификации. В Аргентине одним из наиболее крупных музеев, создающих репозитории с 2018 г., является исторический *Museo Sarmiento* (Музей Сармьенто) [21]. Второе место занимает *Museo Nacional de Bellas Artes* (Национальный музей Искусств в Буэнос-Айресе), насчитывающий порядка 2,5 млн оцифрованных работ и предлагающий виртуальным посетителям бесплатную онлайн-экскурсию по основной экспозиции и своим коллекциям [22]. Музей и одновременно творческая площадка *Centro Cultural Recoleta* («Реколета») знакомит посетителей с творчеством молодых деятелей искусств Аргентины. В «Реколете» регулярно проводятся онлайн-концерты, выставки и презентации книг молодых писателей [23]. *Museo de Arte Latinoamericano de Buenos Aires* (Музей латиноамериканского искусства в Буэнос-Айресе) предлагает своим виртуальным посетителям не только бесплатные онлайн-экскурсии по экспозиции и коллекциям, но и платные лекции известных деятелей науки и искусства [24].

В Мексике *Gran Museo del Mundo Maya de Mérida* (Большой музей мира майя в Мериде) в рамках своего инновационного проекта, направленного на модернизацию и цифровизацию коллекции, предлагает посетителям огромный выбор интерактивных экскурсий, выставок, образовательных программ [25]. Передовыми учреждениями в регионе в области оцифровки и создания онлайн-версий своих коллекций также являются *Museo Nacional de Colombia* (Национальный музей Колумбии), *Museo Nacional de Costa Rica* (Национальный музей Коста-Рики), *Museo Nacional de Ecuador* (Национальный музей Эквадора), *Museo de Arte Contemporáneo*, *MAC Panamá* (Музей современного искусства Панама), *Museo de la Solidaridad Salvador Allende* (Музей солидарности им. Сальвадора Альенде), *Museo Nacional de Bellas Artes de Chile* (Национальный музей изящных искусств Чили), *Museo de Bellas Artes de Caracas* (Музей изящных искусств Каракаса) и *Galería de Arte Nacional* (Национальная художественная галерея Каракаса) в Венесуэле.

Таким образом, в регионе происходит плавная ликвидация цифрового разрыва между входящими в него странами и другими государствами мира [26], и зарождаются новые формы межрегиональной культурной коммуникации. Тем не менее более половины латиноамериканских стран еще не приступили к созданию репозитория своих музейных коллекций, среди которых можно выделить Кубу, Никарагуа, Боливию, Уругвай, Парагвай. Их цифровое отставание негативно влияет на общую региональную и международную межкультурную коммуникацию, значительно тормозя создание латиноамериканской культурной цифровой платформы для сохранения культурных и национальных ценностей и идентичности.

Следует отметить, что цифровая эра и виртуальное знакомство с материальной культурой ставят человека в определенные цифровые рамки, лишая воз-

возможности традиционного общения с мировым искусством. Тем самым нарушается психологический и культурный диалог между художником и зрителем. Внедрение элементов искусственного интеллекта в межкультурную коммуникацию «машинизирует» не только произведения искусства, но и самого индивида. Вместе с тем большинство исследователей положительно оценивают влияние цифровой революции на межкультурную коммуникацию. Так, российский исследователь-искусствовед М.В.Москалюк отмечает, что «искусство в эпоху его тотальной воспроизводимости не только не утрачено, но и актуально, востребовано, охраняемо. По отношению к подлинным шедеврам всех видов искусств, которые стали в эпоху глобализации общечеловеческим достоянием, интерес только нарастает» [27, р. 97].

Цифровизация в странах Латинской Америки является результатом глобализационного развития современного общества и затрагивает все сферы экономическую, политическую, социальную и культурную. Интеграционные объединения и страны региона проводят скоординированную политику по внедрению новых цифровых технологий в культурные и образовательные субъекты для сохранения национальных и культурных ценностей и интеллектуальной преемственности между поколениями. За последние 15 лет региональная цифровизация способствовала расширению межкультурной коммуникации как между странами региона, так и между различными континентами, знакомя виртуального зрителя с культурой и традициями Латинской Америки и расширяя возможности для экономической и финансовой поддержки определенных сегментов культуры. В регионе значительно выросло количество новых форм цифрового искусства и культуры — онлайн-фестивалей, виртуальных театров, виртуальных видов художественного творчества и геймификации.

Тем не менее цифровые платформы транснациональных корпораций, являющиеся каналами межкультурной коммуникации в мировом масштабе, негативно влияют на экономические и культурные процессы в латиноамериканском регионе, ослабляя интеллектуальный диалог между региональными субъектами культуры. Ярким примером может служить кризис в латиноамериканском кинематографе, вызванный цифровой гегемонией американской корпорации *Netflix* [13, р. 20]. Следует также подчеркнуть, что массовая культура, транслируемая в онлайн-формате, поглощает внимание латиноамериканцев, они становятся лишь потребителями этой культуры и все меньше создают собственный культурный продукт.

Цифровое отставание Кубы, Никарагуа, Боливии, Уругвая и Парагвая в области музееведения, а также отсутствие там цифровых культурных платформ приводят к постепенному вырождению ментальных особенностей и национальных культурных традиций в этих странах. Кроме того, являясь агентами цифрового потребления, власти этих государств не стимулируют свои отстающие экономики, поскольку дивиденды от продажи цифровой сферы услуг полностью отсутствуют.

В эпоху цифровой революции и внедрения искусственного интеллекта в разные сегменты культуры, искусства и образования правительствам стран Латинской Америки, как нам представляется, следует расширять финансовые и другие возможности для создания цифровых платформ, проводить более активную политику в социальных сетях как трансляции латиноамериканских куль-

турных ценностей в мировом масштабе, так для сохранения историко-культурной памяти латиноамериканских народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Katz R. El ecosistema y la economía digital en América Latina. *Editorial Ariel; Fundación Telefónica; Editorial Planeta*. Barcelona, 2015, 425 p. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/38916/1/ecosistema_digital_AL.pdf (accessed 10.01.2021).
2. Bitar S. El Futuro del trabajo en América Latina: ¿Cómo impactará la digitalización y qué hacer? *Diálogo Interamericano*, 2019, pp. 3-30.
3. Orozco G., Miller T. La Televisión más allá de sí misma en América Latina. *Comunicación y Sociedad*. Departamento de Estudios de la Comunicación Social, Universidad de Guadalajara, 2017, N 30, pp. 107-127.
4. Las TIC y los medios digitales en Iberoamérica: un nuevo campo de debate para la cultura. Observatorio de Industrias Creativas, 2014. Available at: <https://oibc.oci.es/uploads/attachments/452/C4.pdf> (accessed 15.01.2021).
5. Las oportunidades de la digitalización en América Latina frente al Covid-19. *Corporación Andina de Fomento*, Naciones Unidas, 2020. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45360/4/OportDigitalizaCovid-19_es.pdf (accessed 10.01.2021).
6. Créase el Plan Nacional de Telecomunicaciones «Argentina Conectada». *Comisión Nacional de Comunicaciones*, 2010. Available at: http://www.enacom.gob.ar/multimedia/normativas/2010/Decreto%201552_10.pdf (accessed 10.01.2021).
7. Kulesz O. La Cultura en el entorno digital. *Organización de las Naciones Unidas para la Educación, la Ciencia y la Cultura*, 2017, № 7. Available at: <https://es.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/dce-policyresearch-book2-sp-web.pdf> (accessed 10.01.2021).
8. Bizberge A. Políticas de comunicación y convergencia digital en América Latina. Un estudio sobre Argentina, Brasil y México. *Institut Barcelona d'Estudis Internacionals (IBEI)*, 2017, N 53, pp. 1-72.
9. Сергеева И. Л. Трансформация массовой культуры в цифровой среде. *Culture and Civilization*, 2016, Vol. 6, Is. 6A, p. 55-65. [Sergeyeva I. L. Transformatsiya massovoy kultury v tsifrovoy srede [Transformation of mass culture in the digital environment]. *Culture and Civilization*, 2016, Vol. 6, Is. 6A, p. 55-65.
10. Instagram Victoriaruffo Available at: <https://instagram.com/victoria-ruffo?igshid=dq4z7ahsc7r1> (accessed 15.01.2021).
11. Contact us — Latitud 1x1 Ecuador — Supercom. Available at: <http://latitud1x1ec.supercom.gob.ec> (accessed 09.01.2021).
12. Festival «Intimidades extraordinarias» el primer festival online del Corredor de Teatro Latinoamericano. Available at: <https://www.nodal.am/2020/09/intimidades-extraordinarias-el-primer-festival-online-del-corredor-de-teatro-latinoamericano/> (accessed 13.01.2021).
13. Elia M., Cornelio M. Melodrama mexicano en la era de Netflix: algoritmos para la proximidad cultural. *Comunicación y Sociedad*, 2020, e7481, pp. 1-25.
14. Netflix. Cien años de soledad. Series colombianas. Available at: <https://www.netflix.com/ru/title/81087583> (accessed 10.01.2021).
15. Kulesz O. La edición digital en América Latina. *Valor de Cambio. Recuperado*, 2016. Available at: <http://valordecambio.com/11863> (accessed 12.01.2021).
16. Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М., ИЛА РАН, 2019, 279 с. [Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii [Iberoamerica: cultural identity in the age of globalization]. Moscow, ILA RAN, 2019, 279 p.
17. Biblioteca Digital del Patrimonio Iberoamericano. Available at: <http://www.iberoamericadigital.net/es/Inicio/> (accessed 10.01.2021).
18. El listado de las salas, así como el catálogo de películas y la programación en cada país pueden consultarse desde el sitio. Available at: <http://mercosuraudiovisual.org> (accessed 02.01.2021).
19. Museo Larco. Available at: <https://www.museolarco.org/catalogo/> (accessed 03.01.2021).
20. Pinacoteca. Available at: <http://museu.pinacoteca.org.br/en/home-2/> (accessed 06.01.2021).
21. Museo Sarmiento. Available at: <https://museosarmiento.cultura.gob.ar/noticia/coleccion-digital/> (accessed 01.01.2021).

Екатерина Виноградова, Наталья Вагнер

22. Museo Nacional de Bellas Artes. Available at: <https://www.bellasartes.gob.ar/coleccion/> (accessed 04.01.2021).
23. Centro Cultural Recoleta. Available at: <http://www.centroculturalrecoleta.org/> (accessed 01.01.2021).
24. Museo de Arte Latinoamericano de Buenos Aires. Available at: <https://coleccion.malba.org.ar/> (accessed 05.01.2021).
25. Gran Museo del Mundo Maya de Mérida. Available at: <https://www.gran-museodelmundomaya.com.mx/exposiciones/exposiciones-temporales> (accessed 23.01.2021).
26. Sunkel G., Trucco D., Espejo A. La integración de las tecnologías digitales en las escuelas de América Latina y el Caribe. Una mirada multidimensional. *CEPAL*, 2014, Santiago de Chile. Available at: <http://www.coda-jic.org/sites/www.codajic.org/files/LaIntegracionde-lasTecnologiasdigitales.pdf> (accessed 14.01.2021).
27. «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий». Материалы Всероссийской научной конференции (08.10.2020) под ред. С.Ю.Житенёва. М.: Институт Наследия, 2020, 204 с. [Tsifrovizatsiya kul'tury i kul'tura tsifrovoyizatsii: sovremennyye problemy informatsionnykh tekhnologiy [Digitalization of culture and culture of digitalization: modern problems of information technologies]. Materialy Vse-rossiyskoy nauchnoy konferentsii (08.10.2020) pod red. S.YU.Zhitenova. Moscow, Institut Naslediya, 2020, 204 p.

Ekaterina A.Vinogradova (vinogradovacatherine7@gmail.com)
Cand. Sci. (Political Science), associate professor at the Institute of Theatre, Cinema and Television Synergy University
Leningradsky Prospekt 80, Moscow, Russian Federation

Natalia A.Wagner (natalexwagner@gmail.com)
MA in History, Sorbonne University, UNESCO Consultant
France, Paris, 7 place de Fontenoy, 75017.

Digitalization in culture of Latin American countries

Abstract. One of the main features of recent globalization in the 21st Century is the increasing trend for digitalizing economy, political fields, culture and education. Latin American countries are not perceived as global economic players in digital market, but they are major consumers of digital services furnished by the developed countries. Nevertheless, the digital policies of a number of Latin American countries in cultural fields expanded economic and communication opportunities for such industries. This approach permitted to promote regional integration and modernization of some cultural segments, and to create new forms of cultural products. This article covers the impact of digitalization on transformation in culture in Latin America. Based on the analysis of the activities of cultural institutions there were determined the stages of the digital era in Latin American region and there were provided practical recommendations for introducing digital content into the cultural media space.

Key words: Latin America, digitalization, repository, artificial intelligence, gamification, culture, arts, intercultural communication, COVID 19, information and communication technology, globalization.

DOI: 10.31857/S0044748X0013576-2

Received 26.01.2021.

Е.Б.Павлова, С.В.Мазаник

Постколониальный взгляд на локальное знание: *Buen Vivir* vs стрессоустойчивость

Концепции *Buen Vivir* и стрессоустойчивости, сформировавшиеся в ходе глобальных дебатов об альтернативных путях развития и преодоления новых вызовов, построены на принципе важности локальных знаний и опыта как ресурсов для построения таких альтернатив. Однако современная система международных отношений и система знания во многом остаются евроцентричными, что осложняет реализацию вышеназванных концепций. В данной статье выявляется специфика применения концепции *Buen Vivir*, артикулируемой как проявление локального знания, для формирования новых ресурсов стрессоустойчивости, альтернативных современному неолиберальному консенсусу. Данная цель достигается при помощи постколониального аналитического аппарата, особенности которого прояснены в первой части. Затем авторы исследуют логику стрессоустойчивости в рамках глобального дискурса о локальном знании, а также прослеживают тенденции переосмысления *Buen Vivir* в академическом дискурсе. В заключение сделан вывод о проблемности восприятия и переработки локального знания, в частности *Buen Vivir*, как альтернативного пути развития и преодоления вызовов неолиберальной системы.

Ключевые слова: *Buen Vivir*, стрессоустойчивость, локальное знание, постколониальный подход, евроцентризм, альтернативные пути развития.

DOI: 10.31857/S0044748X0014089-6

Статья получена в редакции 25.01.2021.

Во второй половине XX в. проблема деградации окружающей среды и протекающей отсюда угрозы жизни человеку как биологическому виду стала знаковой темой на уровне глобального управления. Причем было уже очевидно, что современная неолиберальная система управления не в состо-

Елена Борисовна Павлова — кандидат политических наук, доцент СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9), старший научный сотрудник Тартуского университета (Ülikooli 18, 50090 Tartu, ESTONIA, elena.pavlova@ut.ee); Сергей Владимирович Мазаник — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, sergeymazanik97@gmail.com).

янии справиться с новыми вызовами, а следовательно, нужен альтернативный путь развития как мирового сообщества, так и отдельных государств и обществ. И если рассуждения об альтернативах в масштабах мировой системы в основном были представлены как часть анти- и альтерглобалистских концепций, то в рамках дебатов о преодолении вызовов на уровне государств внимание было сосредоточено на попытках нового прочтения условно локального знания. Для этого были разработаны и теоретические, и практические рецепты артикуляции и применения данного знания. Так, одной из самых распространенных теоретических установок стала идея стрессоустойчивости, предполагающая, что любая система обладает необходимыми внутренними ресурсами для преодоления вызовов. И хотя в дальнейшем концепция стрессоустойчивости начала применяться, скорее, как принцип политического управления, возникла она в рамках экологических исследований. С практической же точки зрения одной из наиболее активно обсуждаемых стратегий стала концепция *Buen Vivir* и *Vivir Bien*, инкорпорируемая в конституции и законодательство Эквадора и Боливии во второй половине 2000-х годов социалистическими правительствами Рафаэля Корреа (2007—2017 гг.) и Эво Моралеса (2006—2019 гг.). Различные интерпретации этой концепции существуют как в экспертной среде, так и на официальном уровне [1]. Однако ее основное ядро состоит в следующем: жизнь в гармонии с самим собой (вопрос идентичности, в частности возрождения и поддержки идентичности коренных народов), с обществом (вопрос равенства, в том числе применительно к «небелому» населению Эквадора и Боливии) и окружающей средой (вопрос наделения природы правами, а коренных народов — возможностью препятствовать разрушению своей среды обитания от добычи природных ресурсов или строительства) [2]. В основном концепция базировалась на повседневных практиках и навыках выживания, наблюдаемых у коренного населения Латинской Америки. Однако воспринималось это уже как свидетельство безусловной стрессоустойчивости коренных народов и потенциально как ресурс поддержания и развития стрессоустойчивости человеческих обществ (в том числе не относящихся к коренным народам) во всем мире.

Обе концепции получили широкое распространение в научном мире. Более того, уже существуют проекты, объединяющие эти две линии построения нового мира [3]. Однако если на первых порах *Buen Vivir* считалась важным примером применения локального знания как базы для обеспечения успешного будущего человечества и создания новых альтернативных путей развития общества, то сейчас энтузиазм ученых в отношении *Buen Vivir* сменился разочарованием. Стало очевидно, что, несмотря на кажущуюся оригинальность концепции, существует целый ряд онтологических и гносеологических проблем, преодолеть которые современное знание не в состоянии. Те же проблемы связаны и с логикой применения стрессоустойчивости. Евроцентричность современной системы международных отношений и системы знаний продолжает воспроизводиться, а разрыва с характерным для периода европейского колониализма подходом, согласно которому все локальное провозглашалось отсталым и находящимся в подчиненном положении по отношению ко всему западному, будь то знания, общественное устройство или экономические отношения, не

происходит. В данной статье, опираясь на постколониальный подход к изучению политического, мы постараемся прояснить эту проблему. Следовательно, цель данной статьи — продемонстрировать, в чем состоит проблемность применения концепции *Buen Vivir*, артикулируемой как проявление локального знания, для формирования новых ресурсов стрессоустойчивости, альтернативных современному неолиберальному консенсусу.

В теории мы будем опираться на аналитический аппарат, разработанный в рамках постколониальных исследований, который будет подробно представлен в следующей части работы. Теоретический характер данной статьи предусматривает, что вначале мы кратко изложим логику применения постколониального подхода, что позволит нам объяснить, что такое локальное знание вообще и как оно формируется. Далее будут приведены основные положения концепции стрессоустойчивости и ее роль в глобальном дискурсе о локальном знании (т.е. о знании коренных народов). Затем при помощи дискурс-анализа мы продемонстрируем, каким образом в академическом сообществе рассматривалась концепция *Buen Vivir*, где фокус постепенно смещался с самих идей, ее составляющих, на западный инструментарий и систему знаний, в рамках которых она формируется. В заключение мы представим выводы о проблемах имплементации локального знания, в частности *Buen Vivir*, как альтернативного пути развития и потенциального источника стрессоустойчивости отдельных обществ.

ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В РАМКАХ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Постколониальная теория, — писал Джулиан Го, — это не теория в чистом виде, а «особый способ увидеть социальный мир», сродни марксизму, но с заменой капитализма на колониальные отношения и имперское наследие, то есть речь идет о системе знаний, исходящей из культуры имперскости, где вся система гуманизма отражает допущения и исключения» [4, с. 186]. Таким образом, в фокусе исследований — система знаний, не просто унаследованная от колониального периода взаимоотношений, а сохраняющая все ту же логику взаимодействия.

Итак, зародившиеся в Европе идеи рационального мышления и Просвещения, а также концепции модернизации и прогресса как правильных сценариев развития общественных систем предопределяли взгляд колонизаторов на положение дел в колониях. Местное население воспринималось как отсталое, а его мировоззрения, знания и опыт — как иррациональные заблуждения [5, сс. 16, 320-321]. Это закрепляло подчиненность колонизированных по отношению к колонизаторам и приводило европейцев к миссионерской мысли об оправданности и необходимости распространения среди завоеванных народов европейских идей и ценностей, своих систем знания, мыслимых как истинные [6], [7, с. 260]. В этом контексте мы можем выделить два важных тезиса. Первый: европейские концепции и ценности, основанные на рациональности, научности и универсальности прогресса, будучи до начала колониального передела мира тоже своего рода локальным знанием, благодаря расширению колониальных, а в дальнейшем — и неоколониальных отношений на всем земном шаре приобрели

глобальный характер и стали доминирующей системой знания в мире. Второй: на фоне цивилизаторской миссии колонизаторов, распространявших европейское мировоззрение среди колонизированных, последние, подвергаясь экономической эксплуатации, утрачивали возможность заявить о своих правах и проблемах, не используя язык и категории, понятные колонизаторам, и становились субалтернами, т.е. угнетенными, лишенными голоса. Это означает, что, когда угнетенный пытается отстаивать свои права, он неизбежно пользуется нормативными установками и логикой рассуждения, которые задаются колонизатором, и, соответственно, остается в пределах той же колониальной системы в качестве зависимого субъекта [8, с. 167]. В результате угнетение воплощается не только в сфере материальных отношений, но и в системе знания, через которую и осуществляется власть.

Однако с самого начала в постколониальных исследованиях отмечалось, что колониальные отношения предполагают не одностороннее воздействие колонизаторов на колонизированных [9]: последние также влияют на идентичность, политику и поведение первых. Вместе с тем это обоюдное влияние не способствует избавлению угнетенных от своего статуса в рамках имеющейся колониальной иерархии. Требования колонизированных могут привести к формулированию их потенциальной субъектности. Однако их заявления о своем освобождении, сделанные в пределах нормативной и ценностной системы колонизаторов, на их языке, будут и дальше фиксировать подчиненное положение колонизированных. Соответственно, обращаясь к локальному опыту, Запад тем самым, на первый взгляд, его легитимирует и, как может показаться, приравнивает к западным стандартам развития и усиления стрессоустойчивости, однако в действительности это не совсем так.

В ситуации колониальных и постколониальных отношений западные нормы творчески переосмысливаются, встраиваясь в локальные системы знания и меняя их [10]. В результате этого, согласно постколониальной теории Хоми Бабе, формируются гибриды [11, с. 162]. Рассуждая о природе гибридности, Х.Баба делает два вывода. Во-первых, эссенциалистское восприятие культур как изолированных друг от друга, не изменяющихся во времени систем неверно. (Это справедливо и в отношении локальных культур, культур коренных народов.) Во-вторых, после встречи локальной культуры с культурой колонизаторов локальное, стремясь сохраниться в новых условиях, пытается адаптироваться, мимикрируя под колонизатора [11]. Однако мимикрия всегда двойственна: стремясь максимально приблизить колонизированного к колонизатору, она тем не менее «непрерывно создает эффекты смещения, избыточности, различия», а ее результатом становится «почти полное, но неполное сходство» [12].

Таким образом, все попытки создания локальных альтернативных проектов развития, основанных на критическом отношении к глобальному неолиберальному мейнстриму, тесно связаны с колониальным опытом и колониальной историей конкретных обществ [13, с. 300]. Именно поэтому альтернативные концепции развития (или даже развитию), конструируемые на основе «локальных» знаний и практик, неизбежно содержат в себе на уровне инструментария западную мысль. Иными словами, восхваление «локальных» знаний и практик западным сообществом как ресурсов бес-

печения стрессоустойчивости — это отчасти восхваление самого себя, вернее, того отражения себя, своей системы знаний, принципов мышления и деятельности, которые обнаруживаются в антимодернистских и антидевелопменталистских изысканиях — как в теории, так и на практике — в постколониальных обществах. При этом в борьбе с дискурсивной гегемонией Запада происходит важная трансформация постколониальной гибридной субъектности. Суть этой трансформации состоит не в выдвижении повестки, диаметрально противоположной неолиберальным концепциям развития, а в укоренении своих идей в уже существующих в рамках господствующего глобального дискурса нормах [14, сс. 381-382]. Эта ограниченность свободы действий в отношении генерирования альтернативных путей развития и критики неолиберального мирового порядка, в свою очередь, составляет основу стрессоустойчивости системы глобального неолиберализма [15, сс. 209-212].

ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ КАК РЕСУРС СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Проблема координации экономического развития с состоянием окружающей среды стоит на повестке дня мирового сообщества уже не одно десятилетие: традиционно начало обсуждения этой проблематики соотносят с докладом «Римского клуба» [16] и Конференцией ООН по проблемам окружающей среды [17] 1972 г. На фоне этих дискуссий постепенно сформировалась концепция устойчивого развития, инкорпорированная ныне в 17 Целей устойчивого развития, принятых ООН в 2015 г., и предполагающая реализацию на глобальном уровне мер по достижению социального благополучия и равенства в контексте всеобщей работы, связанной с изменениями климата, и адаптации к ним [18]. Однако осмысление проблематики связи экономического развития и окружающей среды, выраженной в тезисе о том, что «бесконечный [экономический] рост на конечной планете невозможен» [18], и путей подготовки обществ к различным вызовам, в том числе связанных с их средой обитания, требовало наличия некой концептуальной и теоретической основы. Таковой стала концепция стрессоустойчивости.

Понятие «стрессоустойчивость» было сформулировано в 1973 г. канадским экологом Кроуфордом Холлингом, который определил стрессоустойчивость как «меру стойкости систем и их способности поглощать изменения и нарушения и тем не менее поддерживать прежние связи между популяциями или переменными состояниями» [19]. В дальнейшем акцент в исследовании стрессоустойчивости сместился с экологической повестки на человеческие общества как системы, причем их стрессоустойчивость понималась в сходном ключе, т.е. как имманентное качество социальной системы, которое позволяет ей абсорбировать шоки и сохранять свою функциональность. Соответственно, разумной тактикой становится не борьба с вызовами и угрозами среде или их предупреждение, а способность приспосабливаться к ним. В рамках же мировой неолиберальной системы это означает, что защита деградирующей среды обитания человека и остальных живых существ от неконтролируемого экономического роста и потребления гарантируется продвижением стрессоустойчивых практик, основанных на экономическом мышлении и прин-

циях рыночной экономики (как, например, необходимость в конкуренции), в человеческих обществах во всем мире.

Однако вопрос, какие именно практики могут стать новым ресурсом стрессоустойчивости, оставался открытым. Глубокое разочарование от повторяющихся кризисов, порождаемых внутри системы глобального капитализма, увеличивающегося социального неравенства и неравенства доходов, а также повсеместно наблюдаемых признаков деградации среды обитания человека привело к новому витку дискуссии о потенциальных альтернативах. Как институты глобального управления, так и западные страны постепенно стали обращать внимание на местные практики и локальное знание, носителями которых признается коренное население в разных частях света. Эта тенденция уходит своими корнями по меньшей мере в 1990-е годы, когда на уровне ООН и Всемирного банка (ВБ) впервые в глобальном контексте прозвучали призывы защищать и продвигать знание коренных народов [20], [21, с. iv]. На современном же этапе наиболее красноречиво этот интерес к локальному выражен в подготовленном в 2017 г. под эгидой ЮНЕСКО докладе «Местные знания, глобальные цели», где знания коренных народов провозглашаются важным источником стабильности и стрессоустойчивости [22]. Иными словами, коренное население мыслится как неизменно стрессоустойчивое, «способное жить в состоянии постоянного кризиса» [7]. Именно поэтому интерес к локальному знанию и практикам по поддержанию стрессоустойчивости коренного населения объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, потребность в локальных рецептах повышения уровня подготовленности к новым вызовам и угрозам предполагает возможность экстраполяции локального опыта либо в другие регионы, либо его продвижения в глобальном масштабе. С другой стороны, само коренное население также страдает от климатических изменений и вызываемых ими угроз жизни человеческих обществ, поэтому важными задачами институтов глобального управления становятся аккумуляция локального опыта и обучение на его основе стрессоустойчивости самих же локальных сообществ [23].

Призывы применять локальный опыт и знание для предупреждения и преодоления кризисных ситуаций и, как следствие, повышения стрессоустойчивости в разных уголках мира зазвучали со многих международных трибун. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала систему усиления и оценки стрессоустойчивости (в том числе на индивидуальном и локальном уровнях) как элемента своих гуманитарных программ в третьих странах [24, сс. 64-65]. В контексте же гуманитарной помощи и программ развития стрессоустойчивость изучали и в Евросоюзе [25]. Акцент при этом делался на локальные структуры и практики как ресурс усиления стрессоустойчивости местных сообществ (стрессоустойчивость виделась присущей им).

Однако такой подход к локальной стрессоустойчивости вызвал серьезную критику, причем формулируемую именно с постколониальных позиций. Основная претензия состояла в том, что восприятие коренного населения как априори стрессоустойчивого формировало убеждение, что «коренные народы обязаны приспособляться» [23]. При этом сами проблемы местных сообществ предполагалось осмыслять и разрешать при помо-

щи неолиберального инструментария, не способного в полной степени учитывать потребности местного населения [26]. Кроме того отмечалось, что суть программ международных организаций по усилению местной стрессоустойчивости — культивирование среди людей подготовленности к будущему, безальтернативно осознаваемому как «цикл катастроф и восстановлений после них». Тем самым происходила «колонизация воображения» и маргинализация других видений будущего, а местные сообщества, культивируя у себя такое восприятие стрессоустойчивости, смирялись с тем, что мировая неолиберальная экономическая система будет продолжать их эксплуатировать [27]. Таким образом, неолиберальное представление о стрессоустойчивости и ее ресурсах, продвигаемое западными акторами в не-западных обществах, оказалось, по справедливому замечанию Джулиана Рейда, «причастно к колониальной власти и неолиберальной эксплуатации» местного населения [7].

В результате инструментализация локального опыта и знаний в качестве новых ресурсов стрессоустойчивости оказалась трудноосуществимой. С одной стороны, прочтение и интерпретация локального знания осуществлялись сквозь призму логики стрессоустойчивости, которая является порождением западной интеллектуальной мысли. С другой — включение этого локального знания происходило в рамках все той же неолиберальной линии управления. Очевидным стало и то, что любые местные практики, эффективные для преодоления вызовов локальной системы, не подходят для разрешения проблем, возникающих в рамках других систем, а значит, не ведут к построению альтернативного неолиберализму пути.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О *BUEN VIVIR*: ОТ ВОСТОРГА К РАЗОЧАРОВАНИЮ

Сложности развития стран Латинской Америки в XX и начале XXI вв., состоявшие в социальном и экономическом расслоении и системной маргинализации «небелого» коренного населения, экстрактивистском характере экономики и разрушении окружающей среды [28], а также в неудачном опыте рыночных реформ в духе «Вашингтонского консенсуса» [29, сс. 121-142], стали благотворной почвой для попыток сформировать и воплотить в жизнь альтернативные концепции развития местных обществ. Связанные с этим дискуссии латиноамериканских интеллектуалов вращались вокруг необходимости обратиться к локальным знаниям и практикам автохтонного («индейского») населения и использовать их для построения модели ответственного устройства, альтернативной продвигаемой западными и глобальными институтами идеологии девелопментализма. Концентрированным выражением этих дебатов стала концепция *Buen vivir*. Основой для нее послужили различные этнографические и антропологические исследования среди народов кечуа и аймара, раскрывавшие как космогонические представления андских народов, так и повседневные практики сельской общины [30], в рамках которых утверждалось, что человеческие сообщества должны выстраивать свою жизнь, исходя из природных циклов воспроизводства и регенерации [31].

Инструментализация концепции *Buen Vivir* левыми правительствами Эквадора и Боливии вызвала большой интерес академического сообщества.

Объяснялось это, в первую очередь, восприятием происходящего в качестве начала действительной деколонизации внутри стран и пути к улучшению положения коренного населения [32]. Убежденность в конечном успехе этих процессов подпитывалась идеей связи *Buen Vivir* с мировоззренческими концепциями и принципами жизни местных народов, по определению не придерживающихся европейских представлений о прогрессе вообще [33], а также характерных для западной онтологии субъект-объектных отношений, будь то дихотомии природа — общество или угнетенные — угнетатели [34]. Таким образом, принципиальное значение придавалось переходу от антропоцентризма к биоцентризму [35], что должно было найти воплощение в позиционировании человеческих обществ как неотъемлемой части окружающей среды. При этом природа и коренные народы в рамках политики *Buen Vivir* были представлены как части одного целого, систематически подвергавшегося эксплуатации и угнетению, а значит, деколонизация должна была в равной степени охватывать оба этих элемента [36]. Отмечалась и уникальность мировоззрения андских народов, состоящая в том, что эти народы исторически «не были полностью поглощены капиталистической современностью или решили держаться на ее окраине» [37]. При этом признавалось, что локальные практики и знания «долгое время были скрыты и поработаны» [38], соответственно, задача государства — восстановить и вновь сделать их видимыми.

Однако зададимся вопросом: в какой мере концепция *Buen Vivir* опиралась исключительно на локальные системы знания? С одной стороны, отмечалась прямая преемственность между *Buen Vivir* и знаниями коренных народов [38], благодаря чему она порывала с гегемонистским западным дискурсом. С другой — отрицалось, что данная концепция представляет собой чистое знание предков [39] и намерение «возврата в прошлое или к исконному мистицизму» [38]. Напротив, *Buen Vivir* рассматривалась в качестве площадки для конструктивного диалога между знанием предков андских народов и «наиболее передовой универсальной мыслью» [40], среди элементов которой назывались идеи из марксизма, феминизма, экологизма (например, концепции *deep ecology* и *degrowth*) и прочих по определению западных концепций [33], [41], [42]. Некоторая универсальность виделась и в том, что концепция *sumak kawsay*, лежащая в основе *Buen Vivir*, в том или ином виде осознавалась и практиковалась многими коренными народами в разные периоды в разных частях света [34]. Это указывает еще на одну черту *Buen Vivir*, позитивно оцененную в исследовательской среде, — уважение культурного многообразия [43].

Тем самым *Buen Vivir* позиционировалась как своего рода рамочный проект, который должен вобрать в себя лучшие идеи по созданию альтернатив господствующему западному неолиберальному порядку. В этом контексте любопытным представляется восприятие капитализма и неолиберализма. Признавая готовность инкорпорировать в *Buen Vivir* достижения модернизации и технологии, разработанные в рамках капиталистического производства, эксперты предлагали стремиться к многоукладной экономике [44, сс. 130-132] и бороться с сопутствующей неолиберализму дедемократизацией [40]. Последняя проявляется в замене коллективного, справедливого процесса принятия решений, в рамках которого учитывается

весь спектр мнений и чаяний, техническими процедурами, когда о правильности того или иного решения судят, исходя из логики эконометрических, рыночных показателей, действуя императивно и игнорируя личностные аспекты восприятия этих решений людьми на низовом уровне. Ответом на это в контексте *Buen Vivir* становилось создание механизмов управления, которые не формируют, не контролируют и не дисциплинируют общество, а отражают естественные, объективно существующие формы организации жизни [44, с. 127]. В связи с этим эксперты приветствовали расширительную трактовку народовластия в Конституции Боливии 2009 г. в духе *Buen Vivir* [45]. Представительная демократия дополнялась концепциями партисипаторной и общинной демократии, способными увеличить политический вес коренных народов, предоставив им возможность самим решать ряд вопросов на общинном уровне и стать более активными на уровне национальном.

Таким образом, в рамках изначально весьма позитивного восприятия *Buen Vivir*, разделяемого исследователями не только из Латинской Америки, но и других частей света, выделялось несколько сильных сторон данной концепции. Основной аргумент заключался в том, что *Buen Vivir* — это проект, способный осуществить подлинную деколонизацию знания, а вслед за этим — и политических, и экономических отношений в Эквадоре и Боливии, а также, что немаловажно, способов управления. В качестве главной цели этого процесса рассматривалась эмансипация коренного населения данных стран, их включение в общественно-политическую жизнь на равных с креольским и метисизированным населением. Источниками деколонизационного потенциала *Buen Vivir* виделись опора на коммунитарные принципы жизни и традиции андских коренных народов, не затронутые вовсе или минимально затронутые европейским колониализмом и глобальным капитализмом, а также способность этой концепции вбирать в себя знания и практики из любых других прогрессивных антигегемонистских концепций, пусть даже и западных. Тем не менее сложности и непоследовательность практической реализации политики *Buen Vivir* постепенно заставили академическое сообщество выработать критическое отношение к данной концепции. Примечательно здесь и то, что, если среди апологетов *Buen Vivir* мы видим экспертов — представителей «белой» элиты латиноамериканских стран, то ряды критиков включают в себя исследователей — выходцев из среды коренных андских народов, а также западных ученых.

Главный критический посыл заключается в том, что *Buen Vivir* на самом деле не способна запустить процесс деколонизации и улучшить жизнь местных народов в эквадорском и боливийском обществах [46]. Причина этого — обобщенное и упрощенное восприятие коренных народов, в рамках которого упускаются из виду как различия в их мировоззрениях и социально-экономическом положении, так и властная иерархия, существующая между ними. Формирование последней, как продемонстрировал английский антрополог Эндрю Канесса на примере Боливии в период правления Эво Моралеса, становится неизбежным в условиях, когда государство использует концепцию коренного происхождения, индигенности (*indigeneity*) в качестве основы для построения национальной идеологии и нового типа гражданства [47], которые должны охватить как можно большее число жителей страны [48]. Такая политика сводится не к учету всего

разнообразия «форм организации жизни», в том числе общественной, а к искусственно создаваемому и навязываемому правительственными органами образу того, что значит быть представителем коренного народа. Важно отметить, что речь идет не только о вопросах самоидентификации и предвзятости восприятия одними коренными группами других, но также и об имущественных и политических правах и привилегиях, которые дает государственная политика поддержки индигенности [48]. Соответственно, против того, кто по каким-то причинам не попадает в эти искусственные рамки индигенности или не может к ним апеллировать ради защиты своих интересов, действуют колониальные механизмы социального исключения и маргинализации.

Сами же коренные народы продолжают играть символическую роль, а главенствующую позицию во власти и управлении по-прежнему занимают «белые» элиты, которые и объясняют коренному населению, что значит быть коренным населением [49], [50]. Данные обстоятельства являются причиной низкого уровня понимания и поддержки идеологии *Buen Vivir* со стороны коренных групп, которым с бытовой точки зрения чужды правительственные конструкты о принципах жизни в гармонии с природой и обществом [51], [52]. Однако желание получить выгоду для себя подталкивает людей мимикрировать под искусственно созданный образ коренного населения, что соответствует колониальной модели управления. При этом становится все очевиднее, что любые попытки перенести практики *Buen Vivir* в систему городской современной жизни неизменно терпят крах [53]. Логика сосуществования бедных общин в сельской местности по определению не может стать основой жизни людей в городах [54].

Кроме того, на практике политика в духе *Buen Vivir* и в Боливии, и в Эквадоре осуществляется, как утверждает антрополог Йоханнес Вальдмюллер, в «централизованном, иерархическом и технократическом» духе [55], что, в свою очередь, не увеличивает степень демократичности управления. Признание и законодательная поддержка общинной демократии и правосудия на практике оборачиваются ограничением полномочий институтов общинного правосудия и их подчинением государственной власти, что усугубляет неповоротливость государственной системы и снижает полезность этих институтов для людей [56]. Как показала Кэтрин Уолш на примере Эквадора, Национальный план по реализации *Buen Vivir* за 2009—2013 гг. содержит много параллелей с программами устойчивого развития как с точки зрения тематических блоков, так и с точки зрения эконометрических критериев оценки реализации плана [57]. Иными словами, рамочный характер концепции, вобравшей в себя как на уровне теоретических дебатов, так и в контексте управления идеи и инструменты господствующего неолиберального дискурса, предопределил, что *Buen Vivir* — это, конечно же, не чистое локальное знание, а гибрид.

Таким образом, положительные отзывы в академическом сообществе о *Buen Vivir* постепенно сменились критическими оценками и разочарованием, причем не только в Латинской Америке, но и на Западе. Такая реакция была вызвана тем, что *Buen Vivir*, вопреки изначальным планам, не работал как проект по деколонизации, дерегулированию и улучшению положения коренных народов. Формируемая в рамках западного инструментария по-

литика *Buen Vivir*, скорее, воспроизводит постколониальное восприятие коренного населения как носителя воображаемой мудрости предков и колониальные же модели управления и подчинения. При этом, несмотря на падение энтузиазма в отношении данной концепции в академическом сообществе, *Buen Vivir* сохраняется в качестве политической категории и инструмента управления.

ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ — НОВЫЕ РЕСУРСЫ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ?

В период колониализма для европейского и западного восприятия коренных народов был характерен воспетый Жан-Жаком Руссо образ *noble savage* («благородного дикаря»), хранителя потаенного знания предков, который сопротивляется современной развращающей цивилизации. Будучи концентрированным выражением культурного эссенциализма и колониального восприятия других народов, этот образ, несмотря на критические оценки в антропологии и социальных науках вообще, дожил до сегодняшнего дня. Известный американский антрополог Орин Старн в начале 1990-х годов, говоря о феномене андеанизма в среде специалистов по народам Южной Америки, подчеркивал: профессиональные антропологи продолжали культивировать романтизированное и потому имеющее мало общего с действительностью представление об андских коренных народах, которые, дескать, благодаря своей географической изолированности в неизменном виде с доколумбовых времен сохраняли концепции и практики своих предков [58]. Эта критическая мысль была сформулирована задолго до того, как *Buen Vivir* стала частью внутривнутриполитической дискуссии и политическим инструментом в Эквадоре и Боливии; однако в ходе артикуляции и развития этой концепции обнаруживается та же самая закономерность, которую отметил О.Старн: создатели *Buen Vivir* ищут оригинальные сценарии развития в локальных знаниях и практиках «благородных дикарей», или, точнее говоря, в собственном восприятии коренного населения. И если о механизме такой интерпретации в целом было известно давно, то апробированный нами постколониальный взгляд на эту проблематику позволил получить наиболее полную картину того, как сформулированное в западных традициях локальное знание андских народов становится политическим инструментом и в этом качестве способствует не деколонизации управления и восприятия, а, напротив, приводит к закреплению колониальных моделей управления и паттернов мышления.

Итак, наше исследование обозначило серьезную проблему в выявлении локального знания вообще. Постколониальные исследования доказывают, что чистого локального, неевропейского знания на сегодняшний день не может существовать. Все «локальные» практики стрессоустойчивости, о существовании которых говорит Запад (в том числе и *Buen Vivir*), есть не что иное, как гибриды, т.е. результат контакта западных и не-западных культур в прошлом и в настоящем. Проблема в том, что, с одной стороны, локальное традиционное знание андских коренных народов воспринимается эссенциалистски, т.е. как нечто косное и дошедшее до наших дней неизменном виде, что само по себе ставится под сомнение. С другой — сам

процесс артикуляции этого знания как в академическом, так и в политическом дискурсе происходит в рамках западной системы знания и управления. Такая ситуация пока неизбежна. Как отмечают исследователи колониализма Джон Бриггс и Джоан Шарп, «жизнь угнетенных [чтобы быть понятой на Западе] должна быть переведена на язык науки, развития и философии, в которых доминируют западные концепции и языки» [59, с. 665]. А это означает, что *Buen Vivir* как политическую концепцию мы можем рассматривать лишь как гибрид, вобравший в себя не просто заимствования примерно из 30 других концепций развития [1], но и формирующийся в результате постоянного взаимодействия условных колонизаторов и колонизированных. Недаром многие ученые стали говорить об этой концепции как о площадке для конструктивного диалога, как было указано выше. Однако проблема в том, что в таком виде *Buen Vivir* не столько альтернатива, сколько просто одна из вариаций внутри все того же неолиберализма, где производство свобод — важная часть развития. Дискуссия о поиске стрессоустойчивости через локальное знание здесь является одним из путей инкорпорирования *Buen Vivir* и подобных ей концепций в неолиберальный гегемонистский дискурс и поддержки все тех же институтов глобального управления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Hidalgo-Capitán A. L., Cubillo-Guevara A. P., Deconstruction and genealogy of Latin American good living (Buen Vivir). The (triune) good living and its diverse intellectual well-springs. *Alternative pathways to sustainable development: Lessons from Latin America*, Brill Nijhoff, 2017, pp. 23-50.
2. Hidalgo-Capitán, A. L., A. P. Cubillo-Guevara. La Trinidad del Buen Vivir en Ecuador. 14.09.2015. Available at: <http://www.politicaexterior.com/latinoamerica-analisis/la-trinidad-del-buen-vivir-en-ecuador/> (accessed 10.01.2021).
3. Programa “Aumento de la resiliencia frente al cambio climático a través de la protección y el uso sostenible de ecosistemas frágiles – ProCamBío II. Factsheet. Available at: https://www.bivica.org/files/procambio-giz_Ecuador.pdf (accessed 10.01.2021).
4. Estrategias para la resiliencia local. Transiciones hacia la el decrecimiento y el Buen Vivir. Solidaridad Internacional Andalucía. Available at: <https://epd.caongd.org/wp-content/uploads/2018/09/estrategias-para-la-resiliencia-local-1.pdf> (accessed 10.01.2021).
5. Go J. Postcolonial thought and social theory. Oxford University Press, 2016, 249 p.
6. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции востока. СПб, Русский мир, 2016, 640 с. [E. Said. Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Concepts of the Orient]. Saint Petersburg, Russkiy mir, 2016, 640 p.
7. Jackson T. Postcolonialism and organizational knowledge in the wake of China's presence in Africa: interrogating South-South relations. *Organization*, 2012, vol. 19, N 2, pp. 181-204. Available at: https://www.researchgate.net/publication/258173787_Postcolonialism_and_organizational_knowledge_in_the_wake_of_China's_presence_in_Africa_Interrogating_South-South_relations (accessed 01.12.2020).
8. Reid J. “We the resilient”: colonizing indigeneity in the era of Trump. *Resilience*, 2019, vol. 7, N 3, pp. 255-270. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21693293.2019.1605662> (accessed 28.11.2020); <https://doi.org/10.1080/21693293.2019.1605662>.
9. Spivak G. C. A critique of postcolonial reason: Toward a history of the vanishing present. Harvard university press, 1999, 449 p. Available at: <https://doi.org/10.2307/j.ctvj5f541>.
10. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. *Новое литературное обозрение*, 2020, № 1. [Fanon F. Chernaya kozha, belye maski [Black skin, white masks]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, N 1. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/ (accessed 28.11.2020) (In Russ.).

10. Draude A. Translation in motion: a concept's journey towards norm diffusion studies. *Third World Thematics: A TWQ Journal*, 2017, vol. 2, N 5, pp. 588-605. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/23802014.2017.1436984?needAccess=true> (accessed 3.12.2020); <https://doi.org/10.1080/23802014.2017.1436984>.
11. Бхабха Х. Местонахождение культуры. *Перекрестки*, 2005, № 3-4, сс. 161-192. [Bhabha H. Mestonakhozhdenie kultury [The Location of Culture]. *Perekryostki*, N 3-4, pp. 161-192. Available at: https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/10/CrossRoad_3-4_2005.pdf (accessed: 28.11.2020) (In Russ.).]
12. Баба Х. Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса. *Новое литературное обозрение*, 2020, № 1. [Bhabha H. Mimicriya I chelovek. Dvoistvennost' kolonial'nogo diskursa [Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, N 1. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21970/ (accessed: 23.11.2020).
13. Epstein C. The postcolonial perspective: an introduction. *IT*, 2014, vol. 6, pp. 294-311. doi:10.1017/S1752971914000219.
14. Jabri V. Disarming norms: postcolonial agency and the constitution of the international. *IT*, 2014, vol. 6, pp. 372-390. doi:10.1017/S1752971914000177.
15. Павлова Е. Б., Тулупов Д. С. Стрессоустойчивость неолиберального мирового порядка и БРИКС (на примере Бразилии). *Концепция стрессоустойчивости Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России. Коллективная монография*. Под ред. Романовой Т. А. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019, сс. 208-221. [Pavlova E.B., Tulupov D.S. Stressoustoychivost' neoliberal'nogo mirovogo poryadka i BRICS (na primere Brazili) [Resilience of the neoliberal world order and BRICS (an example of Brazil)]. *Kontseptsiya stressoustoychivosti Evropeyskogo soyuza: artikulatsiya i ee posledstviya dlya Rossii. Kollektivnaya monografiya* [The EU's resilience concept: articulation and its consequences for Russia]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publishing House, 2019, pp. 208-221.
16. Limits to Growth. Available at: https://collections.dartmouth.edu/texts/meadows/diplomatic/meadows_ltg-diplomatic.html#pg-17 (accessed 20.11.2020).
17. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды человека. Стокгольм, 1972 г. [Deklaratsiya Konferentsii Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy po problemam okruzhayushchey sredy cheloveka [Declaration of the UN Conference on the Human Environment]. Stockholm, 1972. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (accessed 20.11.2020) (In Russ.).]
18. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf> (accessed 12.11.2020).
19. Holling C. S. Resilience and stability of ecological systems. *Annual review of ecology and systematics*, 1973, vol. 4, N 1, pp. 1-23. Available at: <https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.es.04.11.0173.000245> (accessed 30.09.2020); <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245>.
20. Declaration on science and the use of scientific knowledge. Text adopted by the World Conference on Science 1 July 1999. Definitive version. Available at: http://www.unesco.org/science/wcs/eng/declaration_e.htm (accessed 05.12.2020).
21. Indigenous Knowledge for Development. A Framework for Action. World Bank, 1998. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/388381468741607213/pdf/multi-page.pdf> (accessed 05.12.2020).
22. "Local Knowledges. Global Goals". UNESCO. Available at: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/ILK_ex_publication_E.pdf (accessed 12.11.2020).
23. Lindroth M., Sinevaara-Niskanen H. Colonialism invigorated? The manufacture of resilient indigeneity. *Resilience*, 2019, vol. 7, N 3, pp. 240-254. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/21693293.2019.1601860?needAccess=true> (accessed 02.12.2020); <https://doi.org/10.1080/21693293.2019.1601860>.
24. Трещенков Е. Ю. Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 2019, T. 14, № 1, сс. 55-75. [Treshchenkov E. Yu. Stressoustoychivost' (resilience) v diskursakh Evropeyskogo soyuza i mezhhdunarodnykh organizatsiy [Resilience in the discourses of the EU and international organizations]. *Vestnik mezhhdunarodnykh organizatsiy*

zatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika, 2019, vol. 14, N 1, pp. 55-75. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-04> (In Russ.).

25. Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council. The EU Approach to Resilience: Learning From Food Security Crises. Communication to the European Parliament and the Council. Brussels, 3 October 2012, COM(2012)586final. Available at: https://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/thematic/resilience_africa_en.pdf (accessed 15.01.2021).

26. Thiede B. Resilience and development among ultra-poor households in rural Ethiopia. *Resilience*, 2016, vol. 4, N 1, pp. 1-13. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/21693293.2015.1094166?needAccess=true> (accessed 20.12.2020); <https://doi.org/10.1080/21693293.2015.1094166>.

27. Bracke S. Is the subaltern resilient? Notes on agency and neoliberal subjects. *Cultural Studies*, 2016, vol. 30, N 5, pp. 839-855. <https://doi.org/10.1080/09502386.2016.1168115>.

28. Шинкаренко А. А. Эквадор на пути к постэкстрактивистской реальности. *Латинская Америка*, 2019, № 3, сс. 38-49. [Shinkarenko A. A. Ekvador na puti k postekstraktivistskoy real'nosti [Ecuador on its way to the post-extractivist reality]. *Latinskaya Amerika*, 2019, N 3, pp. 39-49 (In Russ.).

29. Panizza F. Contemporary Latin America: development and democracy beyond the Washington consensus. Zed Books Ltd., 2013, 312 p.

30. Павлова Е. Б. Концепции «хорошей жизни» в Боливии и Эквадоре: расцвет и упадок нормативной силы. *Латинская Америка*, 2016, № 3, сс. 22-31. [Pavlova E. B. Kontseptsii 'khoroshey zhizni' v Bolivii i Ekvadore: rastsvet i upadok normativnoy sily [Concepts of Good Living in Bolivia and Ecuador: the Rise and Fall of the Normative Power]. *Latinskaya Amerika*, 2016, N 3, pp. 22-31. (In Russ.).

31. Ramírez-Cendrero J. M., García S., Santillán A. Sumak kawsay in Ecuador: The role of communitarian economy and the experience of the rural communities in Sarayaku (Ecuadorian Amazonia). *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 53, pp. 111-121. Available at: <https://daneshyari.com/article/preview/6459988.pdf> (accessed 15.01.2021).

32. Acosta A. El Buen Vivir como alternativa al desarrollo. *Revista Política y Sociedad*, 2015, vol. 52, N 2, pp. 299-330. Available at: https://www.researchgate.net/publication/281403295_El_Buen_Vivir_como_alternativa_al_desarrollo_Algunas_reflexiones_economicas_y_no_tan_economicas (accessed 8.01.2021); Воротникова Т. А. Кому в Эквадоре "жить хорошо"? Социальные реформы и Buen Vivir. *Международная жизнь*, 2019, № 1, сс. 119-132. [Vorotnikova T. A. Komu v Ekvadore 'zhit' khorosho'? Sotsial'nye reformy i Buen Vivir [Who is 'Living Well' in Ecuador? Social reforms and Buen Vivir]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2019, N 1, pp. 119-132. (In Russ.).

33. Acosta A. El Buen (con) Vivir, una utopía por (re)construir. *Revista de Ciencias Sociales*, 2011, vol. 6, N 1, pp. 35-67. Available at: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/18066/1/OBETS_06_01_03.pdf (accessed 10.01.2021).

34. Acosta A. Construir el buen vivir – sumak kawsay. *Lalineadefuego.info*, 08.01.2013. Available at: <https://lalineadefuego.info/2013/01/08/construir-el-buen-vivir-sumak-kawsay-por-alberto-acosta/> (accessed 7.01.2021).

35. Escobar A. Una minga para el posdesarrollo. *Signo y Pensamiento*, 2011, vol. XXX, núm. 58, pp. 306-312. Available at: <https://www.redalyc.org/pdf/860/86020038022.pdf> (accessed 7.01.2021).

36. Gudynas E. La ecología política del giro biocéntrico en la nueva Constitución de Ecuador. *Revista de Estudios Sociales*, 2009, N 32. Available at: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/16260> (accessed 12.12.2020).

37. Gudynas E. La dimensión ecológica del Buen Vivir: entre el fantasma de la modernidad y el desafío biocéntrico. *Obets*, 2009, N 4, pp. 49-53. Available at: <http://nossacasa.net/nossosriachos/agroecologia/wp-content/uploads/sites/9/2018/03/2009Gudynas-Buen-Vivir-Biocentrismo.pdf> (accessed 29.12.2020).

38. Gudynas E., Acosta A. La renovación de la crítica al desarrollo y el Buen Vivir como alternativa. *Utopía y Praxis Latinoamericana*, 2011, N 53, pp. 71-83. Available at: <http://economiasur.com/wp-content/uploads/2016/03/GudynasAcostaCriticaDesarrolloBVivirUtopia11.pdf> (accessed 13.01.2021).

39. Gudynas E. Buen Vivir. Germinando alternativas al desarrollo. *América Latina en Movimiento*, 2011, N 462, pp. 1-20. Available at: <http://www.ecominga.uqam.ca/>

PDF/BIBLIOGRAPHIE/GUIDE_Lecture_1/Gudynas-Buen-vivir-Germinando-alternativas.pdf (accessed 13.01.2021).

40. Acosta A. El Buen Vivir en el camino del post-desarrollo. Una lectura desde la Constitución de Montecristi. *Fundación Friedrich Ebert*, 2010. Available at: https://www.fuhem.es/media/cdv/file/biblioteca/Analisis/Buen_vivir/Buen_vivir_posdesarrollo_A_Acosta.pdf (accessed 29.12.2020).

41. Gudynas E. Buen Vivir: today's tomorrow. *Development*, 2011, vol. 54, N 4, pp. 441-447. Available at: https://www.researchgate.net/publication/241764771_Buen_Vivir_Today's_Tomorrow (accessed 4.12.2020).

42. Шинкаренко А. А. Между неоэкстрактивизмом и "зеленой" геополитикой. Особенности "эко-территориального сдвига" в Латинской Америке. *PolitBook*, 2018, № 4, сс. 103-116. [Shinkarenko A. A. Mezhdue neoekstraktivizmom i 'zelyonoy' geopolitikoy. Osobennosti 'eko-territorial'nogo sdviga' v Latinskoj Amerike [Between neo-extractivism and 'green' geopolitics. Peculiarities of the 'eco-territorial' shift in Latin America]. *PolitBook*, 2018, N 4, pp. 103-116. (In Russ.).

43. Kothari A., Demaria F., Acosta A. Buen Vivir, degrowth and ecological Swaraj: Alternatives to sustainable development and the green economy. *Development*, 2014, vol. 57, N 3-4, pp. 362-375. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1057/dev.2015.24> (accessed 19.01.2021).

44. Descolonización en Bolivia. Cuatro ejes para comprender el cambio. La Paz, 2011, 463 p.

45. De Souza Santos B. Hablamos del socialismo del Buen Vivir. *ALAI, América en Movimiento*, 2010, N 452, pp. 4-7. Available at: <https://alfarcolectivo.files.wordpress.com/2011/07/hablamos-del-socialismo-del-buen-vivir.pdf> (accessed 18.01.2021); Костогрызов П. И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М., Юрлитинформ, 2018, 248 с. [Kostogryzov P. I. Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoj Ameriki [Communitarian justice in Latin American countries]. Moscow, Yurлитinform, 2018, 248 p. (In Russ.).

46. Sánchez Parga J. Discursos retrovolucionarios: Sumak Kausay, derechos de la naturaleza y otros pachamamismos. *Ecuador Debate. Acerca del Buen Vivir*, 2011, N 84, pp. 31-50. Available at: <https://repositorio.flacsoandes.edu.ec/bitstream/10469/3515/1/RFLACSO-ED84-02-Sanchez.pdf> (accessed 20.12.2021).

47. Костогрызов П. И. Идеология сума каманья в политике ценностей левоиндигенистского режима Э. Моралеса. *Вестник Пермского университета. Серия: История*, 2019, № 4 (47). [Kostogryzov P. I. Ideologiya suma kaman'a v politike tsennostey levoindigenistskogo rezhima E. Moralesa [Ideology of suma kamaña in the values politics of the left indigenous regime of E. Morales]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoria*, 2019, N 4 (47). (In Russ.).

48. Canessa A. Conflict, claim and contradiction in the new 'indigenous' state of Bolivia. *Critique of Anthropology*, 2014, vol. 34, N 2, pp. 153-173. Available at: https://refubium.fub-berlin.de/bitstream/handle/fub188/20011/22_WP_Canessa_online.pdf;jsessionid=3B727480ECBDA25A9F3034A50E37E6EE?sequence=1 (accessed 3.01.2021).

49. Macusya C. ¿Cuándo se jodió la "descolonización a la boliviana"? Available at: <http://jichha.blogspot.com/2015/10/cuando-se-jodio-la-descolonizacion-la.html> (accessed 20.01.2021).

50. Из личной беседы с П. Португаль Молинедо. [Iz lichnoj besedy s P.Portugal Mollinedo] [Interview with P.Portugal Mollinedo].

51. Из личной беседы с К.Макусайей [Iz lichnoj besedy s C.Macusayei] [Interview with C.Macusaya].

52. Portugal Mollinedo P. Visión posmoderna y visión andina del desarrollo. *El desarrollo en cuestión. Reflexiones desde América Latina*, 2011, pp. 253-82. Available at: <https://ru.scribd.com/document/331620148/Vision-Posmoderna-y-Vision-Andina> (accessed 20.01.2021).

53. Tassi N., Medeiros C., Rodríguez Carmona A., Ferrufino G. Hacer plata sin plata. El desborde de los comerciantes populares en Bolivia. La Paz, PIEB, 2013, 286 p.

54. Павлова Е. Б. Стрессоустойчивость неолиберализма: "индейская буржуазия" в Боливии. *Латинская Америка*, 2017, № 11, сс. 39-48. [Pavlova E. B. Stressoustoychivost' neoliberalizma: 'indeyskaya burzhuaziya' v Bolivii [Resilience of neoliberalism: 'Indian bourgeoisie' in Bolivia]. *Latinskaya Amerika*, 2017, N 11, pp. 39-48. (In Russ.).

Елена Павлова, Сергей Мазаник

55. Waldmüller J. Buen Vivir, Sumak Kawsay, 'Good Living': An Introduction and Overview. *Alternautas*, 2014, vol. 1, pp. 17-28. Available at: <http://www.alternautas.net/blog/2014/5/14/buen-vivir-sumak-kawsay-good-living-an-introduction-and-overview#sden-dnote7sym> (accessed 19.01.2021).
56. Из личной беседы с М. Фернандес Оско [Iz lichnoj besedy s M. Fernandez Osco] [Interview with M. Fernandez Osco].
57. Walsh C. Development as Buen Vivir: Institutional arrangements and (de) colonial entanglements. *Development*, 2010, vol. 53, N 1, pp. 15-21. Available at: <http://www.plataformabuenvivir.com/wp-content/uploads/2012/07/DevelopmentBuenVivirWalsh10.pdf> (accessed 3.01.2021).
58. Starn O. Missing the revolution: anthropologists and the war in Peru. *Cultural Anthropology*, 1991, vol. 6, N 1, pp. 63-91. Available at: <https://www.jstor.org/stable/656495> (accessed 21.01.2021).
59. Briggs J., Sharp J. Indigenous knowledges and development: a postcolonial caution. *Third World Quarterly*, 2004, vol. 25, N 4, pp. 661-676. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/1095/1/1095.pdf> (accessed 28.11.2020).

Elena B. Pavlova (elena.pavlova@ut.ee)
PhD in Political Science, Associate Professor at Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation;
Senior Researcher at University of Tartu
Ülikooli 18, 50090 Tartu, Estonia

Sergei V. Mazanik (sergeymazanik97@gmail.com).
Master Student at Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7–9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

The postcolonial perspective on the local knowledge: *Buen Vivir* vs resilience

Abstract. Shaped in the course of the global debates on development alternatives and alternative ways of addressing new challenges, the concepts of *Buen Vivir* and resilience proceed from the relevance of local knowledge and experience as resources to create such alternatives. However, both the contemporary international relations system and the knowledge system remain by and large Eurocentric, which complicates the implementation of the above-mentioned concepts. In order to clarify this issue, this article identifies specificities of applying the concept of *Buen Vivir*, articulated as a manifestation of local knowledge, to from new resilience resources alternative to the contemporary neoliberal consensus. This goal is achieved by means of postcolonial analytical framework, the peculiarities of which are elucidated in the first part. Then the authors resort to studying the resilience logic as part of the global discourse on local knowledge as well as discerning the trends of reconceptualizing *Buen Vivir* in the academic discourse. Finally, the conclusion is drawn about the problematic character of perceiving and converting local knowledge, in particular *Buen Vivir*, as a development alternative and an alternative way of addressing the neoliberal system's challenges.

Key words: *Buen Vivir*, resilience, local knowledge, postcolonial approach, Eurocentrism, development alternatives.

DOI: 10.31857/S0044748X0014089-6

Received 25.01.2021.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Бобровников А.В. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- Испания: траектория модернизации на исходе XX века. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Холодков Н.Н. Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- Латинская Америка: испытания демократии. Вопросы политической модернизации. В 2-х частях. Отв. ред. Чумакова М.Л.
- Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Индейский мир перед вызовами XXI века (сборник статей). Отв. ред. Чумакова М.Л., Мартынов Б.Ф.
- Мексика: парадоксы модернизации. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены.
- Латинская Америка на пути экономической модернизации. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. Давыдов В.М.
- Ермольева Э.Г. Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени.
- Иберо-американская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Португалия: эпоха перемен. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник).
- Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. Отв. ред. Ивановский З.В.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. Константинова Н.С.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. Сударев В.П., Симонова Л.Н.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. Яковлева Н.М.
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Россия — Аргентина: история и современность.
- Возможности и пределы инновационного развития. Отв. ред. Симонова Л.Н.
- Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства.
- Война США против Мексики. Постфактум. Спустя 170 лет.
- Куба Si. 60 лет Революции. Отв. ред. Калашников Н.В.
- Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. Константинова Н.С.
- В.М.Давыдов. Перспектива устойчивого развития в новом глобальном и региональном контексте.
- Кодзоев М.А.-М. США — Куба: эхо холодной войны.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. Симонова Л.Н.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

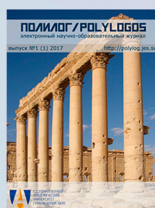
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2021 г. выпустить в свет следующие книги:

- Перспектива устойчивого развития. Про и контра на латиноамериканской почве. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнездяковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru